
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
(УНИВЕРСИТЕТ) МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

**LINGUISTICS & POLYGLOT
STUDIES**
VOLUME 10, No.4 (2024)

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
В МГИМО**
ТОМ 10, №4 (2024)

Издательство
«МГИМО-Университет»
2024

LINGUISTICS & POLYGLOT STUDIES / ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО

ISSN 2410-2423 (Print)

ISSN 2782-3717 (Online)

The journal *Linguistics & Polyglot Studies / Филологические науки в МГИМО* is an international peer-reviewed journal publishing research in linguistics, polyglottery and related fields.

The aims of the journal are:

- promoting international scholarly communication and discussion of ideas and findings in the field of linguistics, cross-cultural communication, translation studies, literature studies, methodology of foreign language teaching and related disciplines;
- developing an international platform for publication of research papers and conference proceedings in the field of polyglottery;
- publishing results of original interdisciplinary research.

The *Linguistics & Polyglot Studies / Филологические науки в МГИМО* focuses primarily on the following themes: linguistics, cross-cultural communication, sociolinguistics, cognitive linguistics, translation studies, pragmatics, discourse analysis, literature and culture studies, polyglottery and innovative methods of foreign language learning/teaching. It also publishes book and thesis reviews, literature overviews and conference reports.

Indexed / abstracted in RSCI, RSL, CROssRef, EBSCO Academic Research, Ulrich's Periodicals Directory, Google Scholar, Library of Congress, WorldCat, Lens.org., Mendeley.

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English, German, French, Spanish, Italian, Chinese, Japanese, Arabic and Hindi.

The journal is published in accordance with the policies of COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Address: 76, Prospect Vernadskogo Moscow, Russia, 119454

MGIMO University

Tel.: +7 495 225-3857

Email: philnauki@inno.mgimo.ru

Web site: philnauki.mgimo.ru

Linguistics & Polyglot Studies / Филологические науки в МГИМО, Volume 10, No. 4. (Editor-in-chief V. Iovenko). – Moscow: MGIMO-University, 2024. – 153 p.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО / LINGUISTICS & POLYGLOT STUDIES

ISSN 2410-2423 (Print)

ISSN 2782-3717 (Online)

Журнал *Филологические науки в МГИМО / Linguistics & Polyglot Studies* является международным журналом с двойным слепым рецензированием, публикующим научные статьи в области лингвистики, полиглотики и связанных с ними дисциплин.

Основные цели журнала:

- освещение результатов исследований и обмен опытом, идеями и научными открытиями в области лингвистики, литературоведения и межкультурной коммуникации, теории и практики перевода, методики обучения иностранным языкам и смежных с ними дисциплин;
- создание международной платформы для публикации научных исследований и материалов конференций в области изучения теории полиглотики и практики ее применения;
- публикация результатов оригинальных исследований междисциплинарного характера.

Основные рубрики: лингвистика и межкультурная коммуникация, социолингвистика и когнитивная лингвистика, переводоведение, прагматика и дискурсивный анализ, литературоведение и лингвокультурология, полиглотия, инновационные методики и компетентностный подход в преподавании иностранных языков, рецензии и научные обзоры.

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ:

группы специальностей:

- 5.9.7. Классическая, византийская и новогреческая филология;
- 5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования;
- 5.8.7. Методология и технология профессионального образования;
- 5.9.2. Литературы народов мира;
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран;
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика.

Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), elibrary, РГБ, CrossRef, EBSCO Academic Search, Ulrich's Periodicals Directory (Cambridge Information Group); Google Scholar, Library of Congress, World Cat, Lens.org, Соционет, Mendeley.

Периодичность: четыре номера в год.

Языки: русский, английский, немецкий, французский, испанский, итальянский, китайский, японский, арабский и хинди.

Журнал придерживается международных стандартов публикационной этики, сформулированных в документе COPE (Committee on Publication Ethics) <http://publicationethics.org>.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор): ПИ № ФС 77-66596 от 21 июля 2016 г.

Публикация статей в журнале осуществляется бесплатно.

Адрес: 119454, Москва, проспект Вернадского, 76, МГИМО МИД России

Тел.: +7 (495) 225-38-57

E-mail: philnauki@inno.mgimo.ru

Интернет-сайт: philnauki.mgimo.ru

Филологические науки в МГИМО / Linguistics & Polyglot Studies: Журнал. Том 10. №4. / Гл. ред. В.А. Иовенко. – М.: МГИМО-Университет, 2024. – 153 с.

Научное издание

Филологические науки в МГИМО / Linguistics & Polyglot Studies. Том 10. №4.

Выпускающий редактор: Е.А. Крашенинникова

Корректурa: Т.А. Ивушкина, Г.А. Казаков

Компьютерная верстка и дизайн: Д.Е. Волков

Распространяется по подписке. Подписной индекс в каталоге ООО «Урал-Пресс» 80991.

Цена свободная.

Подписано в печать 18.12.2024 г. Формат 60x84¹/₈. Бумага офсетная. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 19,13. Тираж 500 экз. Заказ № 1903.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России:

119454, Москва, пр. Вернадского, 76.

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Valery A. Iovenko, Doctor of Philology, Professor, Professor at the Spanish Language Department, MGIMO University, Russia

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Sergei V. Evteev, Candidate of Philology, Professor at the Department of German, MGIMO-University, Russia

ACADEMIC EDITOR

Tatiana A. Ivushkina, Doctor of Philology, Professor, Chair of English Department №3, MGIMO University, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Grigory A. Kazakov, Candidate of Philology, PhD, Associate Professor at English Department №3, MGIMO University, Russia

ISSUING EDITOR

Elena A. Krashennnikova, Expert of the Directorate of Language Training, MGIMO University, Russia

Alexey N. Aleksakhin, Doctor of Philology, Professor at Department of Chinese, Vietnamese, Lao and Thai, MGIMO University, Russia

Pavel V. Balditsin, Doctor of Philology, Head of the Department of Medialinguistics, Moscow State University, Russia

Olga S. Chesnokova, Doctor of Philology, professor at Foreign Languages Department, Philological Faculty, Peoples' Friendship University of Russia, Russia

Elena L. Gladkova, Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Indo-Iranian and African languages, MGIMO University, Russia

Ekaterina E. Golubkova, Doctor of Philology, Professor at the Department of English Lexicology, Faculty of the English Language, Moscow State Linguistic University, Russia

Tatiana M. Gurevich, Doctor of Cultural Studies, Candidate of Philology, Professor at the Department of Japanese, Korean and Indonesian Languages, MGIMO University, Russia

Nikolai V. Ivanov, Doctor of Philology, Professor, Head of Romance Languages, MGIMO University, Russia

Kitabayashi Hikaru, PhD, Professor Emeritus of Daito Bunka University, Japan

Marina P. Kizima, Doctor of Philology, Professor at Department of World Literature and Culture, MGIMO University, Russia

Lidiya P. Kostikova, Doctor of Pedagogy, Ryazan State University, Russia

Natalia V. Loseva, Candidate of Philology, Associate Professor, Professor at Department of French, MGIMO University, Russia

Natalia N. Nizhneva, Doctor of Pedagogy, Belarusian State University, Belarus

Evgenia V. Ponomarenko, Doctor of Philology, Professor, Professor at English Department №5, MGIMO University, Russia

Elena M. Pozdnyakova, Doctor of Philology, Professor, Professor at English Department №3, MGIMO University, Russia

Maria M. Repenkova, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of the Department of Turkic Philology, Institute of Asia and Africa, Moscow State University, Russia

Nabati Shahram, Doctor of Philology, Head of the Russian Language Department at Gilan University, Islamic Republic of Iran

Andrei V. Shtanov, Candidate of Philology, Head of Near and Middle East Languages Department, MGIMO University, Russia

Elvira L. Shubina, Doctor of Philology, Professor at the Department of German, MGIMO University, Russia

Lyudmila Smirnova, PhD, Professor of Education, Mount Saint Mary College in Newburgh, USA

Svetlana G. Ter-Minasova, Doctor of Philology, President of the Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Moscow State University, Russia

Elena Y. Varlamova, Doctor of Pedagogy, Moscow Aviation Institute, Russia

Elena V. Voevoda, Doctor of Pedagogy, Moscow State Institute of International Relations (University), Russia

Elena B. Yastrebova, Candidate of Pedagogy, Associate Professor, professor at English Department №1, MGIMO University, Russia

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Иовенко Валерий Алексеевич – доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры испанского языка МГИМО МИД России (Россия, Москва)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Евтеев Сергей Валентинович – к.филол. н., доцент, проф. кафедры немецкого языка МГИМО МИД России (Россия, Москва)

НАУЧНЫЙ РЕДАКТОР

Ивушкина Татьяна Александровна – д.филол. н., проф., заведующий кафедрой английского языка №3 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Казаков Григорий Александрович – к.филол.н., PhD, доцент кафедры английского языка №3 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

Крашенинникова Елена Андреевна – эксперт Управления языковой подготовки МГИМО МИД России

Алексахин Алексей Николаевич – д.филол.н., профессор, проф. кафедры китайского, вьетнамского, лаосского и тайского языков МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Балдицын Павел Вячеславович – д.филол.н., профессор, заведующий кафедрой медиалингвистики МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, Москва)

Варламова Елена Юрьевна – д.пед.н., доцент, проф. кафедры И-12 «Лингвистика и переводоведение» МАИ, (Россия, Москва)

Воевода Елена Владимировна – д.пед. н., профессор, профессор кафедры педагогической культуры и управления в образовании, профессор кафедры английского языка №2 МГИМО МИД России, (Россия, Москва)

Гладкова Елена Львовна – к.филол.н., доцент, заведующий кафедрой индоиранских и африканских языков МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Голубкова Екатерина Евгеньевна – д.филол.н., профессор, проф. кафедры лексикологии английского языка факультета английского языка Московского государственного лингвистического университета (Россия, Москва)

Гуревич Татьяна Михайловна – д.культурологии, к.филол.н., доцент, проф. кафедры японского, корейского и индонезийского языков МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Иванов Николай Викторович – д.филол.н., профессор, заведующий кафедрой романских языков МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Кизима Марина Прокофьевна – д.филол.н., профессор, проф. кафедры мировой литературы и культуры МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Китабаяси Хикару – PhD, заслуженный профессор Университета Дайто-Бунка, (Япония, Токио)

Костикова Лидия Петровна – д.пед.н., профессор кафедры иностранных языков института истории, философии и политических наук РГУ им. С.А. Есенина, (Россия, Рязань)

Лосева Наталья Владимировна – к.филол.наук, доцент, проф. кафедры французского языка МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Набати Шахрам – д.филол.н., заведующий кафедрой русского языка Гилянского университета (ИРИ, Решт)

Нишнева Наталья Николаевна – академик Международной академии наук педагогического образования, член-корреспондент Международной академии акмеологических наук, д.пед.н., профессор кафедры английского языкознания БГУ (Белоруссия, Минск)

Позднякова Елена Михайловна – д.филол. н., профессор, проф. кафедры английского языка № 3 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Пономаренко Евгения Витальевна – д. филол. н., профессор, профессор кафедры английского языка №5 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Репенкова Мария Михайловна – д.филол.н., доцент, заведующий кафедрой тюркской филологии ИСАА МГУ им. М.В. Ломоносова (Россия, Москва)

Смирнова Людмила – PhD, профессор педагогики, колледж Маунт-Сент-Мэри (США, Нью-Йорк)

Тер-Минасова Светлана Григорьевна – доктор филологических наук, профессор, президент факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М.В. Ломоносова

Чеснокова Ольга Станиславовна – д.филол. н., профессор, проф. кафедры иностранных языков филологического факультета Российского университета дружбы народов (Россия, Москва)

Штанов Андрей Владимирович – к.филол.н., доцент, заведующий кафедрой языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Шубина Эльвира Леонидовна – д.филол.н., профессор, проф. кафедры немецкого языка МГИМО МИД России (Россия, Москва)

Ястребова Елена Борисовна – к.пед.н., доцент, проф. кафедры английского языка № 1 МГИМО МИД России (Россия, Москва)

CONTENTS

LINGUISTICS AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

Modal Categories of the Portuguese Grammar in the Mirror of Logical Analysis – I	8
<i>Nikolay V. Ivanov</i>	
English Borrowings in Economic Discourse (Based on Modern Russian Trade Advertising)	22
<i>Farah A. Mammadova</i>	
Stylistic Affiliation of Set Expressions with the Component <i>MAYOR</i> , <i>MENOR</i> in the Spanish Language	37
<i>Natalia A. Mikheeva</i>	
Precedent Phenomena as a Means of Event Representation in the English Language Media Discourse	57
<i>Tatiana P. Filichkina</i>	

TRANSLATION STUDIES

Small-Format Texts in the Practice of Teaching Translation and Interpretation for Professional Purposes	71
<i>Vladislav E. Anisimov, Ekaterina D. Anisimova, Mikhail K. Ogorodov</i>	
“Soviet Pushkin” in Latin America: How to Translate the Myth? Dovlatov’s “Pushkin Hills” in Brazil and Argentina ..	89
<i>Yulia I. Mikaelyan</i>	

INNOVATIVE METHODS AND COMPETENCE APPROACH IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES

Microlearning as an Effective Way to Manage Students’ Attention in a Foreign Language Lesson	101
<i>Ksenia V. Lykova</i>	

LITERATURE AND CULTURE STUDIES

Rishi Sunak vs Keir Starmer: Cartoon Representation in the Context of the 2024 General Election	114
<i>Alyona V. Dymova, Victoria Yu. Kareva, Anastasia I. Zolotaiko</i>	
«Spanish Noir»: towards a Literary Understanding of Genre (on the example of the Novel «Todo esto te dará» by D. Redondo)	132
<i>Elena S. Korzhukova, Irina V. Smirnova</i>	

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Модальные категории португальской грамматики в зеркале логического анализа -1	8
<i>Иванов Н.В.</i>	
Английские заимствования в экономическом дискурсе (на материале современной российской рекламы)	22
<i>Мамедова Ф.А.</i>	
Стилистическая принадлежность устойчивых словосочетаний с компонентом MAYOR, MENOR в испанском языке	37
<i>Михеева Н.А.</i>	
Прецедентные феномены как средство репрезентации событий в англоязычном медийном дискурсе	57
<i>Филичкина Т.П.</i>	

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Применение малоформатных текстов в практике обучения переводу для профессиональных целей	71
<i>Анисимов В.Е., Анисимова Е.Д., Огородов М.К.</i>	
«Советский Пушкин» в Латинской Америке: как перевести миф? О переводах повести С. Довлатова «Заповедник» в Бразилии и Аргентине	89
<i>Микаэлян Ю.И.</i>	

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДИКИ И КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Микрообучение как эффективный способ управления вниманием студентов на занятии по иностранному языку	101
<i>Лыкова К.В.</i>	

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Риши Сунак vs Кир Стармер: карикатурная репрезентация в контексте парламентских выборов.	114
<i>Дымова А.В., Карева В.Ю., Золотайко А.И.</i>	
«Испанский нуар»: к литературоведческому пониманию жанра (на примере романа Долорес Редондо «Всё это дам тебе»)	132
<i>Коржукова Е.С., Смирнова И.В.</i>	

Modal Categories of the Portuguese Grammar in the Mirror of Logical Analysis - I

Nikolay V. Ivanov

MGIMO UNIVERSITY,
76, prospekt Vernadskogo, 119454, Moscow, Russia

Abstract. This publication is the first part of the paper dedicated to the aspects of the logical analysis of the forms of grammatical modality in the Portuguese language. It takes into consideration the general nature of the modality. A difference between speech modality and linguistic modality is drawn. The grammatical modality includes those forms of it that are fixed in the morphology of the word. Forms of nominative modality (for nouns) and forms of predicative (verbal) modality are distinguished. The types of nominative modality are differentiated on the basis of the article. The types of predicative modality are represented by moods of the verb. Functionally, modality does not participate in the semantic representation, does not carry a denotative function, but at the same time it is a tool for controlling the logical form of the thought. The article controls the form of the concept (notion); the mood controls the form of judgment (proposition). Some Portuguese examples are given to demonstrate the logical function of the article accompanying the noun in speech accentuating the inner opposition between extensional and intensional features of substantive meaning. The verbal mood regulates the truth function of the sentence. The truth function of a sentence in Portuguese is marked by the forms of four verbal moods, which are characterized as follows: absolutely true (*Modo Indicativo*), absolutely untrue (*Modo Imperativo*), conditionally true (*Modo Conditional*) and conditionally untrue (*Modo Conjuntivo/Subjuntivo*). The truth function of a sentence depends on the logical correlation of the sentence with the surrounding sentences. On this basis, the paper introduces the concept of *modal taxis*. The modal taxis is seen as parallel to the temporal taxis. The temporal taxis means a contextual coordination between the sentences based on the semantic of tenses. In the modal taxis the verb takes a modal form according to its logical relation with other sentence. The independent and dependent types of modal taxis are distinguished; forms of modal coordination in each of the types of modal taxis are investigated. The article may be of interest to specialists in the field of general linguistics, theoretical grammar, Romance linguistics and Portuguese studies.

Keywords: nominal modality, predicative modality, article, verbal mood, modal taxis, possible worlds semantics, the Portuguese language

For citation: : Ivanov, N.V. (2024). Modal categories of the Portuguese grammar in the mirror of logical analysis -1. *Linguistics & Polyglot Studies*, 10(4), pp. 8–21. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-4-41-8-21>

Модальные категории португальской грамматики в зеркале логического анализа – I

Н.В. Иванов

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. Настоящая публикация представляет собой первую часть статьи, посвященной аспектам логического анализа форм грамматической модальности в португальском языке. Рассматриваются общие вопросы природы модальности в языке. Разграничиваются уровни речевой и языковой модальности. К грамматической модальности относятся те ее формы, которые получают закрепление в морфологии слова. Выделяются формы номинативной модальности (для существительных) и формы предикативной (глагольной) модальности. Виды номинативной модальности дифференцируются на базе артикля. Виды предикативной модальности представлены наклонениями глагола. Функционально модальность не участвует в семантическом отображении действительности, не несет денотативной функции, но при этом является инструментом управления логической формой мысли. Артикль управляет формой понятия, наклонение управляет формой суждения. На базе португальских примеров рассматривается логика артиклевых номинаций, в основе которой лежит противопоставление экстенциональных и интенциональных понятийных признаков субстантивного значения. Глагольное наклонение регулирует истинностную функцию предложения. Истинностная функция предложения в португальском языке маркируется формами четырех глагольных наклонений, которые характеризуются как: абсолютно истинное (*Modo Indicativo*), абсолютно неистинное (*Modo Imperativo*), условно истинное (*Modo Condicional*) и условно неистинное (*Modo Conjuntivo*). Истинностная функция предложения зависит от условий логического соотношения предложения с окружающими его предложениями. На этой основе в статье вводится понятие *модального таксиса*. Модальный таксис трактуется как вид синтаксической зависимости, параллельный темпоральному таксису. Темпоральный таксис представляет собой контекстное согласование предложений на основе семантики времени глагола-сказуемого в каждом из них. В модальном таксисе глагол-сказуемое в предложении принимает ту или иную модальную форму в зависимости от способа его логической связи с другим предложением. Выделяются независимый и зависимый виды модального таксиса, раскрываются критерии истинностного согласования в каждом из видов модального таксиса. Статья может быть интересна специалистам в области общего языкознания, теоретической грамматики, романского языкознания и португалистики.

Ключевые слова: номинативная модальность, предикативная модальность, артикль, наклонение, модальный таксис, семантика возможных миров, португальский язык

Для цитирования: Иванов Н.В. (2024). Модальные категории португальской грамматики в зеркале логического анализа – I. *Филологические науки в МГИМО*. 10(4), С. 8–21. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-4-41-8-21>

1. Вступление (Introduction)

Грамматическая категория (имея в виду формат её языкового закрепления) скрывает в себе специфическую для каждого языка взаимосвязь морфологии и синтаксиса. В морфологии дана глубина структурного закрепления категории в языке, в синтаксисе – ширина её функционального применения. В совокупности грамматических категорий мы видим очертания «внутренней формы языка», которая в её речевой проекции служит матрицей восприятия и понимания мира [12, с. 32].

Глубина грамматической категоризации языка, равно как и степень функциональной диверсификации отдельных категорий, могут быть различными, но в любом случае в структурной механике языка грамматическая категоризация развивается по двум направлениям. Одно из них может быть названо *иконическим*, второе – *логическим*.

Относящийся к первому направлению тип категорий носит случайный и непредсказуемый характер. Состав этих категорий варьируется от языка к языку и в целом не поддаётся рациональному объяснению. Эти категории расширяют и дополняют лексическую семантику, то есть входят в предметную референциальную нагрузку слова. Они могут быть названы объективными, поскольку вместе с лексическим значением участвуют в семантической репрезентации отображаемой в знаке внешней реальности, в создании языковой картины мира. К этому типу категорий в части, касающейся существительных и личных местоимений, мы относим категории рода и числа, а также падежно-реляционные категории (выражаемые посредством флексий, предлогов или других внешних служебных слов). В части, касающейся глагола, к этому типу категорий мы относим личные и аспектуально-временные категории глагола (выражаемые различными формами глагола). Всеми этими категориями упорядочивается семантическая организация предмета мысли в пространственном и временном измерениях. Предмет мысли семантически раскрывается по одному и тому же грамматическому «сценарию»: в нём так или иначе должны найти отражение пространственные (в актантной структуре предложения) и временные (в аспектуально-временной семантике сказуемого) границы действия. Этими измерениями очерчивается «сюжетная рамка» предложения, в которую интегрирована предметно-семантическая схема события. Эта сторона грамматики выполняет иконическую, то есть изобразительную, функцию, помогает семантическому отображению обозначаемой реальности.

Второе направление грамматикализации представлено модальными категориями. Эти категории могут быть названы субъективными¹. Эти категории, как и первые, также получают морфологическое закрепление в языке. Однако по своей содержательной функции они стоят за рамками предмета мысли и не участвуют в семантическом отображении внешней реальности,

¹ Говоря о субъективной природе модальности, мы имеем в виду то, что источником всякой модальности является субъект. «Общим семантическим признаком «модальных объектов» является «точка зрения говорящего»» [6, с. 67]. Но в своём первичном функциональном статусе модус обращён к диктуму, то есть к объективному содержательному представлению в знаке. Имея в виду эту обращённость, мы говорим об объективной стороне модуса, то есть об объективной модальности знака. Объективные модусы получают грамматическое закрепление в морфологии знака. В объективном модусе открывается логика объекта для субъекта. Помимо видов объективной модальности, выделяются всевозможные виды и оттенки субъективной модальности (маркируемые модальными словами и частицами). Субъективный модус обращён к другому субъекту, демонстрируя смысловую прагматику знака в акте его коммуникативного предъявления. В португальском языке субъективная модальность частично получает морфологическое грамматическое закрепление в формах будущего изъявительного (*Futuro Simples do Indicativo*) и условного наклонения (*Modo Condicional*) глагола. Эти формы в своём субъективно-модальном значении способны усиливать или ослаблять степень очевидности обозначаемого в высказывании события и, значит, выражать субъективное усиление/ослабление истинности высказывания. Так, форма условного наклонения (*Modo Condicional*) в португальском языке в объективном модусе выражает потенциальную или упущенную возможность. В субъективном модусе она выражает субъективное ослабление очевидности (эвиденциальная модальность). Пример использования формы *Modo Condicional* в субъективной модальной функции: *O nosso jornal apurou, junto de alguns vizinhos, que Rosa teria ficado descontente com a viagem do marido ao Algarve* (Наша газета выяснила у некоторых соседей, что Роза была /якобы/ недовольна поездкой мужа в Алгарве). Условная форма глагола в этом примере ясно показывает, что это – чужие слова, что автор говорит эту информацию с чужих слов.

в создании языковой картины мира, одним словом, не имеют денотативной функции. Вместе с тем эти категории с большим правом, чем первые, могут быть названы необходимыми и *рациональными*, характеризуя *логическую форму* мысли. К этим категориям в области номинативной грамматики относятся формы *референциальных модальностей*, которые дифференцируются на базе артикля и других детерминативов, в области глагольной грамматики – это формы *предикативных модальностей*, которые дифференцируются на базе глагольных наклонений.

Представленная выше типология грамматических категорий свидетельствует об их отнесённости к двум функциональным пространствам языка: *диктуму* и *модусу*. Ш. Балли, который ввёл в научный обиход эти понятия [4, с. 44–45], использовал их для разграничения объективного (предметно-семантического) и субъективного (смыслового) аспектов содержания в масштабе предложения. Диктум характеризует внутреннее пространство предметного обозначения в знаке. Модус характеризует переход от семантики к смыслу. «Модус и диктум дополняют друг друга» [там же, с. 46].

Приблизительно такое же разграничение грамматических категорий даёт Р.О. Якобсон, который в области глагольной грамматики выделяет категории, способные что-то обозначать – лицо, число, род, время, аспект (Designators) – и категории, не способные обозначать, но способные связывать, выражать отношение – модальность и таксис, которые он именует коннекторами и шифтерами (Connectors, Shifters). Таксис характеризует синтагматическую связь предложений. Модальности относятся к разряду шифтеров, то есть категорий, за которыми открывается точка зрения говорящего субъекта [19, с. 47]. Таксис, по версии Якобсона, является чистым коннектором. Модальность (Mood) является и коннектором, и шифтером, то есть работает в двух плоскостях.

2. Основная часть

2.1. Описательный, перформативный и формально-грамматический способы выражения модальности в языке

Модальность – чрезвычайно широкое и многоуровневое явление. В лингвистике закрепились широкая деятельностная трактовка модальности как прагматической когнитивной категории. Генезис модальной рамки видят в аспектах внешней обусловленности предложения, в смысловой мотивированности его как речевого высказывания [9, с. 141]. Такая трактовка модальности выходит за рамки структурной грамматики языка и становится частью коммуникативной грамматики, где её действие является устойчивым, но менее формализованным. Модальность в таком понимании становится над-синтаксической интерпретационной категорией, которая целостным образом принадлежит предложению на правах коннотации.

По форме языкового выражения мы выделяем три вида или уровня модального маркирования: семантический (описательный), перформативный и формально-грамматический.

Семантический способ модального маркирования может быть назван эксплицитным. Он имеет форму внешнего семантического описания того смысла, который модализует понимание внешней обозначаемой ситуации (предмета мысли). Семантическое описание смыслового модуса получает синтаксическое оформление. Так, например, предложение *Он сегодня не придёт* может получить модальное обрамление: *Я думаю, что он сегодня не придёт*, *Мне жаль, что он сегодня не придёт*, *Я рад, что он сегодня не придёт* и т.д. Формально к одному событию (*Он сегодня*

В отечественной лингвистике одной из центральных является проблема разграничения объективной и субъективной модальностей [13, с. 303–304]. При этом объективная (грамматическая) модальность, в основе которой лежит оппозиция «реальность – ирреальность», понимается как ядро модальности, от которой потом дифференцируются многие частные её виды [6, с. 77–79]. В.В. Виноградов отталкивался от субъективно-оценочных значений модальности, выделяя большое количество модальных оттенков [8]. При этом он также в качестве важнейшей ставил задачу выделения некоторого смыслового центра, вокруг которого дифференцировались бы частные модальные значения: «... необходимо проводить принципиальную чёткую грань между разными эмоциональными формами выражения реакции на действительность и модальной оценкой отношения высказывания к действительности, хотя обе эти сферы речевых явлений... находятся между собою в самом тесном взаимодействии» [там же, с. 62]. В настоящей статье рассматриваются грамматические формы объективной модальности в португальском языке в масштабе предложения.

не придёт) присоединяется другое событие (Я думаю..., Мне жаль..., Я рад...). Два события, принадлежащие различным семантическим измерениям, – предметному (он сегодня не придёт) и прагматическому (Я думаю..., Я рад... и т.д.), объединяются в единый ситуационный комплекс, в котором между ними устанавливается иерархическое логическое отношение. Доминантным становится событие мнения, субдоминантным (включённым) – событие, в отношении которого это мнение выражается. Первичное (семантическое) предложение встраивается во вторичное (модальное), становится его частью, интенционалом. При этом оно теряет свою фактическую самостоятельность. Истинностный статус придаточного предложения понижается, истинность описываемого события уже не так очевидна, оно «отравлено» мнением. Любое привносимое мнение ослабляет истину.

В целом такой способ выражения модальности может быть назван описательным. Способов описательной модальности в каждом языке – великое множество. Н.Д. Арутюнова выделяет четыре семантических группы модальных предикатов: сенсорный, ментальный, эмотивный, волитивный [1, с. 109], при помощи которых раскрывается смысловой модус понимания субъектом объекта мысли.

Второй способ выражения модальности мы определяем как перформативный, его можно также назвать имплицитным. Он выразительно встроен в структуру пропозиции, сливается с описываемым событием. В структуре высказывания его репрезентирует форма актуального членения предложения. Говорящий самой формой линейного развёртывания высказывания как бы демонстрирует его смысл применительно к ситуации общения – интеграцию высказывания в контекст (СФЕ), в дальнейшем развёртывание мысли. Предметная (сюжетная) рамка интегрируется в коммуникативную рамку высказывания. Учёные говорят о двойственности предикативной функции в высказывании – о двух предикациях в одной и той же пропозициональной структуре: сказуемостной и тема-рематической [11, с. 80–81]. Предметная модель отображаемой в речевом знаке ситуации получает смысл, относящийся к коммуникативным условиям его порождения. Причём это обеспечивается не внешним семантическим комментарием, не описательно, а самой формой высказывания, его внутренней смысловой динамикой. Например, перенос рематического акцента существенно меняет смысловое целеполагание в высказывании. В русском языке это возможно средствами одной лишь интонации без изменения порядка слов и/или дополнительных средств формального маркирования: Она пришла **провеждать** тебя; Она пришла **провеждать** **тебя**; Она **пришла** **провеждать** тебя; **Что** ты ей сказал? **Что** **ты** ей сказал? **Что** **ты** **ей** сказал? (рема выделена полужирным шрифтом). Факт внешнего события превращается в акт коммуникативного сообщения. Коммуникативное сообщение получает предметное наполнение. В.В. Виноградов связывает выражение модальности в высказывании с интонацией, интонация несёт модальную функцию, является одним из способов выражения модальности. В.В. Виноградов использует понятие «модальная интонация» [8, с. 63]. Помимо интонации как модального маркера В.В. Виноградов выделяет многочисленные модальные слова и частицы, при помощи которых говорящий может выразительно демонстрировать смысловую направленность и окраску своего сообщения. Если объединять интонацию и формальные маркеры модальности под одной рубрикой, то их можно было бы определить как *модальные сигналы*. Модальные сигналы несут субъективную эмоциональную и прагматическую нагрузку. Это – *перформативные* сигналы, которые говорящий самой формой своего сообщения посылает собеседнику.

На самом низшем уровне в структурном поле языка располагается грамматическая модальность, представленная соответствующими номинативными и глагольными модальными формами. Грамматический ресурс модальности в языке в ряде моментов достаточно ограничен. В то же время в каких-то случаях (если посмотреть на модальности одного языка глазами другого языка) он может казаться избыточным. Так, русский язык не использует форму сослагательного наклонения там, где в португальском употребление сослагательного наклонения является обязательным (например, при выражении уступки). Этот вид модальности в отличие от первых двух наиболее структурирован. Это наиболее концентрированный способ выражения модальности в языке.

Глубина проникновения модальности в структуру языка может достигать пунктов её синтаксического (в механизмах актуального членения) и морфологического (в морфологии имени и глагола) закрепления. Нас, в первую очередь, интересует морфологическое закрепление модальной семантики в языке, которое является категориальным и обладает наивысшей степенью устойчивости. Модальная морфология является необходимым маркером модальной функции слова в синтаксическом контексте. Материалом анализа будут выступать модально-грамматические формы португальского языка.

2.2. Модальность в грамматическом масштабе языка. Модусы референции и модусы предикации

На грамматическом уровне действие модального фактора затрагивает как область референции, так и область предикации. В португальской грамматике выделяются номинативные модусы и предикативные модусы. Оба вида модусов закрепляются в морфологии соответствующих грамматических классов слов: существительных и глаголов. Непосредственно к этому типу категорий мы относим: 1) артикль, как показатель модуса референции в имени существительном, и 2) наклонение глагола, которое модализует предикативную функцию в предложении. В одном случае мы говорим о модусах референции, в другом – о модусах предикации.

Грамматические модусы составляют категориальный аппарат непосредственного управления формой мысли. В нашем случае, на уровне грамматики, речь может идти о двух формах мысли: о форме понятия и форме суждения. Форма умозаключения выражает дальнейшее развитие мысли, её дальнейшее контекстное расширение. Её маркером является актуальное членение предложения, то есть порядок перехода от темы к реме в структуре речевого высказывания. На этом уровне мы имеем дело с риторической формой мысли.

Грамматическое управление формой мысли является строго категориальным, формализуется в языке, достигая, в конечном счёте, морфологии слова. Под морфологией мы понимаем не только внешнюю форму слова, но всё категориальное наполнение слова, которое определяет его место и механизмы его работы в языке.

Грамматическая модальная рамка является важным внутренним смысловым ресурсом знака, помогающим осуществить управление формой мысли в заданном логическом объёме понятия или суждения.

2.3. Номинативные модальности. Функция артикля

В области субстантивной номинации показателем модальной рамки является артикль. Артикль характеризует фактический статус данного в субстантивной номинации объективного представления. При помощи артикля говорящий может повышать или понижать степень определённости референции, то есть объектного указания и идентификации объекта. За функцией артикля стоит противопоставление экстенциональной и интенциональной сторон (то есть объёма и содержания) логической формы понятия в акте субстантивной номинации. Выдвижение на первый план экстенциональной стороны понятия повышает степень определённости референции, усиливает указание и требует использования артикля (неопределённого, определённого). Выдвижение на первый план интенциональной стороны понятия понижает степень определённости референции, ослабляет указание и требует опущения артикля [10, с. 95]. В соответствии с этим различаются: референциально завершённая номинация (определённый артикль), референциально незавершённая номинация (неопределённый артикль) и нереферентная номинация (без артикля) [7, с. 25].

(1) *O Palácio N foi declarado patrimônio mundial.* (Дворец N был объявлен всемирным достоянием).

В этом примере использование определённого артикля в первой номинации (*O Palácio N*) отсылает к реально существующему известному всем объекту (*дворец N*). Определённый артикль фактуализирует номинацию и выражает тотальность именования: объект именуется как единственный в своем роде [20, с. 115–116]. Про вторую номинацию (*patrimônio mundial*) нельзя

сказать, что она отсылает нас к реальному объекту. Эта номинация не имеет актантной функции. Это, как говорит Н.Д. Арутюнова, «нереферентное использование имени» [2, с. 10, 95], в котором предельно ослаблена или отсутствует функция объектного указания. На первый план выдвигается интенциональная, то есть качественная сторона имени. Отсутствие артикля дефактуализирует номинацию. Аналогичный пример:

(2) *Adoro triângulos* (Люблю *треугольники*) – *Adoro os triângulos naquele papel de parede* (Мне нравятся *треугольники* на тех обоях).

В примере (2) мы имеем потенциальную референцию в случае опущения артикля (*triângulos*) и строго очерченную определённую референцию в случае номинации с определённым артиклем (*os triângulos*). Очевидно, что в первом случае референции ослаблена.

Понятие не обладает свойствами истинности. Но в нём может изменяться модус референции, которая может быть реальной – тотальной или частичной – (отсылающей к фактически данному объекту или событию) или потенциальной (в которой фактический статус обозначаемого объекта теряет свою релевантность и на первый план выдвигается качественная сторона номинации). В морфологии имени существительного реальная артиклевая номинация стоит в оппозиции к потенциальной безартиклевой номинации. При помощи артикля говорящий поворачивает номинацию нужным для себя ракурсом. Артикль – «... важнейшее средство смыслового маневра в португальском языке» [7, с. 31].

2.4. Предикативные модальности. Модальный таксис

Номинативные модальности выражают логическую операцию с формой понятия. Выше номинативных модальностей в языке стоят предикативные модальности, которые выражают ту или иную логическую операцию в масштабе суждения – более сложной и более гибкой, чем понятие, формы мысли. Суждение – форма мысли, которая благодаря лежащему в её основе предикативному отношению, обладает, в отличие от понятия, свойством истинности. Отсюда предикативные модусы могут быть определены как истинностные. Предикативный модус выражает – сохраняет, ослабляет или усиливает – истинностную функцию суждения.

В области предикативной модальности на первый план выходит отношение таксиса, которое в данном случае принимает *истинностное измерение*. Таксис – это транс-пропозициональное отношение в синтаксисе. Он характеризует внешнюю контекстную обусловленность предложения, то есть его отношение к окружающим его предложениям, с которыми он стоит в логической и, как следствие, грамматической связи. Предельно общее определение таксиса дал Р.О. Якобсон, автор этого понятия: «Таксис характеризует сообщаемый факт по отношению к другому сообщаемому факту и безотносительно к факту сообщения» [16, с. 101]. По своей классификации глагольных категорий Р.О. Якобсон относит таксис к чисто коннекторным категориям [19, с. 46–47]. В то же время Якобсон *не относит* таксис к шифтерным категориям – к категориям, связывающим предмет выражаемой мысли с субъектом мысли, то есть к категориям, через которые проявляется позиция говорящего. Таксис выражает чисто объективную связь между фактами, не затрагивая прагматику мысли. Таксис – синтагматическая категория.

Таксис возникает по очень простой причине: человеку не хватает одной мысли, чтобы вполне отразить в знаке обозначаемую внешнюю ситуацию, то есть в полной мере представить своё видение этой ситуации. Видя это, человек идёт по пути расширения фактической (референциальной) опоры мысли, по пути её синтагматического продолжения, для чего он создаёт ещё одно суждение, контекстуально связанное с первым и т.д. С одной стороны, всякая представленная в суждении мысль логически самодостаточна, поскольку характеризуется свойствами истинности, структурной завершенности. С другой стороны, какой бы ни была логическая завершенность мысли в предложении, это не означает невозможность её дальнейшего содержательного развития. Дальнейшее развитие мысли требуется для достижения ею большей содержательной полноты. Предикация характеризует простую мысль, представляющую

фактическую реальность отдельного события. Таксис характеризует сложную мысль с точки зрения фактической связи отражаемых в ней событий. В таксисе устанавливается дальнейшее содержательное развитие мысли *за рамками* суждения.

В современной грамматике таксис принято рассматривать как темпоральную категорию, под знаком которой раскрывается хронологическая связь отображаемых в семантике предложений событий: «... семантика таксиса представляет собой временные отношения между действиями...» [5, с. 237]. На этой основе дифференцируются различные комбинации темпоральной соотнесённости предложений в контексте: отношения предшествования, одновременности и следования. В функционально-грамматическом понимании таксис – это предельно общее грамматическое понятие, характеризующее любые возможные варианты контекстного согласования времён между предложениями [13, с. 503–504]. На основе темпоральной семантики разворачивается функционально-семантический анализ таксиса, в таксисе видят порядок отображения сложных ситуаций внешней реальности в их развитии. В.С. Храковский различает валентностный таксис (с функцией подчинения придаточного предложения главному), невалентностный таксис (без функции подчинения придаточного главному) и «фоновый таксис» (несобственно таксисные бипредикативные конструкции) [15, с. 46, 49–51]. Примечательно, что в валентностном таксисе В.С. Храковский отмечает непереносное присутствие семантики модального подчинения [там же, с. 46].

Впрочем, сам по себе таксис – пустая категория. Ему требуется опора на ту или иную значимую категорию, чтобы представить её развитие в контексте, в переходе от предложения к предложению. Технически таксис – это связь двух предикаций. Предикация в предложении характеризуется значением времени и модусом. Можно сказать, что таксис разворачивается в двух измерениях: темпоральном и модальном. Таксису требуется как темпоральное, так и модальное согласование.

Темпоральная трактовка таксиса представляется односторонней и недостаточной. Если между предложениями постулируется темпоральная связь, то, очевидно, между ними также каким-то образом должна присутствовать логическая связь. Ю.С. Маслов предлагал параллельно хронологической сфере таксиса выделять также логическую сферу таксиса [14, с. 310]. Логический таксис не получил полноценной разработки в современной грамматике. Преимущественное внимание при анализе отношений таксиса уделяется аспектуально-темпоральной семантике глагольной грамматики предложения.

Параллельно темпоральной контекстной обусловленности предложения мы выделяем его истинностную контекстную обусловленность, которая выражается через модальные категории глагола и может быть названа модальным таксисом. Модальный таксис характеризует истинностный статус предложения относительно такого же статуса другого предложения в контексте. Речь идёт о модальном согласовании предложений в синтаксическом контексте, параллельном их темпоральному согласованию². Подобное модальное таксисное согласование мы видим в примерах: *Paulo não acreditou que Maria tivesse partido sem se despedir da avó* (Паулу не поверил, что Мария уехала, не попрощавшись с бабушкой); *Deves telefonar-lhe outra vez, mesmo que já lhe tenhas telefonado ontem* (Ты должен позвонить ей ещё раз, даже если ты ей уже звонил вчера). В приведённых примерах, помимо темпорального согласования, мы видим модальное согласование между предложениями. В первом примере – это модальное подчинение придаточного предложения главному (требующее перевода глагола придаточного в форму сослагательного наклонения /*Modo Conjuntivo*/). Во втором – это уступительная связь (также требующая перевода глагола уступительного придаточного в форму сослагательного наклонения /*Modo Conjuntivo*/).

² Понятие «модальный таксис», но в чисто темпоральной трактовке, использует И.В. Архипова, которая анализировала так называемые «таксисные предлоги» в немецком и английском языках. Конструкция *Prep+Subst*, характеризующая образ действия, темпорально обуславливающий главное действие (например, “die Telefon Verbindung verschwindet *unter Rauschen und Knacken*”), именуются автором структурами, выражающими «модальный таксис» [3, с. 20]. По-другому они также именуются в работе «секундарным таксисом образа действия» [там же].

Таксис как трансграничная категория в каждом из своих аспектов создаёт рамочное отношение. Мы можем говорить о темпоральной и о модальной рамках предложения. И там и там предикат апеллирует к внешнему условию своей временной локализации или истинности. Верификация темпорального и истинностного статуса предложения проходит через внешний контур, через внешнее контекстное условие, то есть через связь с другим предложением.

Темпоральный таксис объективен и нарративен, он маркируется аспектуально-временными формами глагола. Истинностный таксис субъективен и ненарративен и маркируется модальными формами глагола, морфологией глагольных наклонений.

2.5. Морфология глагольных модальностей

Предикативные модальности в плане их выразительного маркирования получают морфологическое закрепление в языке. Показателем истинностной модальной функции суждения является глагольное наклонение. В португальской грамматике предикативные модусы представлены четырьмя глагольными наклонениями: изъявительным (*Modo Indicativo*), повелительным (*Modo Imperativo*), условным (*Modo Condicional*)³ и сослагательным (*Modo Conjuntivo*). По логической сетке алетических (объективных) модальностей изъявительному наклонению соответствует ассерторическая модальность (модальность прямого истинного утверждения), повелительному – деонтическая модальность (модальность долженствования), условному и сослагательному – проблематическая модальность (модальность возможности).

Наиболее сильным *категорическим* истинностным статусом обладает изъявительное наклонение (*Modo Indicativo*). По-видимому, правильно говорить о его категориальной, логической и морфологической первичности относительно других глагольных наклонений. Остальные наклонения морфологически производны от изъявительного и могут быть названы потенциально истинными. По критерию категоричности общие логические истинностные модусы (истинный и ложный) в грамматике португальского глагола получают дальнейшую дифференциацию и, соответственно, более тонкую категориально-морфологическую маркировку. Разграничиваются абсолютные и относительные (условные) истинностные модусы. Наиболее высоким категорическим истинностным статусом обладают формы изъявительного (*Modo Indicativo*) и повелительного (*Modo Imperativo*) наклонений. Первую можно определить как *абсолютно истинный* предикативный модус, вторую – как *абсолютно неистинный* предикативный модус⁴. Сниженным категорическим статусом характеризуются формы условного (*Modo Condicional*) и сослагательного (*Modo Conjuntivo*) наклонений, из которых первую можно определить как условно истинный предикативный модус, вторую – как *условно неистинный* предикативный модус. Все виды предикативных модальностей закрепляются в морфологии глагола, получая грамматический категориальный статус, то есть становятся частью структурной механики языка.

Отдельно следует затронуть терминологический аспект работы. Как можно видеть по предыдущему изложению, мы разграничиваем понятия «истинный» и «истинностный», вводя в аппарат логико-грамматического анализа предложения понятие «истинностного качества предложения». «Истинный» относится к области фактического доказательства. «Истинностный» характеризует модальную функцию предложения в структуре модального таксиса. Истинностное качество характеризует предложение наряду с другими его качествами:

³ Ряд португальских грамматистов склоняется к тому, чтобы не считать условную форму португальского глагола (*Modo Condicional*) наклонением, относя её к временным формам, выражающим семантику относительного будущего в плане прошедшего [18, с. 256], [17, с. 394–395]. Однако против этого говорит использование этой формы в утвердительной части условного гипотетического периода, а также способность этой формы выражать косвенную речь, а именно значение субъективной неуверенности в правдивости чужих слов, что соответствует модальному значению частицы «якобы» в русском языке.

⁴ Повелительное наклонение – характерный вид контрфактического обозначения. Оно обозначает то, чего в действительности нет, но в то же время за этим имплицитно то, что реально есть. Например, «*напиши мне письмо*» означает, что ты в настоящий момент «*не пишешь мне письмо*», но ты «*должен мне его написать*». Таким образом, эксплицитно обозначаемое виртуально отрицает реальное. Поэтому мы называем повелительное наклонение абсолютно неистинным наклонением. Подробно проблематика контрфактического будет рассмотрена во второй части статьи.

структурно-грамматическая организация, экспрессивная динамика, коммуникативная направленность, стилистическая окраска и др. В португальском языке истинностное качество является важной частью *грамматической* характеристики предложения. Истинностное качество, как более общая категория, дифференцируется через парадигму истинностных значений (модусов), каждое из которых в речевом выражении представлено тем или иным морфологическим глагольным маркером. Представим парадигму истинностных модусов португальской грамматики схематически:

Общая категория	ИСТИННОСТНОЕ КАЧЕСТВО			
Общее логическое значение	ИСТИННОЕ		НЕИСТИННОЕ	
Логико-грамматическое значение	абсолютно истинное	условно истинное	условно неистинное	абсолютно неистинное
Морфологический маркер	<i>Modo Indicativo</i>	<i>Modo Condicional</i>	<i>Modo Conjuntivo</i>	<i>Modo Imperativo</i>

Истинностное значение предложения, как *грамматический феномен*, определяется синтагматикой модального таксиса, а не фактической картиной мира: иначе говоря, определяется тем, какую форму таксиса выбирает говорящий, а не отнесённостью предложения к действительности. В португальской грамматике широко представлены структуры, в которых в соответствии с правилами модального согласования реальное обозначается как неистинное (формой *Modo Conjuntivo*). Так, фактическое обозначается как неистинное в уступке или при выражении сожаления, например: *Ele novamente esqueceu o significado da palavra, embora já a tivesse visto no dicionário várias vezes* (Он вновь забыл значение слова, хотя **видел** его в словаре уже несколько раз); *Lamento muito que tenham retirado o seu nome do relatório* (Я очень сожалею, что Ваше имя **убрали** из отчёта). Таким образом, не только контрфактическое (виртуальное), но и фактическое в португальском языке может обозначаться формой *Modo Conjuntivo*, то есть формой неистинного модуса. Эти случаи требуют специального объяснения.

2.6. Независимый и зависимый виды модального таксиса

В модальном таксисе, как и в темпоральном, выделяются независимый и зависимый виды. Первый может быть назван логическим, второй – грамматическим. Дадим общую характеристику каждому из видов модального таксиса.

Логический модальный таксис является *экстенциональным*, он основан на внешнем отношении фактов друг к другу. Логический таксис устанавливается между семантически (референциально) *совместимыми* предложениями. Две единицы таксиса равны друг другу по своему логическому и семантическому статусу, поскольку они заданы в одном семантическом измерении, «живут» в одном «мире». Внешнее отношение фактов требует *логического согласования* между ними как единицами таксиса. Этот вид таксиса может быть назван *координативным*. Между двумя единицами таксиса действует причинно-следственная и темпоральная связь. Говорящий может устанавливать между единицами таксиса то или иное, более или менее строгое, логическое отношение. Это может быть отношение конъюнкции, дизъюнкции, импликации или концессии (уступки). В языке это выражается через сочинительную, разделительную, условную или уступительную грамматическую связь двух предложений. Например: *Я остался дома, и /а/ но/ он пошёл в кино*; *Я остался дома, потому что он пошёл в кино*; *Поскольку я остался дома,*

он пошёл в кино; Я остался дома, хотя он пошёл в кино; **Если бы** я остался дома, он **бы** пошёл в кино и т. д. В рамках экстенционального логического согласования возникает истинностная «конкуренция» или, наоборот, истинностный «нейтралитет» между предложениями – единицами таксиса. Истинность одной единицы таксиса может полностью или частично отменять или, наоборот, допускать истинность другой единицы. Между единицами таксиса возникает взаимное истинностное сопряжение. Истинностные отношения между единицами независимого таксиса в формальной логике описываются в терминах отношений *контрарности* и *субконтрарности*. Контекстная функция глагольных наклонений в португальском языке достаточно полно соответствует формально-логическим истинностным критериям.

Грамматический модальный таксис, который выше был определён как зависимый, является *интенциональным*. В нём реализуется функция *логического подчинения*, поэтому он может быть назван *субординативным*. В языке логическое подчинение выражается через грамматическую форму придаточного, *замещающего* тот или иной член предложения. На этой основе выделяются: придаточное подлежащее, придаточное дополнительное (изъяснительное), придаточное определительное, виды обстоятельственных придаточных. В нашем случае речь идёт о *модальном подчинении* придаточного предложения главному, которое характеризует истинностную сторону их взаимосвязи. Модальность глагола подчинённой пропозиции, то есть её истинностный статус, зависит от главного предложения, которое сохраняет за собой функцию решающего истинностного *определения* всего синтаксического комплекса. В португальском языке модальная семантика глагола в подчинённом предложении является весьма гибкой. В частности, в ряде синтаксических конструкций с модальным подчинением придаточного главному, где русский язык не мыслит семантики сослагательности, португальский строго использует *Modo Conjuntivo*. Например, предложения *Жаль, что она не пришла* или *Сомневаюсь, что он знает, о чём идёт речь* в переводе на португальский требуют постановки глагола-сказуемого придаточного предложения в форму *Modo Conjuntivo*: *É pena que ela não tenha chegado; Duvido que ele saiba de que se trata*.

Между единицами независимого и зависимого модального таксиса, параллельно их истинностному отношению, может выделяться и дифференцироваться их темпоральная связь. Например: *Хотя никто меня не предупредил, я решил прийти на заседание совета* (*Embora ninguém me tivesse notificado, decidi chegar à reunião do conselho*); *Странно, что он ей не позвонил* (*É estranho que ele não lhe tenha telefonado*).

В целом разграничение независимого и зависимого видов модального таксиса совпадает с разграничением независимого и зависимого видов темпорального таксиса, предложенным А.В. Бондарко [5, с. 239]. В независимом таксисе связываемые предложения представляют собой две самостоятельные единицы речи, за каждой из которых стоит некоторое событие, между которыми говорящий выделяет ту или иную логическую связь. Потенциально в независимом модальном таксисе одно предложение может быть оторвано от другого. В зависимом таксисе единый синтаксический комплекс не может быть разделён на две самостоятельные единицы речи. Два предложения связаны неразрывно и представляют собой одну единицу речи.

Подробный анализ форм независимого и зависимого модального таксиса будет представлен во второй части статьи.

3. Заключение

1. Модальность – это универсальная когнитивно-деятельностная категория, которая охватывает всю область речевой деятельности и проявляет себя в любом масштабе речевой деятельности: в масштабе высказывания, текста и интертекста. Модальность имеет логическую природу. В этом своём качестве она – относительная категория. Основанием любой модальности является истина понимания. Модальность – атрибут истины, без связи к которой она лишается категориального статуса. Модальность характеризует смысловую границу истины понимания.

2. Наиболее концентрированное и категориально регламентированное выражение функции модальности можно видеть в языке, в котором она получает грамматическое закрепление. Грамматическая модальность характеризует логические формы понятия и суждения и закрепляется, соответственно, в морфологии существительного и глагола, охватывая области референции и предикации языкового знака.

Речевые модальности (высказывание, текст, интертекст) окказиональны по своей смысловой окраске и не имеют категориального языкового статуса.

3. Референциальные модальности в португальском языке дифференцируются на базе артикля. В основе дифференциации артиклевых модусов лежит оппозиция экстенциональных и интенциональных признаков понятийной структуры субстантивного значения. Выделяются определённо-артиклевый, неопределённо-артиклевый и безартиклевый модусы субстантивной номинации.

4. Предикативные модальности дифференцируются на базе глагольных наклонений. Основанием дифференциации является истинностный критерий. В соответствии с данным критерием представленные в морфологии португальского глагола наклонения характеризуются: 1) изъявительное (*Modo Indicativo*) – как абсолютно истинное, 2) повелительное (*Modo Imperativo*) – как абсолютно неистинное, 3) условное (*Modo Condicional*) – как условно истинное и 4) сослагательное (*Modo Conjuntivo/Subjuntivo*) – как условно неистинное.

5. Модальная семантика глагольных наклонений характеризует истинностный аспект межпропозициональных отношений. Выделяется маркируемая морфологией глагольных наклонений парадигма истинностной регуляции таксиса, которая обобщённо может именоваться областью *модального таксиса*. Модальный таксис понимается как измерение синтаксиса, параллельное темпоральному таксису. Два измерения таксиса находятся в тесной взаимосвязи, но в то же время могут рассматриваться независимо друг от друга. Выделяются независимый и зависимый виды модального таксиса.

© Н.В. Иванов, 2024

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 341 с.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 2000. 896 с.
3. Архипова И.В. Непрототипический таксис и межязыковая вариативность // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. Тематический выпуск: Взаимодействие языков и культур: традиции и инновации. Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова, 2021. № 3. С. 16–25.
4. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. 2-е изд., стереотипное. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 416 с.
5. Бондарко А.В. Общая характеристика семантики и структуры поля таксиса // Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. (отв. ред. А.В. Бондарко). Л.: Наука, 1987. С. 234–242.
6. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность / А.В. Бондарко, Е.И. Беляева, Л.А. Бирюлин (отв. ред. А.В. Бондарко). Л.: Наука, 1990. 263 с.
7. Бутко В.А. Функция артикля в модусах субстантивной номинации в португальском языке / В.А. Бутко, Н.В. Иванов // Филологические науки в МГИМО. 2022. 8(4), С. 21–33.
8. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке / В.В. Виноградов. М.: Просвещение, 1950. 105 с.
9. Зеленщиков, А.В. Пропозиция и модальность [Текст] / А.В. Зеленщиков. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997. 244 с.
10. Иванов Н.В. Смысловая функция артикля: опыт логико-философского анализа (на материале португальского языка) // ВЯ № 2. 1994. С. 90–96.
11. Иванов Н.В. Актуальное членение предложения в текстовом дискурсе и в языке (по материалам сопоставительного изучения португальских и русских текстов): Монография. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2010. 215 с.
12. Иванов Н.В. Категория внутренней формы: аспекты функциональной интерпретации // Язык. Культура. Речевое общение. №1 (2012). М.: Московский гуманитарный институт им. Е.Р. Дашковой, 2012. С. 28–34.
13. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.

14. Маслов Ю.С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. Сост. и ред. А.В. Бондарко, Т.А. Майсак, В.А. Плунгян. М.: Языки славянской культуры, 2004. 840 с. (С. 310) (классики отечественной филологии).
15. Храковский В.С. Категория таксиса (общая характеристика) // ВЯ № 2. 2003. С.32–54.
16. Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков разного строя. М. 1972. С. 98–105.
17. Cunha C. Nova Gramática do Português Contemporâneo / C. Cunha, L. Cintra 7ª edição. Lexicon Editora Digital. Rio de Janeiro. Brasil. 2008. 795 p.
18. Mateus M.H.M. Gramática da Língua portuguesa/ M.H.M. Mateus, Brito A.M. Duarte I., I.F. Faria. Lisboa: Editorial Caminho, 2003. 1127 p.
19. Jakobson R. Shifters, Verbal Categories and the Russian Verb // Jakobson R. Russian and Slavic Grammar. Studies 1931–1981. Mouton Publishers. Berlin – New York – Amsterdam, 1984. P. 41–58.
20. Lapa R. Estilística da Língua Portuguesa. Coimbra: Coimbra-Editora, 1977. 302 p.

References:

1. Arutyunova, N.D. *Tipy iazykovykh znachenij: Otsenka. Sobytie. Fakt.* [Types of language meanings: Evaluation. Event. Fact], M.: Nauka, 1988. 341 s. (in Russian)
2. Arutyunova, N.D. *Iazyk i mir cheloveka* [Language and human world]. M.: Iazyki russkoj kul'tury, 2000. 896 s. (in Russian)
3. Arkhipova, I.V. Neprototipicheskiy taksis i mezhiazykovaia variativnost' [Non-prototypical taxis and inter-lingual variety] // *Aktualnye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki. Tematicheskiy vypusk: Vzaimodeystvie iazykov i kultur: traditsii i innovatsii* [Actual problems of philology and pedagogical linguistics. Thematic issue: Interaction of language and culture: traditions and innovations], Severo-Osetinskiy gosudarstvennyy universitet im. K.L. Khetagurova. 2021. № 3. S. 16–25. (in Russian)
4. Balli, Ch. *Obshchaia lingvistika i voprosy frantsuzskogo iazyka*. 2-e izd., stereotipnoe [General linguistics and French language issues], M.: Editorial URSS, 2001. 416 s. (in Russian)
5. Bondarko, A.V. Obshchaia kharakteristika semantiki i struktury polia taksisa [General characteristics of the semantics and structure of the taxis field] // *Teoriia funktsional'noj grammatiki. Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaia lokalizovannost'. Taksis* [Theory of functional grammar. Introduction. Aspect. Temporary localization. Taxis] (otv. red. A.V. Bondarko). L.: Nauka, 1987. S. 234–242. (in Russian)
6. Bondarko, A.V., Beliaeva, E.I., et al. *Teoriia funktsional'noj grammatiki: Temporal'nost'. Modal'nost'*. [Functional grammar theory: Temporality. Modality] (otv. red. A.V. Bondarko). L.: Nauka, 1990. 263 s. (in Russian)
7. Butko, V.A., Ivanov, N.V. Funktsiya artiklia v modusakh substantivnoy nominatsii v portugal'skom iazyke [The function of the article in the modes of the substantive nomination in the Portuguese language] // *Filologicheskie nauki v MGIMO*. 2022. 8(4), S. 21–33. (in Russian)
8. Vinogradov, V.V. *O kategorii modal'nosti i modal'nykh slovakh v russkom iazyke* [On the category of modality and modal words in the Russian language], M.: Prosveshchenie, 1950. 105 s. (in Russian)
9. Zelenshchikov, A.V. *Propozitsiia i modalnost'* [Proposition and modality] / A.V. Zelenshchikov/. SPb.: Izd-vo S.-Peterburg. un-ta. 1997. 244 s.
10. Ivanov, N.V. Smyslovaia funktsiia artiklia: opyt logiko-filosofskogo analiza (na materiale portugalskogo iazyka) [Semantic function of the article: an essay of philosophical analysis] // *Voprosy Yazykoznanii* № 2. 1994. S. 90–96. (in Russian)
11. Ivanov, N.V. *Aktual'noe chlenenie predlozheniia v tekstovom disкурse i v iazyke (po materialam sopostavitel'nogo izucheniia portugal'skikh i russkikh tekstov): Monografiya* [Actual division of the sentence in text discourse and in language (based on materials of comparative study of Portuguese and Russian texts): Monograph], M.: Izdatel'skij tsentr «Azbukovnik», 2010. 215 s. (in Russian)
12. Ivanov, N.V. Kategoriia vnutrenney formy: aspekty funktsional'noy interpretatsii [The category of inner form: aspects of functional interpretation] // *Iazyk. Kultura. Rechevoe obshchenie*. №1 (2012). M.: Moskovskiy gumanitarny institut im. E.R. Dashkovoy. 2012. S. 28–34. (in Russian)
13. *Lingvisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary], M.: Sovetskaia entsiklopediia, 1990. 685 s. (in Russian)
14. Maslov, Yu.S. *Izbrannnye trudy. Aspektologiya. Obshchee iazykoznanie*. [Selected works. Aspectology. General linguistics.] Comp. and ed. A.V. Bondarko, T.A. Maysak, V.A. Plungyan. M.: iazyki slavianskoy kul'tury, 2004. 840 s. (S. 310) (klassiki otechestvennoy filologii). (in Russian)
15. Khrakovskiy, V.S. Kategoriia taksisa (obshchaia kharakteristika) [Category of taxis (general characteristic)] // *Voprosy Iazykoznanii* № 2. 2003. S.32–54.
16. Yakobson, R.O. Shiftery, glagol'nye kategorii i russkiy glagol [Shifters, verbal categories and Russian verb] // *Printsipy tipologicheskogo analiza iazykov raznogo stroia*. M., 1972. S. 98–105. (in Russian)
17. Cunha, C., Cintra, L. Nova Gramática do Poprtuguês Contemporâneo. 7ª edição. Lexicon Editora Digital. Rio de Janeiro. Brasil. 2008. 795 p. (in Portuguese)
18. Mateus, M.H.M., Brito, A.M. Duarte, I., et al. *Gramática da Língua portuguesa*. Lisboa: Editorial Caminho, 2003. 1127 p. (in Portuguese)
19. Jakobson, R. Shifters, Verbal Categories and the Russian Verb // *Jakobson R. Russian and Slavic Grammar. Studies 1931-1981*. Mouton Publishers. Berlin – New York – Amsterdam, 1984. P. 41–58. (in English)
20. Lapa, R. *Estilística da Língua Portuguesa*. Coimbra: Coimbra-Editora, 1977. 302 p. (in Portuguese)

Сведения об авторе:

Иванов Николай Викторович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романских языков им. Т. З. Черданцевой, МГИМО (университет) МИД России. Научные интересы: лингвосомиотика, лингвориторика, теория перевода, грамматика, лексикология, стилистика португальского языка. E-mail: e-nickma@mail.ru ORCID 0000-0002-6152-4241

About the author:

Nikolay V. Ivanov, Dr. Sci. (Philology), is Head of the Department of the Romance Languages named after T. Z. Cherdantseva. Research interests: linguosemiotics, linguorhetoric, theory of translation, grammar, lexicology, and stylistics of the Portuguese language. E-mail: e-nickma@mail.ru ORCID 0000-0002-6152-4241

* * *

English Borrowings in Economic Discourse (Based on Modern Russian Trade Advertising)

Mammadova Farah Alikhan

Baku State University
AZ1148, Akademik Zahid Khalilov Street, 23, Baku, Azerbaijan

Abstract. Currently, the spheres of the economy are expanding, which is reflected in the more frequent use of borrowed economic vocabulary in discourse. There are a number of ways to effectively influence the recipient of information. The role of advertising in this case plays an important role. It should be noted here that in the language of everyday communication, speech types combine various kinds of borrowings. It is they that penetrate into the discourse, are fixed in the lexical and semantic system of the language. The role of economic discourse in the creation of trade advertising should be noted. The renewal of compatibility and the appearance of figurative meanings in common economic terms have become a linguistic feature of the modern era.

In the economic discourse we are studying, numerous possibilities of language are used to achieve goals, that is, various techniques, special words, expressions and sentences. Such a language has an impact on people, their relationships and behavior. In turn, commercial advertising, as one of the branches of economic discourse, usually consists of simple sentences. The purpose of commercial advertising is to fix the expression chosen for a particular brand in the memory of a person who wants to purchase this product. Obviously, simple uncomplicated sentences are easier to remember. Advertising should essentially be as concise, clear, and transparent as possible. Therefore, most of them are single-part sentences.

Discourse is a text in a certain communicative situation. In addition to the original words, there are also loanwords in it, which should be distinguished from terms and neologisms. The former can be borrowed and indigenous, inherent only in one particular language. A necessary requirement for the term, as well as its dignity, is its unambiguity. As for borrowed words, synonymy is quite acceptable when switching from one language to another. At the same time, becoming fixed in one language and replenishing its lexical fund, borrowed vocabulary becomes familiar to its speakers, it becomes part of any stylistic layer and thus no longer perceived as a neologism.

In our case, most of these are anglicisms, which have an unusual structure and play an important role in the economic discourse reflecting commercial advertising. From the economists' point of view, advertising is a kind of a marker of a product being advertised for sale, and for linguists it is a specific form of language functioning. But it is from these two positions that advertising with native and borrowed words attract attention. The analysis of English borrowings functioning in Russian economic discourse is the objective of this article.

It dictates the formulation and solution of the following tasks: 1) to determine the criteria for the expediency of using English-language borrowings in the Russian language; 2) to identify ways of interpreting the meanings of borrowed words. The article analyzes variations of borrowed lexemes of words and their interpretation in connection with the division into separate categories.

Keywords: borrowing, economics, discourse, advertising, interpretation, newspaper style, semantics

For citation: : Mammadova F.A. (2024). English borrowings in economic discourse (based on modern Russian trade advertising). *Linguistics & Polyglot Studies*, 10(4), pp. 22–36. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-4-41-22-36>

Исследовательская статья

Английские заимствования в экономическом дискурсе (на материале современной российской рекламы)

Мамедова Фарах Алихан гызы

Бакинский государственный университет
AZ1148, улица Академика Захида Халилова, 23, Баку, Азербайджан

Аннотация. В настоящее время происходит расширение сфер экономики, что выражается в более частом использовании заимствованной экономической лексики в дискурсе. Существует ряд способов эффективного воздействия на получателя информации. Роль рекламы в этом случае играет немаловажную роль. Здесь следует отметить, что в языке повседневного общения типы речи сочетают в себе различного рода заимствования. Именно они проникают в дискурс, закрепляются в лексико-семантической системе языка. Следует отметить роль экономического дискурса в создании торговой рекламы. Обновление сочетаемости и появление переносных значений в употребительных экономических терминах стали лингвистической особенностью современной эпохи.

В исследуемом нами экономическом дискурсе используются многочисленные возможности языка, то есть различные приёмы, специальные слова, выражения и предложения. Такой язык оказывает влияние на людей, их отношения и поведение. В свою очередь торговая реклама как одно из ответвлений экономического дискурса обычно состоит из простых предложений. Цель торговой рекламы – закрепить избранное для конкретной марки выражение в памяти человека, желающего приобрести данный товар. Очевидно, что простые неосложнённые предложения легче запоминаются. Реклама по сути своей должна быть максимально краткой, ясной, прозрачной по смыслу. Поэтому чаще всего рекламные тексты экономического дискурса представляют собой односоставные предложения.

Дискурс – это текст в определённой коммуникативной ситуации. В нём, помимо исконных слов, имеются и заимствованные, которые следует отличать от терминов и неологизмов. Первые могут быть как заимствованными, так и коренными, присущими только одному конкретному языку. Необходимым требованием к термину, равно как и достоинством, является его однозначность. Что же касается заимствованных слов, то синонимия при переходе из одного языка в другой вполне допустима. В то же время, закрепляясь в одном языке и пополняя лексический фонд, заимствованная лексика становится привычной для его носителей, может стать частью любого стилистического слоя и потому может не восприниматься как неологизм.

В нашем случае в большинстве своём это англицизмы, которые имеют необычную структуру и играют важную роль в экономическом дискурсе, отражающем торговую рекламу. С точки зрения экономистов, реклама – это своего рода маркёр какого-либо манифестируемого к продаже продукта, а для лингвистов – специфичная форма функционирования языка. Но именно с двух этих позиций реклама с исконными и заимствованными словами привлекает внимание. Анализ восприятия информации на тему, вынесенную в заголовок настоящей статьи, и составляет её главную цель.

Она диктует постановку и решение следующих задач: 1) определить критерии целесообразности использования англоязычных заимствований в русском языке; 2) выявить способы интерпретации значений заимствованных слов. В статье анализируются вариации заимствованных лексем слов и их интерпретация в связи с делением на отдельные разряды.

Ключевые слова: заимствование, экономика, дискурс, реклама, интерпретация, газетный стиль, семантика

Для цитирования: Мамедова Ф.А. (2024). Английские заимствования в экономическом дискурсе (на материале современной российской рекламы). *Филологические науки в МГИМО*. 10(4), С. 22–36. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-4-41-22-36>

1. Введение

Использование англицизмов в экономическом дискурсе связано с тенденцией к интернационализации многих крупных компаний, хорошо известных во всём мире. Общеизвестно, что в мире английский язык служит связующим звеном между деловым и будничным общением. Определённая часть терминов в русском языке соответствуют английским терминам.

Сегодня, благодаря достижениям в области коммуникационных технологий, большинство текстов, которые мы используем и с которыми мы сталкиваемся, рассматриваются не как исключительно лингвистические структуры, а как многослойные структуры, включающие в себя слои языка, изображений, музыки и звука из разных систем, которые дополняют друг друга и выполняют разные роли в создании смысла.

Торговая реклама обычно состоит из простых предложений, потому что её цель – запечатлеть содержание и закрепить его в памяти читающего. Простые предложения легко запоминаются, поэтому любая реклама должна быть максимально краткой, ясной и доступной для восприятия. Реклама в русском и английском языках в основном представлена односоставными предложениями.

Ведущее место в медиа-дискурсе занимает реклама именно в такой языковой конструкции, и она является основным источником пополнения словаря. Реклама, как известно, является одной из составляющих бизнеса. В данном исследовании для анализа используются старые и новые заимствованные слова, морфологически адаптированные и неадаптированные заимствования.

2. Материалы и методология

В работе использованы методы комплексного анализа текста, семантического и синтаксического анализа, а также метод непрерывной выборки. Анализируя исследования и публикации, рассматривавшие разные аспекты этой проблемы, мы в большей степени ориентируемся на работы российских авторов и на этой основе пытаемся обосновать ранее нерешённые задачи. Следует отметить, что этой проблеме посвящено множество работ. В своём исследовании мы в основном опирались на работы Бусыгиной М.В. [8], Козловой Е.Е. [16], [17], Рузметова С.А. [24], Сеницына А.В. [27], Падучевой Е.В. [20], Арутюновой Н.Д. [3], Звегинцева В.А. [12], Демьянкова В.З. [10], Кубряковой Е.С. [19], Алефиренко Н.Ф. [2], Бенвениста Э. [6], Дейк ван Т.А. [9] и некоторых других, анализировавших экономические, рекламные дискурсы, иноязычные заимствования в лингвистике. В ходе исследования также были использованы материалы Национальной библиотеки Азербайджана, их анализ позволил сделать определённые выводы.

Что касается материала для проведения анализа экономического дискурса, то он был собран путём сплошной выборки из российских газет «Аргументы и факты», «Аргументы и факты. Томск», «Известия», «Коммерсантъ. Ростов-на-Дону», «Коммерсантъ. Петербург», «Коммерсантъ. Секрет фирмы», «Комсомольская правда», «Росбалт.ру», «РосБизнесКонсалтингDaily», «Российская газета», «Экономическая газета», «Эксперт», «Эксперт. Сибирь» с 2004 по 2014 год. Для анализа рекламного дискурса был собран материал с восьми интернет-сайтов. Из газетных статей и интернет-сайтов были выбраны и указаны в данной статье заимствованные слова, которые и подверглись анализу в различных языковых высказываниях.

3. Анализ и результаты

3.1. Определение дискурса, заимствований-неологизмов, определение критериев целесообразности использования англоязычных заимствований в русском языке, а также определение рекламно-экономических типов медиадискурса

На современном этапе развития общество находится под влиянием процесса глобализации, в результате которого экономическая, культурная, политическая и научная сфера стран ещё больше расширяется. Расширение сфер экономики выражается в более частом использовании экономической лексики в экономическом дискурсе и рекламе как его неотъемлемой части [15], [29].

Например, слово *дивиденд* (от лат. дивидендум – то, что следует разделить) из сферы экономики приобрело общеупотребительное значение, увеличив объём семантической структуры своей словарной единицы. Давайте проследим за этой тенденцией. Оказывается, эта лексема имеет свою историю. А именно, до «перестроечного» (1991) года у неё было только одно терминологическое значение: прибыль от вложенных в организацию финансовых средств, скажем, «дивиденды от них» [7]. В словарях можно встретить и такое терминологическое словосочетание: «политические дивиденды». Фактически это один из наиболее распространённых инвариантов вышеуказанной лексемы, однако органично вписанный в новый контекст. Например, существует такая категория людей, которым потенциально выгодно столкнуться на политической арене различные правительственные структуры – таким путём они «зарабатывают себе политические дивиденды» [журнал «Огонёк», 1993, 5]. Отсюда и переносное значение: «получение выгоды от политических дивидендов» [11, с. 12]. Показательно, что эти выгоды можно перенести и на некоторые политические события, поступки людей и т.п.

Основной составляющей в значении слова является «прибыль» (то есть польза, преимущество), и это значение позволило расширить сочетаемость слова «дивиденд». Примечательно, на наш взгляд, явное лингвистическое преимущество переносного значения по сравнению с нейтральным. В художественном тексте литературная речь становится более образной. Меняется также и восприятие символов, язык приобретает новый статус. Так, ранее некий экономический термин был присущ речи только узкого круга лиц (сродни профессионализму), отныне он входит в разряд общеупотребительных слов. Небезынтересно отметить, что в отдельных случаях они могут даже носить оттенок иронии. Например: «Дивиденды растут, и народная пропаганда содействует этому явлению быстрее и эффективнее, нежели от любого иного труда» [Комсомольская правда, 2007.12.05]. Или: «Закрывать глаза на уличные беспорядки – простор для тех, кто имеет с этого «лёгкие дивиденды» [РосБизнесКонсалтингDaily, 2007.10.29].

Обновление сочетаний в частых экономических терминах – яркий лингвистический признак, особенно набирающий обороты в наши дни, например, банкрот, магнат, купец, баланс, дело, дефицит, капитал, монополия, коучинг и т.д. Поскольку все заимствованные слова передаются и используются в другом языке, они также регистрируются в словарях других языков. Эти словари отражают и подтверждают их лексико-семантическую структуру [23]. Заимствованные слова могут использоваться в речи как лексические единицы данного языка, иногда эти лексические единицы могут отличаться фонетически в принимающем языке [28].

Сразу же хотим в нашей статье определиться: дискурс (вне зависимости от сферы своего функционирования – в языкознании, экономике, политике, литературе и т.д.) – понятие относительно молодое. Например, в широко известном издании О.С. Ахмановой [4] вовсе нет этого термина. Только в 1970-х годах он начал появляться в научной литературе. Одним из первых его обобщённо сформулировал Э. Бенвенист: «Дискурс – это всё, что находится между языком и речью» [6, с. 88]. Позднее другие учёные пытались выразить данное понятие более лаконично и ёмко, применительно к той или иной области бытия. Так, Ван Дейк обратил особое внимание на коммуникативную функцию дискурса, с одной стороны, и когнитивную – с другой [9, с. 7–8]. В дальнейшем определений дискурсов в лингвистике оказалось очень много. Но при любых условиях исследователи были единодушны в том, что дискурсом именуют «реальное языковое взаимодействие слов или понятий». Ю.Н. Караулов переносит дискуссию в экономическую и общегуманитарные сферы. Он обобщает, что человек в буквальном смысле живёт в мире текстов, как ощущает свою неразрывную связь с политикой, идеологией или социологией: «Тексты разнообразны по содержанию, тематическим областям, объёму...» [13, с. 216]. Причём текст в дискурсе, по мнению Ю.Н. Караулова, как правило, имеет свою строгую направленность. Он считает, что под определение языковой личности не подходит, скажем, «заявление об отпуске», поскольку этот жанр, будучи повторяющимся по характеру, не обладает эмоциональной и познавательной значимостью» [там же]. Реклама же, напротив, как мы увидим далее из текста статьи, именно такими дискурсивными признаками и обладает.

Абсолютное большинство учёных сходится во мнении, что текст является одной из составных частей дискурса, но не тождественен ему. По сути, дискурс является результатом языковой деятельности, максимально приближенной по своим основным функциям к тексту. Следовательно, дискурс – это более широкое понятие по сравнению с текстом. Но это общее определение, и в трудах ряда ведущих русских лингвистов мы находим интересную интерпретацию, в частности связанную с избранной нами темой статьи. Так, А.А. Кибрик считает, что текст самостоятелен по отношению к дискурсу и представляет собой «статический объект, возникающий в ходе языковой деятельности» [14, с. 4]. Подхватывая эту формулировку, В.З. Демьянков пишет о тексте как части дискурса фактически любого содержания. И оказывается, что рекламные ролики вполне в него органично вписываются.

Например, он указывает, что одним из главных требований к дискурсу является его «логическая связность», отсутствие текстовых разрывов в нём. А если, по предположению В.З. Демьянкова, «логичность оформляется ещё и с помощью наглядности, специальных маркёров (если, потому, поэтому, тем не менее, соответственно и т.д.), то тем более текст неожиданно приобретает контуры дискурса после сложных «интерпретаторских потуг» [10, с. 2]. Остроумное и образное наблюдение отчасти подходит и под рекламные слоганы. Текст как часть рекламного дискурса в нашем случае может носить провокационный характер. Например: «Если наш товар не купить вовремя, то вы рискуете потерять деньги, приобретая его залежалым у наших конкурентов» напоминает еврейское изречение: «Мы не на столько богаты, чтобы покупать дешёвые вещи».

Большой вклад в разработку теоретических основ текста и дискурса в целом внесла современная лингвист Н.Д. Арутюнова. В объёмной монографии «Язык и мир человека» она предприняла попытку симптоматично перейти от логических структур дискурса к основным его стилевым признакам. Материал её книги охватывает множество разнообразных проблем; мы вкратце скажем о том, что наиболее близко избранной нами тематике статьи.

Так, один из интересующих нас разделов называется «Оценка и дискурс», и в нём два этих понятия неразрывно связаны. Автор утверждает, что именно оценочное значение слова задаёт необходимые параметры тексту как малой части дискурса. В таком дискурсе, содержащем различные оценочные оттенки предметов или явлений, может проявляться смысловая полнота, либо неполнота, однозначность/неоднозначность, стабильность/нестабильность тех нормативов, на которых, собственно, и базируется определённая оценка. С одной стороны, пишет Н.Д. Арутюнова, «общеоценочное значение обладает сильной валентностью» [3, с. 432], так как оно оформляет смысловое высказывание. С другой стороны, ему противостоит такой

дискурс, в тексте которого имеются ограничительные конструкции. Они особенно интересуют нас. Существо дела заключается в том, что не каждый оценочный дискурс нуждается в смысловом развёртывании. Здесь многое зависит от объёма информации. Торговая реклама никогда не носит глобальный характер. Она, образно выражаясь, «выстреливает» именно благодаря «чеховской краткости», суггестии. Реклама чаще характеризует единичный аспект объекта (лицо, предмет, товар, ситуация). Поэтому и возникает необходимость в ограничении фразы, суженной до нескольких слов. Это, по мнению названного учёного, тот текст в дискурсе, чья сфера действия ограничена «фразовой конструкцией».

В.А. Звегинцев протягивает нить от текста – к языку. Он предлагает изъять слово «дискурс» из текста и противопоставить ему термин «система». Правда, он отнюдь не выступает против наличия анализируемого понятия, однако полагает, что дискурс относится к сфере языка, а текст – к речи. Упорядоченные признаки дискурса как раз и формируют систему, что соответствует, по его предположению, тексту. Кроме того, учёный добавляет, что в систему входит реализация текстовых смыслов различного содержания. Нам это соотношение пригодится, когда будем говорить о краткости рекламного слогана «как путь к предложению, а через предложение – соответственно к языку» [12, с. 111–112].

Любопытно дополнить эту цепочку сведениями о разнице между предложением и высказыванием в нужном нам направлении. Один из разделов книги Е.В. Падучевой так и называется «Предложение и высказывание». Отделяя их, учёный приводит их характерологические признаки. Для предложения важно в первую очередь его «иллокутивное предназначение», выраженное с помощью соответствующих грамматических и лексических средств языка. А высказывание – это «речевой индивидуальный акт, постулирующий обязательное наличие собеседника» [20, с. 41]. Поясним. В нашем случае в роли собеседника выступает не говорящий или слушающий, но, скорее всего, потенциальный покупатель.

Словно аккумулируя названные теоретические положения, Н.Ф. Алефиренко подчёркивает, что «дискурс – гораздо шире текста, так как наполнен и лингвистическими, и экстралингвистическими факторами» [2, с. 17–18]. К тому же учёный тесно приурочил некоторые процессы, включая заимствование, к когнитии, в частности указывая, что нельзя анализировать экономический дискурс вне связи знания и мышления в их реальном языковом (читай: текстовом) воплощении.

Такова научно-теоретическая база по дискурсу, которая, на наш взгляд, позволяет нам перейти к анализу английских заимствований, основанных на современной российской торговой рекламе.

Необходимо подчеркнуть, что изучение экономического дискурса находится на стыке ряда наук. К его анализу как самостоятельной области относятся семиотика, социолингвистика, прагматика, антропология, теория коммуникации и другие смежные науки, ориентированные на изучение функционирования языка. Несмотря на то, что экономический дискурс активно изучается в различных аспектах, до сих пор не существует однозначного толкования этого термина.

Одним из наиболее актуальных направлений лингвистического анализа в наше время является анализ дискурса, вызвавший теоретические дискуссии в общепринятом понимании. Это даёт возможность проанализировать появление новых слов, процесс заимствования, причины их образования в языке. Следует отметить, что в современном обществе существует ряд сфер, играющих определённую роль в образовании новых слов. Это может быть реклама, деловые коммуникации, научно-технический прогресс, шоу-бизнес и т.д. Но самый эффективный путь – СМИ.

Дискурс – это язык социального использования. Его анализ отличается тем, что в нём больше внимания уделяется не тому, как формируются «выражения, высказывания», а тому, какие формы они принимают. Определено, что медиа-дискурс является более важной площадкой, где происходит концептуализация идеологии.

Одним из важных вопросов является вопрос о том, оказывают ли средства массовой информации негативное или позитивное влияние на идеологию общества. Свобода СМИ также рассматривается как сила СМИ. Причём реклама в экономическом дискурсе занимает одно из

главных мест в масс-медиа. Например, электронный дискурс, экономический дискурс, рекламный дискурс, медиа-дискурс и т.д. Собственно говоря, благодаря им словарный запас пополняется. А это, в свою очередь, влияет на бизнес.

Поскольку источники неологизмов различны, то не тождественны и причины их вхождения в язык. К причинам образования неологизмов можно отнести наименование новых понятий и событий, а также стилистическую цель. При этом заимствованная единица вербализует новые стороны денотатива, актуализированные не только в разговорном языке, речи, но и в научном тексте. Права Е.С. Кубрякова, утверждающая, что «заимствования направлены на обеспечение эффективного функционирования новых лексем в тексте, то есть в высказывании» [19, с. 179].

По мнению многих учёных, общение между культурами и цивилизациями является основным фактором, способствующим развитию культуры и языка (Б. Джонстон, Н. Коупленд, Г. Трэгер, В. Г. Федотова, А. П. Садохин, Э. Холл, Л. Г. Кирьянова). Лингвистика также рассматривает понятие «культурная глобализация» [34].

Синонимы экономического содержания могут заменять друг друга как в общем составе языка, так и в терминологической системе в зависимости от контекста и социальной ситуации. Например, слово «коммерция» (процесс купли-продажи) можно заменить следующей синонимической строкой, в зависимости от предполагаемого социального контекста и прагматики процесса: обмен, деловые отношения, маркетинг, бизнес, промышленность, экономика и т. д.

В то же время, как это ни парадоксально, интерес к новым понятиям (и неологизмам) в современном общественном мышлении, как и в лингвистическом мышлении, сильно возрос, а отношение к будущему, как и отношение к прошлому, вышло за национальные границы и приобрело международный или планетарный характер [37].

Вхождение неологизмов в общеупотребительный английский либо русский язык – это сложный и долгий процесс. Для того чтобы они прижились и стали нормой, они должны фонетически и грамматически смешаться с другими словами той области, к которой они принадлежат, и получить своего рода «гражданство». В этом, кстати сказать, заключается коренное отличие неологизма от заимствования. Слова, которые были понятны определённой группе людей в ранние периоды, постепенно становятся общим языком и начинают пониматься большинством.

Показательно, что это оформляется с помощью соответствующих грамматических средств. Так, аспектизация современной торговой рекламы подчас выражается атрибутивностью в предикате. А с точки зрения внутреннего содержания происходит дислокация понятий, выраженных в одновременном усечении и противопоставлении всего предложения. Например, в рекламе кавказского продукта на российском рынке: «Арбуз на вид не очень броский, но на вкус прекрасен». Или более нейтральное: «Эти бутоны цветов не столько ярки цветом, сколько привлекут вас своим необыкновенным ароматом». Вспоминается важный вывод Н.Д. Арутюновой относительно ограничительных конструкций с противительным значением. Тут самое главное – указание на ограничение избранного для рекламы объекта: привлечь внимание покупателей оценкой продукта, в которой её часть с антонимическим оттенком перенесена на целое.

В результате одну рекламу на русском и английском языках можно без ущерба содержанию заменить на другую. При этом эквиваленты вместо многих английских лексических единиц появляются позже. Подмечен следующий факт: иногда лексико-семантические параллели в двух изучаемых нами языках столь очевидны, что, по нашему мнению, отпадает надобность в заимствовании. Другими словами, происходит своего рода лексическое перенасыщение в словах «import», «inflation», «commerce», «limit», «market», «profitability», «export», «mall» и т.д. Вместо «магазина» в простонародье, и в торговой вывеске в том числе, употребляют «супермаркет» или синонимичные им «гипермаркет», «торговый центр». Разница заключается, главным образом, в территориальном масштабе торгового предприятия. По той же схеме следует рассматривать «бутик» (от фр. «boutique»). В России этот магазин в терминологическом отношении более конкретизирован: «модный, элитный, торговая реклама дорогих товаров [26, с. 167–169]. Разумеется, такая реклама предназначена только для обеспеченных клиентов. Вырисовывается следующая картина: родные эквиваленты вытесняют англицизмы или наоборот.

Поскольку русский язык имеет свои особенности употребления английских заимствований, следует отметить в связи с этим, что одним из важных свойств англицизмов является отсутствие у них синонимов. Они не несут в себе существенных специфических компонентов и являются собой сложное образование, поэтому часто передаются фразой. Например, молл – торговый центр; Wi-Fi – технология беспроводной локальной сети с устройствами на основе стандартов IEEE 802.11.; Wi-Fi – стандарт беспроводного соединения для связи различных устройств, относящийся к набору стандартов IEEE 802.11.

Значение заимствованных англицизмов в современном русском языке, в том числе и в торговой рекламе, неоднозначно. Так, в процессе их использования невольно могут возникнуть некоторые неточности или даже недоразумения. В таких случаях создаётся негативное впечатление о речи в целом. Современный язык, по наблюдениям русских и английских лингвистов, как и в предыдущие времена, включает вариативную лексику, только лексические архаизмы со своими понятиями в некоторой степени утратили свою функциональную активность.

Вместе с тем в отличие от терминов и заимствованных слов, неологизмы, как правило, служат для образования новых слов либо значений. Так, «реалити-шоу» в США – это летний открытый кинотеатр, но не для просмотра фильмов, а преимущественно для автолюбителей. Иногда имеются в виду заведения общественного питания (бар или кафе). В современном английском языке такие «точки» имеют название – «Drive-in». Тем самым заимствования расширяют определённые фрагменты языковой картины мира. Например, слово «плагин» в английском языке существенно отличается от слова «плаг» в русском языке (которое образовалось от первого). В английском языке слово *plug* имеет много значений: I. n. 1) пробка; 2) кран; 3) табак; 4) электрическая вилка, штепсель; 5) затвор от ружья; 6) вид шляпы); 7) реклама; 8) неходовой товар; 9) старая лошадь, кляча; 10) пуля; II. v. 1) закрывать (что-либо; законопатить; 2) корпеть, чрезмерно усердствовать; 3) новомодное явление; 4) настойчиво рекламировать; 5) застрелить и т.д. Отметим также, что некоторые слова имеют различные стилевые пометы: разговорное, жаргонное и т.п.

В английском языке *plug* чаще используют в области современных мультимедийных средств, в основном при необходимости подключения некоего устройства к компьютеру через USB или Fire-Wire. Однако в русском языке «плаг» – это либо 1) поджанр рэпа (музыка начала 2010-2015 годов); или 2) лицо, которое поставляет вам наркотики; то же, что наркоторговец (молодёжный сленг); 3) сумма, на которой баланс не сбалансирован; временная замена сложного элемента расчётной модели простой связкой, вилкой (экономический дискурс).

Говоря о классификации дискурсов, следует отметить их многообразие. Экономический дискурс как форма социального поведения играет роль инструмента формирования социального мира. Но для того, чтобы о нём узнали, его распространяют по различным каналам. Это обеспечивает возможность воздействия на потенциального адресата [35, с. 122]. В англоязычной рекламе заимствование является одним из четырёх наиболее частых явлений: предмет, услуга, качество. Текст должен вкратце отражать её содержание.

Мы уже писали об учёных, занимавшихся проблемами текста, дискурса, в том числе и экономического. Язык рекламы также находится в центре внимания лингвистов. В рекламе язык не только информирует покупателей, но привлекает их внимание и стремится отразить положительные аспекты рекламируемого объекта, убеждая и даже развлекая аудиторию различными способами, чтобы заставить его купить товар или услугу. Причём делает это не столько с помощью терминов или отдельных заимствований, сколько с помощью неологизмов. Здесь особенно необходимо подчеркнуть роль образно-выразительных средств языка, потому что они формируют яркий образ рекламы, благодаря которому люди получают информацию. Между тем, каждый человек становится потенциальным и в то же время беззащитным объектом информационной манипуляции со стороны СМИ. Большая часть представлений и знаний о мире формируется под влиянием средств массовой информации, таких как телевидение, радио, пресса и Интернет. В этом ключе важно отметить роль не столько терминов или отдельных заимствований, сколько именно неологизмов, вызывающих повышенный интерес у покупателей товаров.

В свою очередь некоторые экономические термины создают определённую привлекательность в разумном сознании и подсознании возможных покупателей по поводу товара, рекламируемого в средствах массовой информации. Стоит отметить, что количество экономических терминов, используемых в русскоязычных рекламных медиатекстах, достаточно велико.

Рекламные объявления на русском языке отличаются тем, что содержат информацию об иностранных товарах. Сюда же относятся объекты зарубежного производства. Поэтому в русском языке в рекламно-медийном дискурсе образуется большое количество новых слов. Среди них можно увидеть такие слова, как шоппинг-тур, бренд, ноу-хау. В контексте они могут быть адаптированные или нет.

Одна из задач рекламы состоит в том, что её профессионально обработанный текст должен быть способен привлечь внимание читателя или аудитории к самому объекту. Есть большая вероятность, что привлекающая внимание реклама запомнится из всех остальных.

Ещё одной особенностью медиа-жанра «реклама» является отсутствие экономической медиа-лексики с негативной окраской. Чтобы привлечь внимание потенциальных потребителей через СМИ, рекламируемый объект должен иметь положительный имидж. Например: «Заманчивые условия кредита на Volkswagen Jetta и Volkswagen Tiguan» [36]. Использование цифровых и символических знаков в заголовках текстов разного назначения в средствах массовой информации чрезвычайно важно, поскольку нарушает традиционную однородную структуру заглавного текста, превышает качественный показатель и подчёркивает количественные особенности (обеспечивая максимально краткость и информативность). Например, *ВАШ БОНУС в Медиа Маркете составит 3000 рублей! Оформите карту и делайте покупки* (реклама Media-Markt) [18]. Реклама Банка также рассчитана, главным образом, на удобство (Банк BSGV) [5], [33]. Реклама порою может носить и провокационный характер, впрочем, вполне оправданный по законам торговли: *Мы даём супер выгодный кредит. Поторопитесь его взять, или он убежит!* (реклама Бинбанка) [22]; *Новогодняя сказка. Волшебное ипотечное предложение* (реклама Бинбанка) [30]; *Только уральский рабочий знает: чем дешевле кредит, тем меньше работы – Банк «Кольцо Урала»* (Реклама банка «Кольцо Урала») [21].

Основная цель рекламного сообщения – привлечь внимание зрителя к соответствующему объявлению. Если рекламе этого не удастся сделать, то она перестанет быть эффективной, потому что потенциальный клиент потеряется в этом невероятном потоке информации.

Говоря об экономическом дискурсе, необходимо обратить особое внимание на то, что он включает в себя язык как популярных СМИ, так и текстов, связанных с этой наукой. Если кто-то говорит об экономической проблеме на языке, понятном большинству людей, то используются общие слова. Эта модель представляет собой своего рода экономический дискурс. Сюда входят конкретные экономические идеи. В рыночной деятельности реклама играет роль инициатора и своеобразного катализатора в деле пропаганды того или иного товара, услуги. Творчество и развлечения эффективно влияют на рынок труда. Работы последних лет по маркетингу и экономическому дискурсу обращают внимание на некоторые особенности, которые характеризуют его сложное содержание, проявляющееся в различных ситуациях коммуникации.

3.2. Анализ некоторых последних заимствований в экономическом дискурсе.

Как одна из основных категорий общества и сфер деятельности экономика охватывает все существующие сферы человеческого существования. И думается, что невозможно при этом обойти вниманием экономический дискурс. Лингвистами он рассматривается как вербализация экономических знаний, которая охватывает практически все сферы коммуникации, начиная с языка научных книг, учебников, журналов и заканчивая языком делового обмена и сделок [25], [27].

Анализируя этимологию и условия функционирования ряда англицизмов в медиа-экономическом дискурсе русского и английского языков, можно убедиться в их схожей словообразовательной модели или тематической аналогии. Сравним: (*hedgefund* (хедж-фонд),

coaching (коучинг), *team-building* (тимбилдинг), *offshore* (оффшор), *teaser* (тизер), *overdraft* (овердрафт) и т.д. Например, Хеджер – это экономический субъект, фирма или банк, осуществляющий операции по страхованию прибыли от неблагоприятных изменений цен и валютных курсов [34, с. 518]. Другая модель хеджирования реализуется через покупку пут- или колл-опционов (опцион «пут» – для продавца «колл», для покупателя) не только защищает от падения или роста цены базисного актива, но и позволяет хеджеру воспользоваться увеличением или снижением его стоимости. При этом затраты на сделку хеджирования ограничиваются уплаченной хеджером премией по купленному опциону [Коммерсантъ. Санкт-Петербург. 19.04.2011].

Хедж-фонд. Инвестиционная компания, которая покупает и продаёт ценные бумаги конкретных фирм и выпускает [31]. ...договорённость между частными аргентинскими банками и хедж-фондами, скупившими в 2008 году государственные долговые облигации, практически достигнута [Известия. 31.07.2014].

Используемые лексические единицы, прежде всего, предназначены для повседневного общения, на их основе изменяются и образуются новые слова. Слово «коучинг» – одно из них. Это слово имеет значение деятельности, которая направлена на повышение профессиональных навыков сотрудников. Но помимо своего основного значения, оно носит дополнительный оттенок – методологический, ориентируя потенциального покупателя на «профессионализм, повышение своего потенциала» [Известия. 31.07.2014]. Около 40-50-ти лет тому назад это слово перешло в бизнес и экономику, в известном смысле «расширив спектр технологических устройств» [Известия. 25.09.2012].

Это слово также означает профессиональную подготовку и используется в повседневной жизни, в основном в значении «тренинговая школа». Просто коучинга вне рамок конкретной школы не существует. В Азербайджане всего три тренинговые школы. Наш – Мастер-Коуч Азербайджан – это проект компании «Деловое Кольцо» [23]. В дальнейшем это слово расширило свою семантику: коуч-сессия, коучинг-консультирование.

Оффшор – это территория, предоставляющая бизнесу особые налоговые условия и возможность скрыть фактического владельца. Основная цель работы в оффшорах – снижение налоговых выплат. Оффшоры также используются для реализации незаконных схем, в том числе для отмывания грязных денег [32, с. 281]. Накануне саммита ЕС премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон направил специальное послание оффшорным компаниям – Ла-Маншу, Каймановым и Виргинским островам, Гибралтару и другим. В нём он потребовал присоединиться к европейской кампании против уклонистов от налогов [Известия. 20.05.2013].

Существуют лексические единицы, которым свойственна образность: «серый импорт» и «двойной счёт»; «общие интересы» (реклама банка «Глобэкс») [36].

3.3. Способы интерпретации иностранных заимствований в газетном дискурсе

Рассмотрим подробнее использование заимствованной экономической лексики в газетном дискурсе. В нём заимствованные слова состоят из «параметров, образующих систему» [16], [17]. Они выполняют три важные функции: интерпретативную, оценочную и классифицирующую, что соответствует «мета-языковому сознанию человека» [16, с. 6–7].

По нашему представлению, газетный и интернет-дискурсы следует рассматривать в индивидуальном порядке. Они по-разному выполняют названные нами функции. Прежде всего это относится к эмотивному лексико-семантическому полю. Общей точкой соприкосновения является только их реализация в тексте.

В газетном дискурсе при описательном способе толкования употребляются такие слова, как *другими словами*, *или*, *то есть*, *так называемое*, *это*, *это когда*; а также знаки препинания (–; (); «»). ...импринтер можно использовать для покупок с помощью банковской карты. Затем он с помощью импринтера делает отпечаток карты на слипе и вносит в слип данные клиента [Комсомольская правда. 09.10.2013].

В комментарии описательных толкований значение слова определяется через родовое понятие (гипероним) и видовое отличие (гипоним). Пономарёв уверен, что суммы, собранной за счёт фандрайзинга (сбора средств от людей), хватит на все медиапроекты «белого движения» [Известия. 20.08.2012]. Между тем для глобального бизнес-образования сбор средств или целенаправленное привлечение пожертвований физических и юридических лиц — обычное дело [Коммерсантъ. Секрет Фирма. 01.10.2012]. Синонимический метод находится на втором месте по распространению. Иностранное слово, как правило, синонимично русскому в тех случаях, когда мы отыскиваем соответствия в двух языках [1]. Речь, понятно, идёт о русском и английском языках. Маркерами выступают одиночные лексемы или словосочетания: *или, как они есть, до сих пор (теперь по-старому, по-другому)*. Широко используются кавычки и скобки: ...на помощь приходят уличные менялы или таксисты, которые устно предлагают выгодный курс без комиссий. Не верьте: полицейские участки Турции завалены заявлениями россиян, посмеявшихся пойти на такую «перемену» [Комсомольская правда. 22.07.2008]. Стоит отдельно отметить, что шпионская смена (обмен) была проведена в рекордно короткие сроки [Комсомольская правда. 07.09.2010]. Позже неожиданно для создателя пластиковая игрушка стала продаваться миллионными тиражами, была переименована во «фрисби». На постсоветском пространстве «фрисби» называют «летающей тарелкой» [Известия. 12.02.2010].

В так называемом эпидигматическом методе значение заимствованного слова объясняется через мотивационную единицу. Здесь прежде всего нужно обратить внимание на раскрытие семантики заимствованного корня: стандартный день продавца начинается в 8.30 с планёрки. Это время уточнения и сортировки задач, ролевая игра «Продавец и Клиент» [Аргументы и факты. 30.04.2008]. Мотивирующее слово – это единица заимствованного языка, представленная собственными графическими средствами. Характерно также употребление выражений.

Газетный дискурс обладает универсальными качествами, способностью активно входить в литературный язык, способностью обращаться к самой широкой аудитории без социальных ограничений. Среди примеров чаще встречается негативная оценка отдельных заимствованных слов, но реже – оценка процесса заимствования [16, с. 14].

Средствами выражения оценки являются антинимии: любовь – ненависть. К ним примыкают некоторые причастия или имена прилагательные, в основном с оценочной маркировкой: пугающий, ужасный, страшный, ФЕ: будь проклят этот «гламур»; метафоры: («Нанотехнологии» – парализующее нас слово!») [Аргументы и факты, 15.10.2008].

Классифицирующая функция может реализовываться в ксеноразличительной (в переводе с английского и т.п.), временной (по-старому называли, сейчас называют), частотности (известное модное слово, часто произносимое, широко употребляемое), социального расслоения (так принято говорить при...; в академических кругах общества так называют богатые и т. д.) и стилистический аспекты (проще говоря, иначе говоря).

Например: Размещение автомобиля или другого товара в кадре художественного фильма называется английским термином ProductPlacement [Коммерсантъ. Ростов-на-Дону. 23.08.2012]. В последнее время получили распространение так называемые «зонтичные бренды», когда несколько совершенно разных товаров объединены общим названием или дизайном упаковки. Например, сигареты и шоколад могут скрываться под практически одинаковыми обёртками, крепкий алкоголь и минеральная вода – в одинаковых бутылках [Экономическая газета. 2014, октябрь].

«Дауншифтинг» – это термин, обозначающий скат по карьерной лестнице. Можно перевести и так: «сдвиг вниз», но, по нашему мнению, предпочтительнее «добровольная простота» как «...более художественный, поэтичный» [Российская газета. 16.07.2008]. Последние два примера объединяют в себе все три функции: интерпретативную, оценочную (поскольку здесь используются метафоры: «зонтик», «произвольная простота») и классифицирующую.

4. Выводы

По нашему представлению, цель большинства медиатекстов – побудить покупателя поверить в то, что *реклама* соответствует реальному положению вещей, что она (как модно сегодня выражаться – не фейковая). Для этого, кстати, существуют новостные порталы, которые разными способами пытаются убедить аудиторию в её правдивости. Реклама как часть медиатекста побуждает покупать товар или услугу.

Нами выяснено, что заимствование в рекламе на английском языке выражает как минимум четыре наиболее часто употребляемых понятия: предмет, услуга, качество и процедура, то есть то, что рекламируется и является доминирующим в тексте. Отличительной особенностью торговой рекламы является лексика с положительной оценкой. Это очевидно и понятно, так как она по идее должна удовлетворять потребности покупателей. Отсюда и её соответствующий положительный имидж.

Заимствованные слова в экономическом медиадискурсе характеризуются преимущественно коммуникативной направленностью, что обусловлено когнитивными свойствами данной категории лексики [8]. Негативно окрашенная лексика в известном смысле способна временно лучше выполнять функцию привлечения и удерживания внимания людей. Но этот момент лишь отчасти является выигрышным, по сравнению с позитивно окрашенной экономической лексикой. Экономический дискурс и реклама взаимосвязаны, поскольку последнее во многом отражает результаты экономической деятельности. Реклама выполняет различные задачи. Её основная задача – привлечь внимание клиента к рекламируемому товару или услуге, предоставить различную информацию о товаре или услуге, например, отличие товара и его качества от других товаров его класса, убедить и мотивировать его приобрести предлагаемый товар или услугу.

Заимствованные слова выполняют в газетном и интернет-дискурсе ряд функций, которые в совокупности образуют систему. К этим функциям относятся интерпретативная, оценочная и классифицирующая. Функции определяют способы проявления метаязыкового сознания – интерпретацию, оценку и классификацию.

Реклама как часть экономического дискурса в максимальной степени использует возможности языка, то есть различные методы, специальные слова, словосочетания и предложения для достижения целей. Такой язык обладает способностью влиять на людей, их отношение и поведение. Реклама использует различные методы, чтобы привлечь внимание, запомниться, вызвать доверие и уверенность, создать впечатление качества и превосходства товара, стимулировать и мотивировать покупателя к приобретению товара или услуги. Преобладающие негативные оценки указывают на барьер контроля, избирательно защищающий родной язык от нефункциональных и избыточных включений.

© Ф.А. Мамедова, 2024

Список литературы

1. Алекторова М.П. Об оттенках значений лексических синонимов // Синонимы русского языка и их особенности. Л.: Наука, 1972. С.123–138.
2. Алефиренко Н.Ф. Дискурсивное сознание: синергетика языка, познания и культуры. // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты, вып. 15, Москва: ИНИОН РАН, МГЛУ, 2009. с. 14–20.
3. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. -2-е изд., исправленное. М.: «Языки русской культуры», 1999. 896 с.
4. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966, 606 с.
5. База слоганов. Банковские продукты [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.textart.ru/baza/slogan/bank-product.html> (дата обращения: 11.06.2009).
6. Бенвенист Э. Общая лингвистика, 2-е издание, Москва: УРСС, 2002. 342 с.
7. Большой толковый словарь русского языка. Гл. ред. С. А. Кузнецов. Первое издание: Санкт-Петербург: Norint. 1998. 1534 с.

8. Бусыгина М.В. Жанровые и функционально-семантические характеристики пресс-релиза в современном медиадискурсе. Дисс... канд. филол. наук. / М.В. Бусыгина. Волгоград, 2010. 175 с.
9. Дейк ван Т.А. Дискурс и знание. Научные ведомости Белгородского государственного университета. Гуманитарные науки, Белгород, № 13 (156), 2013, вып. 18. С. 5–23.
10. Демьянков В.З. Дискурс как эмпирическая основа теории взаимодействия коммуникации и когниции. М.: РАН, 2022.
11. Желтухина М.Р. Роль информации в медиадискурсе // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2010. № 3. Лингвистика. М., 2010. С.12–18.
12. Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи. Разделы 2.6 и 2.10. М.: КомКнига, 2007. 307 с.
13. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 262 с.
14. Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе. Дисс. д-ра филол. наук. Москва: Институт языкознания РАН, 2019. 342 с.
15. Кириянова Л.Г. Общество в контексте глобально-локальных отношений. Томск: Дельтаплан, 2007. 137 с.
16. Козлова Е.Е. Заимствования как объект метаязыковой рефлексии рядовых носителей русского литературного языка: начало XXI века. Автореферат дис... канд. филол. наук. / Е.Е.Козлова. Томск, 2012. 25 с.
17. Козлова Е.Е. Способы толкования иноязычных заимствований в газетном дискурсе // Известия Томского политехнического университета. Инжиниринг георесурсов, № 314 (6), 2009. С 108–112.
18. Кредитная карта без годового обслуживания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mediamarkt.ru/citibank> (дата обращения: 11.06.2014).
19. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. М: Книжный дом «ЛМБРОКОМ», 2009. 200 с.
20. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесённость с действительностью. М.: Наука, 1985, 271 с.
21. Реклама банка кольцо Урала [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://yandex.ru/images/search?img_url (дата обращения: 11.06.2014).
22. Реклама бинбанка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://creditbank24.ru/articles-rus/> (дата обращения: 18.07.2015).
23. Рекламные приёмы (на примере банков) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://4p.ru/main/theory/60777/> (дата обращения: 15.02.2014).
24. Рузметов С.А. Обиноязычных заимствованиях в экономической лексике современного русского языка / С.А. Рузметов. Текст : непосредственный // Молодой учёный. 2015. № 3 (83). С. 967–969.
25. Садохин А.П. Введение в теорию межкультурной коммуникации: учебное пособие / А.П. Садохин. М.: КИОРУС, 2014. 254 с.
26. Садохин А.П. Межкультурная компетентность: понятие, структура, пути формирования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://jourssa.ru/2007/1/6aSadohin.pdf/> (дата обращения: 23.10.2023).
27. Синицын А.В. Функционирование англоязычных заимствований-неологизмов в медийном дискурсе французского языка. Автореферат дис... канд. филол. наук. / А.В.Синицын. Москва. 2014. 26 с.
28. Толковый словарь русского языка конца XX века: Языковые изменения / Гл. ред. Г.Н. Складерская. СПб.: Фолио-Пресс, 1998. 700 с.
29. Федотова В. Модернизация и глобализация // Русский архипелаг, 2000. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.archipelag.ru/> (дата обращения: 07.03.2021)
30. Что такое коучинг и кому он нужен? На наши вопросы отвечает профессиональный коуч Сабина Рагимова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://media.az/society/1067727170/nasha-cel-dat-azerbaydzhanskoy-molodezhi-%20vozmozhnost-prohodit-kachestvennoe-obuchenie-na-rodnom-yazyke/> (дата обращения: 12.02.2020)
31. Шагалова Е.Н. Словарь новейших иностранных слов. Москва, ШКОЛА АСТ-ПРЕСС, 2020. 576 с.
32. Aharoni A. Global Multiculturalism Versus the «War of Cultures». Abstract for the GSPC conference. Istanbul, 23–27 June, 2004.
33. BSGV bank advertisement [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sovetnik.ru/press/2008/06/04/press_24358.html (дата обращения: 11.06.2009).
34. Johnston W.B. Global work force 2000: The new world labor market. // Harvard Business Review, v.69, 1991. P.15–27.
35. Parker B. Introduction to Globalization and Business: Relationships and Responsibilities. SAGE Publications Ltd, 2005.
36. “Revival” advertisement [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vw-orelavto.ru> (дата обращения: 20.12.2020).
37. Vernon-Wortzel, H., Wortzel, L.H. Strategic Management in the Global Economy, John Wiley & Sons, Inc., USA. 1997.

References:

1. Alektorova, M.P. Ob ottenkakh znachenii leksicheskikh sinonimov [On the Shades of Meaning of Lexical Synonyms] // *Sinonimy russkogo iazyka i ikh osobennosti*. L.: Nauka, 1972. S.123–138.
2. Alefirenko, N.F. Diskursivnoe soznanie: sinergetika iazyka, poznaniia i kul'tury [Discursive Consciousness: Synergetics of Language, Cognition, and Culture]. // *Iazykovoe bytie cheloveka i etnosa: psikholingvisticheskiy i kognitivnyy aspekty* [The linguistic existence of man and ethnos: psycholinguistic and cognitive aspects], vyp. 15, Moskva: INION RAN, MGLU, 2009. s. 14–20.
3. Arutiunova, N.D. *Iazyk i mir cheloveka* [Language and the World of Man]. 2-ed. M.: «Iazyki ruskoï kul'tury», 1999. 896 s.

4. Akhmanova, O.S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Linguistic Terms]. M.: Sovetskaya entsiklopediya, 1966. 606 s.
5. Baza sloganov. Bankovskie produkty [Slogan Database. Banking Products], <http://www.textart.ru/baza/slogan/bank-product.html> (Accessed: 11.06.2009).
6. Benvenist, É. *Obshchaya lingvistika* [General Linguistics]. 2 ed., Moskva: URSS, 2002. 342 s.
7. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo iazyka* [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Gl. red. S. A. Kuznetsov. Pervoe izdanie: Sankt-Peterburg: Norint. 1998. 1534 s.
8. Busygina, M.V. *Zhanrovyi i funktsional'no-semanticheskie kharakteristiki press-reliza v sovremennom mediadiskurse* [Genre and functional-semantic characteristics of a press release in modern media discourse]. Diss... kand. filol. nauk. / M.V. Busygina. Volgograd, 2010. 175 s.
9. Deik, van T.A. *Diskurs i znanie* [Discourse and knowledge]. // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki, Belgorod, No 13 (156), 2013, vyp. 18. S. 5–23.
10. Dem'iankov, V.Z. *Diskurs kak émpiricheskaya osnova teorii vzaimodeistviia kommunikatsii i kognitsii* [Discourse as an empirical basis for the theory of interaction between communication and cognition]. M.: RAN, 2022.
11. Zheltukhina, M.R. Rol' informatsii v mediadiskurse [The role of information in media discourse] // *Vestnik TSMO MGU. Filologiya. Kul'turologiya. Pedagogika. Metodika*. 2010. № 3. Lingvistika. M., 2010. S.12–18.
12. Zvegintsev, V.A. *Predlozhenie i ego otnoshenie k iazyku i rechi* [Sentence and its relation to language and speech]. Razdely 2.6 i 2.10. M.: KomKniga, 2007. 307 s.
13. Karaulov, Iu.N. *Russkii iazyk i iazykovaia lichnost'* [Russian language and language personality]. M.: Nauka, 1987. 262 s.
14. Kibrik, A.A. *Analiz diskursa v kognitivnoi perspektive* [Discourse analysis in cognitive perspective]. Diss. d-ra filol. nauk. Moskva: Institut iazykoznanii RAN, 2019. 342 s.
15. Kir'ianova, L.G. *Obshchestvo v kontekste global'no-lokal'nykh otnoshenii* [Society in the context of global-local relations]. Tomsk: Del'taplan, 2007. 137s.
16. Kozlova, E.E. *Zaimstvovaniia kak ob'ekt metaiazykovoï refleksii riadovykh nositelei russkogo literaturnogo iazyka: nachalo XXI veka* [Borrowings as an object of metalinguistic reflection of ordinary speakers of the Russian literary language: the beginning of the 21st century]. Avtoreferat dis... kand. filol. nauk. / E.E. Kozlova. Tomsk, 2012. 25 s.
17. Kozlova, E.E. Sposoby tolkovaniia inoiazychnykh zaimstvovaniï v gazetnom diskurse [Methods of interpreting foreign-language borrowings in newspaper discourse] // *Izvestiia Tomskogo politekhnicheskogo universiteta. Inzhiniring georesursov*, № 314 (6), 2009. S 108–112.
18. Kreditnaya karta bez godovogo obsluzhivaniia [Credit card without annual service], www.mediamarkt.ru/citibank (Accessed: 11.06.2014).
19. Kubriakova, E.S. *Tipy iazykovykh znachenii. Semantika proizvodnogo slova* [Types of linguistic meanings. Semantics of a derivative word]. M.: Knizhnyi dom «LMBROKOM», 2009. 200 s.
20. Paducheva, E.V. *Vyskazyvanie i ego sootnesennost' s deistvitel'nost'iu* [Statement and its correlation with reality]. M.: Nauka, 1985, 271 s.
21. Reklama banka kol'tso Urala [Advertisement of the bank “Ural Ring”], yandex.ru/images/search?img_url (Accessed: 11.06.2014).
22. Reklama binbanka [Advertisement of Binbank], creditbank24.ru/articles-rus/ (Accessed: 18.07.2015).
23. Reklamnye priemy (na primere bankov) [Advertising techniques (using banks as an example)], 4p.ru/main/theory/60777/ (Accessed: 15.02.2014).
24. Ruzmetov, S.A. Ob inoiazychnykh zaimstvovaniiax v ékonomicheskoi leksike sovremennogo russkogo iazyka [On foreign language borrowings in the economic vocabulary of the modern Russian language] / S. A. Ruzmetov. // *Molodoi uchënyi*. 2015. № 3 (83). S. 967–969.
25. Sadokhin, A.P. *Vvedenie v teoriiu mezhkul'turnoi kommunikatsii: uchebnoe posobie* [Introduction to the theory of intercultural communication: a tutorial] / A.P. Sadokhin. M.: KIORUS, 2014. 254 s.
26. Sadokhin, A.P. *Mezhkul'turnaia kompetentnost': poniatie, struktura, puti formirovaniia* [Intercultural competence: concept, structure, ways of formation], jourssa.ru/2007/1/6aSadokhin.pdf/ (Accessed: 23.10.2023).
27. Sinitsyn, A.V. *Funktsionirovanie angloiazychnykh zaimstvovaniï-neologizmov v mediïnom diskurse frantsuzskogo iazyka* [Functioning of English-language neologism borrowings in the media discourse of the French language]. Avtoreferat diss... kand. filol. nauk. / A.V.Sinitsyn. Moskva. 2014. 26 s.
28. *Tolkovyï slovar' russkogo iazyka kontsa XX veka: Iazykovye izmeneniia* [Explanatory Dictionary of the Russian Language at the End of the 20th Century: Language Changes] / Gl. red. G.N. Skliarevskaya. SPb.: Folio-Press, 1998. 700 s.
29. Fedotova, V. Modernizatsiia i globalizatsiia [Modernization and Globalization] // *Russkii arhipelag*, 2000, www.archipelag.ru/ (Accessed: 07.03.2021).
30. Chto takoe kouching i komu on nuzhen? Na nashi voprosy otvechaet professional'nyi kouch Sabina Ragimova [What is coaching and who needs it? Professional coach Sabina Ragimova answers our questions], media.az/society/1067727170/nasha-cel-dat-azerbaydzhanskoy-molodezhi-vozmozhnost-prohodit-kachestvennoe-obuchenie-na-rodnom-yazyke/ (Accessed: 12.02.2020)
31. Shagalova, E.N. *Slovar' noveishikh inostrannykh slov* [Dictionary of the latest foreign words]. Moskva, ShKOLA AST-PRESS, 2020. 576 s.
32. Aharoni, A. “Multiculturalism Versus the «War of Cultures».” *LinkedIn*, 04 Feb. 2020, <https://www.linkedin.com/pulse/multiculturalism-versus-war-cultures-ada-aharoni> (Accessed: 12.02.2020).
33. “BSGV bank advertisement.” *Sovetnik*, 2009, http://www.sovetnik.ru/press/2008/06/04/press_24358.html (Accessed: 11.06.2009).

34. Johnston, W.B. "Global work force 2000: The new world labor market." *Harvard Business Review*, vol. 69, 1991, pp.15–27.
35. Parker, B. *Introduction to Globalization and Business: Relationships and Responsibilities*. London, SAGE Publications Ltd, 2005.
36. "Revival" advertisement." *Orelavto*, 2020, <http://www.vw-orelavto.ru> (Accessed: 20.12.2020).
37. Vernon-Wortzel, H., Wortzel, L.H. *Strategic Management in the Global Economy*. Washington, John Wiley & Sons, Inc., 1996.

Сведения об авторе:

Мамедова Фарах Алихан гызы – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка для гуманитарных факультетов Бакинского государственного университета. Баку, Азербайджан. Сфера научных интересов: когнитивная лингвистика, сравнительно-историческое и сравнительно-типологическое языкознание. E-mail: mamedova.farah@bk.ru ORCID 0009-0001-2383-7052

About the author:

Farah A. Mammadova, PhD in Philology, is Associate Professor of the Department of the English Language for Faculties of Humanities, Baku State University. Baku, Azerbaijan. Area of scientific interests: cognitive linguistics, comparative historical and comparative typological linguistics. E-mail: mamedova.farah@bk.ru ORCID 0009-0001-2383-7052

No conflict of interests is declared.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

* * *

Stylistic Affiliation of Set Expressions with the Component *MAYOR*, *MENOR* in the Spanish Language

Natalia A. Mikheeva

MGIMO UNIVERSITY,
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of set expressions in the Spanish language, one of the components of which is the lexical unit *mayor* or *menor*, from the point of view of identifying their linguistic features when used in various functional styles of speech. The lexical units *mayor* and *menor*, which have the dictionary meaning of “greater” or “smaller”, acquire additional connotations in the composition of various phrases, on which their translation into Russian largely depends. The work considers the most commonly used set expressions fixed in the phraseological dictionary. The source of the study were texts of various genres characteristic of each style of speech: the Constitutions of Spain and Latin American countries, codes, laws, decrees, regulations, orders, contracts, agreements, business letters, works of Spanish-language fiction, texts of periodicals, articles, essays, reviews, conversations, interviews, blogs and comments on social networks. When analyzing stable expressions that actively function in the Spanish language, their semantic meaning is indicated, and their stylistic affiliation is determined.

The study presents a classification of stable phrases with the components *mayor* / *menor* based on grammatical features, describes their lexical component, determines the component composition, and analyzes the evaluative connotation, functional and stylistic potential.

The article studies language means in the field of Spanish stylistics and phraseology, which are of scientific interest to Hispanists in matters of identifying the national and cultural specificity of the Spanish language. The work also provides a brief overview of the history of linguistic research on stylistics in Spain and Russia, notes the importance of the functional direction of stylistic research, presents functional styles of speech and speech genres characteristic of them.

All the studied set expressions are used in texts of various genres inherent in the functional styles of speech in the Spanish language, while each of them, due to its semantic and stylistic features, is used mainly in a certain style.

The study of stylistic possibilities of set expressions with the components *mayor* / *menor* helps to identify genre features of texts characteristic of different functional styles of speech, and to determine the features of the formation of the linguistic picture of the world of Spanish-speaking peoples.

The article may be useful for philologists, specialists in the field of Spanish studies, teachers of Spanish, students studying Spanish.

Keywords: phraseological stylistics, functional styles of speech, speech genres, set expression, set phrase, phraseological unit, language formulas, lexical unit

For citation: Mikheeva N.A. (2024). Stylistic affiliation of set expressions with the components *mayor*, *menor* in the Spanish language. *Linguistics & Polyglot Studies*, 10(4), pp. 37–56. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-4-41-37-56>

Стилистическая принадлежность устойчивых словосочетаний с компонентами *MAYOR*, *MENOR* в испанском языке

Н.А. Михеева

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. Статья посвящена исследованию устойчивых словосочетаний в испанском языке, одним из компонентов которых является лексическая единица *mayor* или *menor*, с точки зрения выявления их языковых особенностей при использовании в различных функциональных стилях речи.

Лексические единицы *mayor* и *menor*, имеющие словарное значение «большой» или «меньший», приобретают дополнительные оттенки в составе различных словосочетаний, от которых в значительной степени зависит их перевод на русский язык. В работе рассматриваются наиболее употребительные словосочетания, закреплённые во фразеологическом словаре. Источником исследования послужили тексты различных жанров, свойственных каждому стилю речи: Конституции Испании и стран Латинской Америки, кодексы, законы, декреты, постановления, распоряжения, договоры, соглашения, деловые письма, произведения испаноязычной художественной литературы, тексты периодических изданий, статьи, эссе, рецензии, беседы, интервью, блоги и комментарии в социальных сетях. При анализе устойчивых выражений, активно функционирующих в испанском языке, указывается их семантическое значение, определяется стилистическая принадлежность.

Представлена классификация устойчивых словосочетаний с компонентами *mayor* / *menor* на основании грамматических признаков, описывается их лексическая составляющая, определяется компонентный состав, анализируется оценочная коннотация, функционально-стилистические возможности.

Проводится исследование языковых средств в области испанской стилистики и фразеологии, представляющих научный интерес для испанистов в вопросах выявления национально-культурной специфики испанского языка. Делается краткий экскурс в историю лингвистических исследований стилистики в Испании и России, отмечается важность функционального направления стилистических исследований, представляются функциональные стили речи и характерные для них речевые жанры.

Все исследуемые устойчивые словосочетания употребляются в текстах разнообразных жанров, свойственных функциональным стилям речи испанского языка, при этом каждое из них в силу своих семантических и стилистических особенностей используется преимущественно в определённом стиле.

Исследование стилистических возможностей устойчивых выражений с компонентами *mayor* / *menor* способствует выявлению жанровых особенностей текстов, характерных для разных функциональных стилей речи, определению особенностей формирования языковой картины мира испаноязычных народов.

Статья может быть полезной филологам, специалистам в области испанистики, преподавателям испанского языка, студентам, изучающим испанский язык.

Ключевые слова: фразеологическая стилистика, функциональные стили речи, речевые жанры, устойчивое словосочетание, устойчивое выражение, фразеологическая единица, языковые формулы, лексическая единица

Для цитирования: Михеева Н.А. (2024). Стилистическая принадлежность устойчивых словосочетаний с компонентами *MAYOR*, *MENOR* в испанском языке. *Филологические науки в МГИМО*. 10(4), С. 37–56. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-4-41-37-56>

1. Введение

Стилистика и фразеология в настоящее время по-прежнему остаются активно исследуемыми направлениями лингвистики. Фразеологизмы представляют собой достаточно обширный, многообразный функциональный пласт любого языка. Они появляются в результате осмысления действительности и представляют собой продукт деятельности языкового сознания [12, с. 138]. Фразеологические единицы (ФЕ) обладают развитой системой значений и средств выражения. Они также являются достаточно употребительной частью лексического состава любого языка. Фразеологический фонд языка является его национально-культурным кодом [2, с. 392]: он отражает картину мира каждого народа. Через ФЕ наиболее ярко проявляется национально-культурная специфика языка. Во фразеологическом составе каждого языка присутствуют различные слова, словосочетания, структуры, по которым можно проследить пути и стадии развития языка, направление его функционирования [17, с. 78]. Огромный интерес исследователей к фразеологическим средствам объясняется активным использованием фразеологизмов носителями языка, а также тем, что они являются сильнейшим средством языкового воздействия.

Фразеология напрямую связана со стилистикой, поскольку стилистика в числе различных языковых средств также исследует лексические единицы, употребляющиеся в переносном смысле и приобретающие эмоционально-экспрессивные оттенки. Стилистика также формирует стратегию построения текста, частью которого являются ФЕ, поскольку лексические единицы в их конкретном значении реально существуют только в рамках высказывания [9, с. 138]. Фразеологические средства языка находят применение в различных функциональных стилях и несут различную стилистическую окраску. Это свойство ФЕ послужило тому, что на стыке этих двух направлений лингвистики появилось новое – фразеологическая стилистика, которая изучает стилистические возможности сложных по составу языковых единиц, имеющих устойчивый характер. При их исследовании необходимо учитывать стилистическую принадлежность фразеологизма и потенциальную возможность использования ФЕ в сфере коммуникации [11, с. 96].

Настоящая статья посвящена исследованию устойчивых словосочетаний, употребляющихся в разных стилях речи испанского языка, одним из компонентов которых является лексическая единица *mayor* или *menor*. Все исследуемые словосочетания зафиксированы в «Документированном фразеологическом словаре современного испанского языка»¹.

Целью работы является выявление и анализ устойчивых словосочетаний с упомянутыми компонентами, их классификация на основе различных критериев, определение специфики и сферы их употребления в функциональных стилях речи в испанском языке.

Материалом исследования послужили различные речевые жанры (законодательные документы, договоры, деловые бумаги, статьи, художественная литература, письма, бытовые беседы и др.), присущие тому или иному стилю речи в испанском языке.

Методика исследования в настоящей работе носит комплексный характер. В статье используются такие методы лингвистического исследования, как описательный, включающий сбор и классификацию устойчивых словосочетаний с компонентами *mayor* / *menor*, изучение их

¹ Seco M., Andrés O., Ramos G. Diccionario fraseológico documentado del español actual. 3-a edición. Madrid: Santillana Ediciones Generales, S.L., 2005. 1084p.

семантического значения, компонентный метод, позволяющий проанализировать некоторые элементы рассматриваемых устойчивых словосочетаний, выявить определённые аспекты их употребления. С помощью метода контекстуального анализа проводится исследование функционирования этих словосочетаний через анализ контекстов, в которых они встречаются, способствующее выявлению стилистических особенностей исследуемых лексических единиц, определению их стилистической принадлежности.

Исследование осуществляется в русле изучения языка в области стилистики и фразеологии, поскольку данные разделы лингвистики, несмотря на их основательную изученность, по-прежнему представляют огромный интерес для исследователей в сфере филологии в целом, и в испанистике в частности ввиду постоянного выявления различного круга проблем и ряда особенностей, связанных с национально-культурной спецификой испанского языка.

Результаты проведённого исследования могут быть использованы при изучении таких дисциплин, как межкультурная коммуникация, теория и практика перевода, фразеологическая стилистика, а также при изучении языка профессии, имеющего отношение к экономике, юриспруденции, журналистике, политике и другим областям человеческой деятельности.

2. Стилистические исследования в Испании и России

Предметом стилистики является стиль в самых разных его значениях, один из которых – функциональный стиль речи. Помимо самих стилей речи стилистика также занимается изучением особенностей языка художественной литературы².

Развитие испанской стилистики во многом предопределили научные исследования Ш. Балли, проводимые в этой области лингвистики. Учёный придавал огромное значение эмоционально-экспрессивному аспекту языка, его отражению в речи и влиянию, которое он оказывает на речь [3, с. 33].

В основе работ учёных, посвящённых исследованиям в области испанской стилистики, лежат труды немецких лингвистов Г. Шухардта, К. Фосслера и других филологов, отражавшие индивидуалистические и эстетические взгляды на исследования стилей языка.

С учётом этого подхода испанские филологи, занимающиеся исследованиями в области стилистики – А. Алонсо, Д. Алонсо, К. Боусоньо, Р. Менендес Пидаль, Х.М. Диес Борке, Ф. Ласаро Каррертер, Ф. Маркос, Э. Корреа, в изучении сферы индивидуальной стилистики сконцентрировались в основном на стилистическом анализе творчества испанских поэтов с литературоведческой точки зрения. Таким образом, до XX века все исследования в области стилистики ограничивались изучением литературных произведений, в связи с этим в лингвистике практически не существовало трудов, содержащих теоретические основы данной дисциплины. Только в 60–80 годах зарубежные испанисты обратили внимание на функциональный подход к языку.

Российские лингвисты в работах, посвящённых исследованиям испанской стилистики, исходят из того, что язык представляет собой социальное явление, порожаемое речевой деятельностью людей. Наиболее значимыми трудами в области испанской лингвостилистики являются работы Г.В. Степанова, С.И. Канонич, Л.Н. Степановой, Ю.В. Романова и др. В основе этих работ лежит функциональный подход при изучении языка и стиля.

В России стилистика в своём развитии изначально пошла по пути функционального направления. В XVIII веке М.В. Ломоносов разработал теорию «трёх штилей», которая помогла упорядочить русский язык. В литературной речи он выделял «высокий» стиль, к которому относились слова, употребляемые как в церковнославянской, так и в простонародной речи.

² Степанов Ю.С. Стилистика // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. [Электронный ресурс] – URL: <https://tapemark.narod.ru/les/492e.html> (дата доступа: 24.07.2024).

В «посредственном» стиле использовались малоупотребительные в повседневной жизни, но знакомые каждому грамотному человеку слова, а для «низкого» стиля было характерно наличие лексем, встречающихся только в народной речи.

В отечественной стилистике функциональный аспект исследования языка – это отдельное направление в лингвистике, представленное в работах таких филологов, как Л.В. Щерба, Л.П. Якубинский, Г.О. Винокур. Свои труды учёные посвятили анализу стилистически разнородных текстов и языковых особенностей разных коммуникативных сфер [13, с. 61].

Функционально-стилистические исследования основываются на принципе единства языка и речи. Функциональный стиль позволяет объединить такие понятия, как текст, имеющий звуковую, письменно-печатную, дисплейную, моно- или диалогическую и другие формы выражения [10 с. 22], и язык и рассматривать их единство с точки зрения содержания и структуры. Этот подход оказал влияние на развитие функциональной стилистики, а научный интерес сместился в область исследований языка и особенностей его использования в различных сферах человеческой деятельности. Функциональная стилистика отражает особенности речевой деятельности общества, языковой системы, присущей различным сферам его жизни [8, с. 18].

3. Функциональные стили речи

В современном языке функционируют разные стили речи, представляющие собой различные группы, выделенные в самом составе языка по определённому признаку, например, грамматические и синтаксические формы слова, обороты речи, употребляющиеся в зависимости от речевой ситуации. Функциональные стили языка выполняют важные задачи, являясь средством общения, сообщения определённой информации и воздействия на собеседника. *Функциональный стиль речи* представляет собой разновидность литературного языка, используемого в той или иной общественной сфере, связанной с определённым видом человеческой деятельности, которая имеет свои языковые и речевые особенности³. В современной стилистике выделяют научный, публицистический, официально-деловой, художественный (считаются книжными – первично письменными и вторично устными) и разговорный стили речи.

4. Речевые жанры

Общая функция стиля реализуется в жанрах, которые служат для выполнения внутренней задачи, установки данного стиля. Впервые речевые жанры описал и осмыслил русский философ, культуролог, исследователь языка М.М. Бахтин в своем труде «Проблема речевых жанров», в котором он определил *речевой жанр* как устойчивый тип высказывания, вырабатываемого и используемого в каждой сфере языка [4, с. 42].

Функциональные стили представляют собой жанровые стили, присущие конкретным областям человеческой деятельности, для которых характерны особые жанры, отвечающие специфике определённой сферы общения [5, с. 254]. Эти жанры соотносятся с функциональными стилями речи, они обладают особой структурой и специфическим употреблением языковых средств.

Книжные стили обновляются и обогащаются благодаря элементам живой разговорной речи. В разговорной речи используются элементы книжных стилей. Постоянное взаимодействие стилей определяет развитие литературного языка. ФЕ, как и другие лексические единицы, могут принадлежать разным стилям речи и переходить из одного стиля в другой.

Каждый функциональный стиль речи имеет свои жанровые особенности. Официально-деловой стиль применяется в различных документах, используемых в законодательной сфере, в области (меж)государственной политики, в документообороте административного

³ Мурот В.П. Функциональный стиль // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. [Электронный ресурс] – URL: <https://tapemark.narod.ru/les/567a.html> (дата доступа: 24.07.2024).

управления и деловых отношений, для которых характерно наличие огромного количества различных договоров, законов, постановлений, инструкций, нот, заявлений и др. Перечисленные документы оформляются в соответствии с нормативными требованиями, а потому имеют стандартизированный, шаблонный характер. В связи с этим в официально-деловом стиле функционируют многочисленные устойчивые формулы и обороты делового языка, канцеляризмы, штампы и клише.

В сфере правоотношений используются такие документы, как кодексы, конституции, законы, положения, уставы, указы, которым присущи краткие и чёткие формулировки во избежание неоднозначной трактовки понятий.

В дипломатической документации, связанной с международными отношениями, правом, политикой, циркулируют конвенции, соглашения, международные договоры, ноты, декларации, заявления, меморандумы и коммюнике. Дипломатические документы являются официальными документами государства, в связи с чем язык и стиль их текстов должны соответствовать предъявляемым к ним требованиям [7, с. 17]. Для этой сферы языка также характерно употребление штампов, канцеляризмов, дипломатической терминологии и фразеологии.

Административно-ведомственные отношения характеризуются оборотом многочисленных уставов, положений, правил, инструкций, приказов, постановлений, распоряжений, договоров, разнообразных актов.

В коммерческих отношениях часто используются документы, содержащие экономическую, бухгалтерскую, торговую лексику, номенклатурные обозначения различных предприятий, учреждений, присутствует терминология, связанная с оформлением деловых бумаг, канцелярские устойчивые обороты речи. Основные жанры делового общения – коммерческая корреспонденция, сопроводительные, гарантийные письма, рекламации, уведомления, банковские документы, договоры.

Публицистический стиль – это стиль прессы, он также используется в общественно-политической сфере и в ораторских выступлениях с целью прямого воздействия на общественное мнение через средства массовой информации. Газета продолжает оставаться одним из главных средств массовой информации и основным способом передачи и распространения информации. Она отражает действительность, в которой живёт современное общество и освещает проблемы, с которыми оно сталкивается. Средства массовой информации представляют собой «четвёртую власть», поскольку формируют общественное мнение, интерпретируя распространяемую ими информацию, моральные и материальные ценности, оказывают влияние на политику, экономику, культуру и другие сферы человеческой жизни [23, с. 71]. В публицистическом стиле часто используется общественно-политическая, научная лексика, лексические и фразеологические единицы, характерные для официально-делового стиля, экспрессивно-оценочной лексика. К жанрам публицистического стиля относят заметки, репортажи, интервью, беседы, статьи, письма, рецензии, обзоры, обзоры, эссе, очерки.

Научный стиль используется в науке, технике, на производстве в письменной и устной формах речи. Для него характерно наличие огромного количества терминов, служащих для описания научных, технических и других специализированных понятий и объектов. Научный стиль существует в таких жанрах, как научная статья, диссертация, монография, дипломная и курсовая работы, реферат, научный доклад, аннотация, учебники, учебные пособия, инструкции, правила техники безопасности и научно-популярная литература.

Стиль художественной литературы характеризуется сочетанием любых речевых средств, используемых в других стилях речи, включая разговорный, обусловленных индивидуальным стилем писателя, художественным замыслом его произведения [6, с. 169]. Стиль художественной литературы реализуется в письменных жанрах речи – романах, повестях, рассказах, поэмах и т.д. Все языковые средства данного стиля подчиняются принципу образного отображения действительности.

Разговорный стиль существует в устной форме (диалог, полилог, монолог), поскольку основная его функция – коммуникативная. Для данного стиля характерны спонтанность, автоматизм, отсутствие предварительного отбора языковых средств. В разговорном стиле употребляется нейтральная лексика из обиходной речи, разговорная и оценочная, эмоционально-экспрессивная лексика.

Стоит отметить, что в современных условиях, характеризующихся динамичными политическими, социальными, экономическими переменами в мире, распространением информационных технологий и Интернета, значительно изменилась сама форма общения. Оно стало неотъемлемой частью виртуального пространства, в результате чего начался процесс формирования устно-письменной формы общения [19, с. 67].

5. Устойчивые словосочетания с компонентами *mayor* и *menor* в испанском языке

Фразеология ещё в начале XX века стала самостоятельной лингвистической дисциплиной, изучающей фразеологизмы или ФЕ лексической системы языка [15, с. 64], но их определение и классификация до сих пор вызывает многочисленные трудности и споры. Языковые средства охватывают множество различных ФЕ, среди которых огромную роль играют устойчивые словосочетания, представляющие собой устойчивые группы слов, выполняющие определённую грамматическую функцию и имеющие устойчивое значение⁴. В устойчивых словосочетаниях связь между их отдельными компонентами заранее предопределена, поэтому они, как правило, воспроизводятся в речи целиком [20, с. 218].

В испанском языке функционирует ряд устойчивых словосочетаний, одним из компонентов которых является лексическая единица *mayor* или *menor*. Эти словосочетания имеют свои семантические особенности и активно используются в различных функциональных стилях речи в испанском языке.

Адвербиальное устойчивое клишированное выражение *a la mayor brevedad (posible)*, означающее «в кратчайшие сроки», «как можно скорее», укоренилось в испанском языке в XVI–XVII вв. и используется, как правило, в официально-деловом стиле речи в области права – в законодательных документах, в международных отношениях – в договорах, соглашениях, в сфере административно-ведомственных отношений – в инструкциях, указаниях. В экономических и деловых отношениях это выражение встречается в контрактах, таможенных декларациях, деловой корреспонденции: Los Gobiernos de Chile y de Nicaragua darán aviso *a la mayor brevedad posible* a los representantes diplomáticos de Chile y de Nicaragua acreditados en los respectivos países, cada vez que uno de dichos Gobiernos tenga conocimiento de la aparición de una película denigrante, y ambos Gobiernos procederán inmediatamente a tomar las medidas que correspondan de acuerdo con el presente Convenio⁵. (Правительства Чили и Никарагуа должны в *кратчайшие сроки* уведомлять дипломатических представителей Чили и Никарагуа, аккредитованных в соответствующих странах, всякий раз, когда одному из этих правительств становится известно о появлении оскорбительного фильма, и оба правительства должны немедленно приступить к принятию надлежащих мер в соответствии с настоящим соглашением⁶).

Устойчивое словосочетание *a la mayor brevedad (posible)* также можно встретить в языке прессы. Оно придаёт выступлению строгий официальный характер: Durante su intervención Matute ... también ha reiterado que es necesario que el Ejecutivo central “actúe cuanto antes” y ponga en marcha *a la mayor brevedad* una Estrategia Nacional de Recursos Humanos⁷. (Во время своего выступления

⁴ Seco M. et al. Op. cit. – p. XII.

⁵ Convenio sobre Películas Denigrantes entre Chile y Nicaragua, <https://sajurin.enriquebolanos.org/docs/1938%20Convenio%20sobre%20Pel%C3%ADculas%20Denigrantes.pdf> (дата доступа: 24.07.2024).

⁶ Здесь и далее перевод цитат автора – М.Н.

⁷ La Comunidad de Madrid, reconocida en los Premios ABC Salud por un proyecto del equipo de Enfermería del Hospital público La Paz. Comunidad de Madrid, 23.11.2023, <https://www.comunidad.madrid/notas-prensa/2023/11/23/comunidad-madrid-reconocida-premios-abc-salud-proyecto-equipo-enfermeria-hospital-publico-paz#> (дата доступа: 24.07.2024).

Матуте ... также повторно заявила, что центральной исполнительной власти необходимо «начать действовать как можно раньше» и *как можно скорее* приступить к реализации Национальной стратегии в области людских ресурсов). И в произведениях художественной литературы: *Deje su nombre y su teléfono de contacto al oír la señal y yo le llamaré a la mayor brevedad*⁸. (Оставьте своё имя и контактный телефон, когда услышите сигнал, и я перезвоню вам *в кратчайшие сроки*).

Устойчивое выражение *a la mayor brevedad* ввиду своей шаблонности достаточно редко используется в разговорном стиле: *Sabes, este curso me ha resultado bastante satisfactorio en cuanto a la variedad de conocimientos y .. a la claridad de las explicaciones por parte de la plataforma y por parte del tutor Diego, que ha resuelto las dudas a la mayor brevedad posible*⁹. (Знаешь, этот курс показался мне вполне приемлемым с точки зрения разнообразия знаний и ... понятных объяснений на самой платформе и преподавателя Диего, который *максимально быстро* устранял все сомнения).

Как видно из примеров, стилистическая сфера употребления устойчивого словосочетания *a la mayor brevedad (posible)* достаточно широкая и разнообразная, она охватывает почти все функциональные стили испанского языка.

Фразеологическая единица *a (para) mayor abundamiento* «в дополнение, в полной мере, к тому же, при этом, более того», как правило, также используется в области права в юридических текстах для связывания аргументов, которые подкрепляют друг друга, она характерна также для сферы деловых и экономических отношений: *A mayor abundamiento, los ingresos asociados a aportes del Estado han crecido en términos reales sólo en un 7.0 por ciento en similar período*¹⁰. (Более того, доходы, связанные с государственными отчислениями, выросли в реальном выражении всего на 7,0 процента за аналогичный период).

Встречается она и в языке прессы: *A mayor abundamiento, Lliures defiende en sus principios estratégicos un referéndum pactado con el Estado...*¹¹. (К тому же Льюрес отстаивает в своих стратегических принципах согласованный с государством референдум...).

В художественном стиле речи данное словосочетание используется не часто: *Al Gutre, para mayor abundamiento, no falta quien le llama al Güetre, ni quien lo escriba el Huetre*¹². (Лагуну Гутре, к тому же, многие называют Гуэтре или пишут Уэтре).

Сочетаемость компонентов некоторых устойчивых словосочетаний иногда перестаёт быть связанной, и они могут более свободно заменяться на другие, предоставляя возможность для развития синонимии [1, с. 87].

У словосочетания *a mayor abundamiento* есть синонимичное выражение *a (para) mayor abundancia*, которое употребляется значительно реже в испанском языке – в основном в сфере экономики: *Para mayor abundancia, más de la mitad de las renegociaciones y el 83% de los montos otorgados fueron resultado de una negociación bilateral entre el Ministerio y los concesionarios*¹³. (В дополнение, следует отметить, что более половины повторных переговоров и 83% выданных сумм стали результатом двусторонних переговоров между министерством и концессионерами).

Оно также иногда используется в публицистическом стиле: *Además, a mayor abundancia, adujo don Julio César una nueva razón municipal de mucho peso*¹⁴. (Кроме того, в дополнение, дон Хулио Сезар выдвинул новую, очень вескую причину, имеющую отношение к вопросам муниципальной деятельности).

⁸ Seco M. et al. Op. cit. p. 205.

⁹ MappingGIS. Opiniones de nuestros alumnos, <https://mappinggis.com/opiniones/> (дата доступа: 24.07.2024).

¹⁰ La Situación Presupuestaria Interna. Universidad de Chile, <https://uchile.cl/presentacion/rectoria/luis-riveros-cornejo/publicaciones/34-la-situacion-presupuestaria-interna> (дата доступа: 25.07.2024).

¹¹ Nace Lliures, el partido liberal catalanista para el “postproceso”. La vanguardia, 07.04.2017, <https://www.lavanguardia.com/politica/20170406/421503463937/liures-postproceso-catalanismo.html> (дата доступа: 25.07.2024).

¹² Seco M. et al. Op. cit. p. 109.

¹³ Balance y proyecciones de la experiencia en infraestructura de los fondos de pensiones en Latinoamérica. BBVA, https://www.bbvaresearch.com/wp-content/uploads/mult/Balance_y_proyecciones_de_la_experiencia_en_infraestructura_de_los_fondos_de_pensiones_en_Latinoamerica_tcm346-221384.pdf (дата доступа: 25.07.2024).

¹⁴ Seco M. et al. Op. cit. p. 109.

Все вышеупомянутые устойчивые словосочетания носят шаблонный, клишированный характер и служат для оформления текстов, в большей степени характерных для официально-делового стиля.

Устойчивое выражение *para mayor (más) inri* «в довершение всего, что ещё хуже, в довершок; для большего издевательства, издёвки, насмешки». Согласно «Академическому словарю испанского языка» слово *inri* является акронимом выражения *Iesus Nazarenus Rex Iudaeorum* (I.N.R.I.)¹⁵ – *Иисус из Назарета Царь Иудейский*. Согласно Евангелию от Иоанна надпись оставил на кресте Понтий Пилат. Считается, что надпись имела оттенок иронии, насмешки и была выполнена на трёх языках: латыни, греческом и еврейском. До настоящего времени сохранилась только надпись на латыни.

Согласно Новой грамматике испанского языка адвербиальные выражения *para más inri* и *para mayor inri* лексикализировались в Испании и стали употребляться в разговорной речи¹⁶. Как известно, процесс лексикализации устойчивых словосочетаний обогащает язык, пополняя его словарный состав дополнительными языковыми средствами [22, с. 99]. Впоследствии слово *inri* стало именем нарицательным, которое является частью устойчивых выражений, и для его написания не требуется использование заглавных букв или какого-либо выделения.

Это словосочетание встречается в публицистическом стиле в экономической сфере и религиозных контекстах: *Corría el año 1054. La distancia, sin duda, contribuyó a separarlos: papas de la iglesia católica de Occidente gobernada desde Roma y patriarcas de la iglesia católica de Oriente, primero en Constantinopla y luego desde Moscú. Para mayor inri, los primeros oficiaban entonces en latín y los segundos, en griego*¹⁷. (Шёл 1054 год. Расстояние, несомненно, способствовало их разделению: папы Западной католической церкви, управляемой из Рима, и патриархи Восточной католической церкви, сначала в Константинополе, а затем из Москвы. *В довершение всего* первые тогда проводили богослужения на латыни, а вторые – на греческом).

Устойчивое выражение *para mayor (más) inri* используется и в художественной литературе: *Voy a ponerle los cuernos por el resto de mis días ... y empezaré contigo, para mayor inri, porque sé que te odia y que te envidia*¹⁸. (Я собираюсь наставлять ему рога до конца своих дней ... и начну с тебя, *чтобы поиздеваться*, потому что я знаю, что он ненавидит тебя и завидует тебе). Оно также употребляется в разговорной речи: *Yo es que enchufo la televisión: muertos tirados por todas partes, que siempre te los sacan a la hora de comer, para más inri*¹⁹. (Я включаю телевизор: повсюду валяются мёртвые тела, которые *для большего издевательства* тебе всегда показывают именно во время еды).

Схожее значение – «в довершение всего, к тому же; для большего издевательства, издёвки, насмешки» – имеет устойчивое выражение *para mayor (más) recochineo*, которое встречается в языке прессы: *Y para mayor recochineo, el presidente Sánchez invitó a los sindicatos a desayunar a La Moncloa. Es de imaginar que la factura del convite se la enviaron a Garamendi*²⁰. (В довершение всего, президент Санчес пригласил профсоюзы на завтрак во дворец Монклоа. Можно себе представить, что счёт за угощение был отправлен Гараменди). А также в художественной литературе: *Tengo la sala sembrada, y para mayor recochineo me he agenciado una de romanos. El fuego de estos cabrones, que eran todos unos pirómanos, revivirá en estas catacumbas*²¹. (В зале у меня полно народу, *и к тому же* я обзавёлся римским залом. Огонь этих ублюдков, которые все были поджигателями, возродится в этих катакомбах).

¹⁵ Diccionario de la Lengua Española / Real Academia Española. Vol. II. 22-a ed. Madrid: Espasa-Calpe, 2001. C. 1282.

¹⁶ Nueva gramática de la lengua española / Real Academia Española y Asociación de Academias de la Lengua Española, <https://www.rae.es/gram%C3%A1tica/sintaxis/ usos-particulares-de-las-preposiciones-ii-en-entre-hacia-hasta-para-por-sin-sobre-tras?resaltar=inri#29.8m> (дата доступа: 25.07.2024).

¹⁷ Tienda aparte. Vanguardia del pueblo, 10.05.2022, <https://vanguardiadelpueblo.do/2022/05/tienda-aparte/> (дата доступа: 25.07.2024).

¹⁸ Seco M. *et al.* Op. cit. p. 550.

¹⁹ Там же.

²⁰ CEOE, la pérvida patronal. La vanguardia, 21.11.2021, <https://www.lavanguardia.com/economia/20211121/7874932/ceoe-patronal-pensiones-cotizaciones.html> (дата доступа: 25.07.2024).

²¹ Seco M. *et al.* Op. cit. p. 870.

Согласно «Документированному фразеологическому словарю современного испанского языка» выражение *a mayores* «главным образом, преимущественно, в основном, к тому же» является регионализмом, распространено в северных регионах Испании²². Используется главным образом в разговорной речи и в художественной литературе. Это словосочетание также является частью устойчивого глагольного выражения *ir/pasar/llegar a mayores*, которое означает «дойти до той степени или стадии, когда могут возникнуть серьёзные или тяжёлые последствия»: *Parece que esta situación podría pasar a mayores*. (Похоже, эта ситуация может перерасти в более серьёзную). *La pelea no llegó a mayores*²³. (Ссора не переросла в драку).

Выражение *llegar (pasar) a mayores* также может иметь значение «иметь интимные отношения», употребляется в художественной литературе: ... tú estás estupenda y te gustan, como es lógico y natural, los hombres, y Luisito ya lo es. Antes de que prosiga ...¿Habéis llegado a mayores?²⁴ (Ты прекрасно выглядишь, и тебе нравятся, что логично и естественно, мужчины, и Луисито уже тоже мужчина. Прежде чем я продолжу ...У вас уже были интимные отношения?).

Устойчивые словосочетания *para mayor (más) inri*, *para mayor (más) recochineo*, (*ir/pasar/llegar a mayores*) являются более характерными для публицистического стиля, стиля художественной литературы, а также разговорного, поскольку представляют собой разговорные выражения и служат для оформления речи скорее в менее официальной или неформальной обстановке, они не свойственны официально-деловым документам.

Устойчивое выражение *negar la mayor* означает «отвергать большую посылку рассуждения или противоречить самому рассуждению». В логике посылки силлогизма делятся на большую и малую. Если отвергается большая посылка рассуждения, то вся аргументация ошибочна. Словосочетание *negar la mayor* употребляется в языке прессы в правовой, в политической сферах: Villarejo ya era conocido desde hacía tiempo por grabar a todo aquel con el que se reunía. Sin embargo, durante su turno de declaración como acusado en la vista celebrada este lunes en la Audiencia Nacional ha negado la mayor²⁵. El argumento es que todas las grabaciones que tenía guardadas eran del Centro Nacional de Inteligencia (CNI). (Вильярехо уже давно был известен тем, что записывал на плёнку разговоры со всеми, с кем встречался. Тем не менее, давая показания в качестве обвиняемого на слушаниях, состоявшихся в понедельник в Национальном суде, он отказался от главного аргумента. Аргумент состоит в том, что все записи, которые у него хранились, принадлежали Национальному разведывательному центру (CNI)).

Вышеупомянутое словосочетание встречается и в художественном стиле речи: Al día siguiente hablé con el comandante, quien pretendía *negar la mayor*. Cuando le dijeron que tenían las huellas y que correspondían a un chico determinado, pretendió encubrirlo²⁶. (На следующий день я поговорил с майором полиции, который стал отрицать главный аргумент. Когда ему сказали, что у них есть отпечатки пальцев, принадлежащие определённому парню, он попытался скрыть это).

Словосочетание *de marca mayor* имеет значение «непревзойдённый, в высшей степени», когда кто-то или что-то обладает в высшей степени выраженным или подразумеваемым положительным или отрицательным качеством, и придаёт эмоционально-оценочную окраску высказыванию. Оно пришло из древнего испанского языка и используется в некоторых частях Испании: Este jamón es *de marca mayor*²⁷. (Эта ветчина высшего качества). Manolo es un zángano *de marca mayor*, no se mueve ni así le piquen. (Маноло – ещё тот лодырь, с места не двинется, даже если его ужалят).

²² A mayores. Fundeu RAE, <https://www.fundeu.es/consulta/a-mayores-17124/#:~:text=Por%20otro%20lado%2C%20esta%20combinaci%C3%B3n,traer%20consecuencias%20graves%20o%20importantes> (дата доступа: 25.07.2024).

²³ Dial Texts. Español Avanzado, <https://www.espanolavanzado.com/39-tooltips-significados/884-palabras-mayores> (дата доступа: 25.07.2024).

²⁴ Seco M. et al. Op. cit. p. 634.

²⁵ Villarejo niega la mayor: "Todo es mentira". La vanguardia, 10.01.2022, <https://www.lavanguardia.com/politica/20220110/7978144/villarejo-niega-mayor-mentira.html> (дата доступа: 25.07.2024).

²⁶ Seco M. et al. Op. cit. p. 634.

²⁷ De marca mayor, Diccionario Dialectal Peralêo, <https://raicesdeperalea.com/diccionario/marca/p-7940> (дата доступа: 26.07.2024).

Представляет интерес происхождение этого словосочетания. В старых описях большими книгами “*libros de marca mayor*” назывались книги, состоящие из так называемого «большого листа», высотой более 40 сантиметров. Малые книги “*libros de marca menor*” имели небольшой формат листа. Отсюда появилось значение “*de marca mayor*” «выделяться своим объёмом или любым другим качеством». В XVI веке это выражение начало использоваться метафорически за пределами книжной сферы. Наибольшее распространение оно получило в XIX веке: *sinvergüenza de marca mayor* (наглец каких мало), *embustero de marca mayor*²⁸ (первоклассный обманщик). Это выражение можно встретить в языке прессы в разделах, посвящённых политике: *Ante lo sostenido por la diputada Amarilla solo pueden rasgarse las vestiduras unos fariseos de marca mayor*²⁹. (После заявления депутата Амарильи разодрать на себе ризы могут только несколько *отъявленных* фарисеев). А также в художественной литературе, в разговорной речи: *Hay un torero, el “Migas”, que no vale nada... Los toros son de marca mayor*³⁰. (Есть один тореро, “Мигас”, который ничего не стоит... Быки – *самые лучшие*).

Устойчивое словосочетание *fuerza mayor* «форс-мажор, непреодолимая сила, обстоятельство, которое невозможно предвидеть или избежать, освобождающее от исполнения обязательства». Встречается, как правило, в юридической сфере, в договорах, в законах, представляет собой термин, используемый в юридической практике: Artículo 1.193. – *Toda persona es responsable del daño causado por las cosas que tiene bajo su guarda, a menos que pruebe que el daño ha sido ocasionado por falta de la víctima, por el hecho de un tercero, o por caso fortuito o fuerza mayor*³¹. (Статья 1.193. – Любое лицо несёт ответственность за ущерб, причинённый вещами, находящимися у него на хранении, если только оно не докажет, что ущерб был причинён по вине потерпевшего, действиями третьего лица, в результате *форс-мажорных обстоятельств*).

Это словосочетание чаще употребляется в конструкции *causa (caso) de fuerza mayor* «крайняя необходимость, чрезвычайное обстоятельство, обстоятельство непреодолимой силы, форс-мажорный случай»: La Comisión de Trabajo y Previsión Social de la Cámara de Diputados aprobó una reforma a la Ley Federal del Trabajo, a fin de que las personas dispongan de permisos de hasta tres días laborables con goce de sueldo, para atender *causas personales de fuerza mayor*³². (Комиссия Палаты депутатов по труду и социальному обеспечению одобрила поправку к Федеральному закону о труде, предусматривающую предоставление лицам оплачиваемого отпуска на срок до трёх рабочих дней для рассмотрения непредвиденных обстоятельств, касающихся лично их.)

Для официально-делового стиля характерно использование языковых формул, которые представляют собой устойчивые (стандартизированные, шаблонные) языковые обороты, встречающиеся в регулярно повторяющихся ситуациях делового общения. Вариативное устойчивое выражение *con el mayor de los respetos* или *con el mayor respeto* «при всём уважении, с глубочайшим уважением» представляет собой языковую формулу, выражающую реакцию говорящего на неприятное спорное или противоречивое для слушателя, оппонента высказывание. Иногда ему предшествует словосочетание *dicho sea*. Эта формула характерна как для публицистического стиля: *El desconocimiento del Derecho canónico en España – dicho sea con el mayor respeto hacia nuestra honorable clase jurídica – es bastante generalizado*³³. (Незнание канонического

²⁸ Там же.

²⁹ Diputados, fariseos de marca mayor - Editorial - ABC Color. Moopio, 09.10.2020, <https://www.moopio.com/diputados-fariseos-de-marca-mayor-editorial-abc-color.html> (дата доступа: 26.07.2024).

³⁰ Seco M. *et al.* Op. cit. p. 625.

³¹ Código Civil de Venezuela. Sección V De los Hechos Ilícitos, https://www.oas.org/dil/esp/codigo_civil_venezuela.pdf (дата доступа: 26.07.2024).

³² Coahuila: aprueban hasta 3 días de licencia con goce de sueldo para atender ‘causas de fuerza mayor’. Vanguardia, 08.01.2024, <https://vanguardia.com.mx/coahuila/coahuila-aprueban-hasta-3-dias-de-licencia-con-goce-de-sueldo-para-atender-causas-de-fuerza-mayor-IP10683913> (дата доступа: 26.07.2024).

³³ Otaduy J. Relación jurídica de los profesores de religión en España. La dimensión canónica, p.446, <https://revistas.unav.edu/index.php/ius-canonicum/article/view/14613/15163> (дата доступа: 26.07.2024).

права в Испании – *при всём уважении* к нашему почтенному юридическому сообществу – довольно распространённое явление), так и для разговорного стиля речи: Si es así, se equivocó, dicho sea con *el mayor de los respetos*³⁴. (Если это так, то он ошибся, говоря при всём к нему уважении).

Словосочетание *palabras mayores* изначально относилось к лексике, обозначающей ругательства, оскорбления, богохульство, грубость, клевету, которая считалась неприличной, нетактичной, неуместной и даже входила в разряд ненормативной. Её использование могло считаться преступлением или грехом, за который совершивших его нарушителей надлежало штрафовать и наказывать³⁵. В настоящее время ФЕ *palabras mayores* обычно используется для обозначения того, что имеет гораздо большее значение, вкус или ценность, чем обычно или чем ожидалось. Оно встречается в публицистике в разделах, посвящённых спорту, еде, музыке: *Son palabras mayores, pero creo que puede ser un jugador del primer equipo aquí durante muchos años*³⁶. (Это слишком серьёзные слова, но я думаю, что он может быть игроком первого состава здесь в течение многих лет).

Устойчивое словосочетание *plana mayor* «штаб» обозначает группу людей, обладающих властью или авторитетом, оно связано с правовой, военной, политической сферой, которые находят отражение в официально-деловом стиле речи: Autorízase la salida del país de *la Plana Mayor* y tripulación del Buque ROU 26 “Vanguardia”, compuesta de 78 (setenta y ocho) efectivos, a efectos de realizar la Campaña Antártica “Operación ANTARKOS XXXVI”, desde el 2 de enero al 28 de febrero 2020, realizando escala en los puertos de Ushuaia en la República Argentina y de Punta Arenas en la República de Chile³⁷. (Разрешить выезд из страны *Командованию* и экипажу судна ROU 26 «Авангард» в составе 78 (семидесяти восьми) военнослужащих для участия в Антарктической кампании «Операция АНТАРКТОС XXXVI» со 2 января по 28 февраля 2020 года с заходом в порты Ушуайя в Аргентинской Республике и Пунта-Аренасе в Республике Чили). А также в языке прессы: Mientras Quim Torra anunciaba que iba a convocar elecciones anticipadas, *la plana mayor* del PNV se reunía en Barcelona con agentes sociales y políticos catalanes y también con los líderes presos del procés³⁸. (В то время, когда Ким Торра объявлял, что собирается назначить досрочные выборы, *руководство* БНП встречалось в Барселоне с каталонскими общественными деятелями и политиками, а также с заключёнными лидерами движения за независимость).

ФЕ *a la menor* «при малейшей возможности, при любом удобном случае, по любому поводу» встречается нечасто в разговорной речи и в художественной литературе: No quiero líos, me dijo, y hoy en día te buscas líos *a la menor*³⁹. (Я не хочу проблем, сказал он мне, а в настоящее время ты ищешь себе проблемы *по любому поводу*).

Разговорное выражение *no caber (haber) la menor* часто используется в предложениях *no (te) quera la menor (duda)* или *no me cabe la menor (duda)*, семантическое значение которых передаёт идею того, что то, о чём идёт речь, не вызывает сомнения, является бесспорным. Это выражение имеет экспрессивный оттенок и употребляется в публицистическом стиле в области права, политики, экономики: La sensación que tenemos es que 2009 va a ser peor que este año; *no cabe la menor duda*. Es muy posible que el primer semestre sea peor que el segundo... siempre que los precios del petróleo no nos den un gran disgusto y que la situación financiera empiece a recuperarse algo⁴⁰. (У нас

³⁴ Seco M. *et al.* Op. cit. p. 883.

³⁵ ¿De dónde proviene decir que algo es de ‘palabras mayores’? 20 minutos, 03.10.2020, <https://blogs.20minutos.es/yaestaellistoquetodolosabe/de-donde-proviene-decir-que-algo-es-de-palabras-mayores/> (дата доступа: 26.07.2024).

³⁶ Barcelona se disculpa por post de directivo que llamó «payaso» a Vinicius, ESPN Venezuela – Lo Último del Mundo Deportivo, 25.10.2023, https://www.espn.com.ve/futbol/espana/nota/_id/12775668/barcelona-disculpa-post-directivo-payaso-vinicius (дата доступа: 26.07.2024).

³⁷ Normativa y Avisos Legales del Uruguay. Ley N° 19840. Centro de Información Oficial, <https://www.impco.com.uy/bases/leyes/19840-2019/1> (дата доступа: 26.07.2024).

³⁸ La plana mayor del PNV visita a los líderes presos en plena crisis catalana. La vanguardia, 31.01.2020, <https://www.lavanguardia.com/politica/20200131/473223702876/plana-mayor-pnv-visita-presos-lledoners-aitor-esteban-artur-mas-sanchez-llibre.html> (дата доступа: 26.07.2024).

³⁹ Seco M. *et al.* Op. cit. p. 640.

⁴⁰ Solbes: «2009 va a ser peor, no cabe la menor duda». ABC, 12.10.2008, https://www.abc.es/economia/abci-solbes-2009-peor-no-cabe-menor-duda-200810120300-91540643430_noticia.html (дата доступа: 26.07.2024).

есть ощущение, что 2009 год будет хуже, чем этот год; *нет никаких сомнений*. Вполне возможно, что первое полугодие будет хуже, чем второе... при условии, что цены на нефть нас не сильно расстроят и финансовая ситуация начнёт несколько улучшаться). Использование этой ФЕ также характерно для художественной литературы: *Jesusa iba al despacho de Carlos a ver si le ligaba. De eso no cabe la menor*⁴¹. (Хесуса шла в кабинет Карлоса с намерением пофлиртовать с ним. В этом *нет ни малейшего сомнения*).

Словосочетание *tono menor* – понятие, относящееся к музыке, означает «минорный тон, лад» (грустный, меланхоличный), в конструкциях *en (de) tono menor* употребляется как «малозначительный, имеющий второстепенное значение», термин, используемый в музыке, также встречается и в художественной литературе и в публицистике: *Destinos que se enredan y desenredan, vidas que van y vienen formando un entramado donde las pasiones parecen vivirse en tono menor, donde sobran las grandes palabras*⁴². (Судьбы, которые запутываются и распутываются, жизни, которые приходят и уходят, образуя сеть, в которой страсти, кажется, переживаются *в минорном тоне*, где в избытке произносятся важные слова).

Era [la corrida de Beneficiencia] un acontecimiento en las vidas vulgares y metódicas. Algo semejante representaban las corridas de ferias provincianas, aunque *en un tono menor*⁴³. (Это было [благотворительная коррида] событием в обыденной и упорядоченной жизни. Нечто подобное представляли собой корриды во время проведения праздников в провинциях, хотя они были менее зрелищными).

Устойчивые словосочетания с компонентом *inconveniente* «неудобство, препятствие, проблема» *no hay el menor inconveniente* «нет ни малейшего беспокойства, неудобства», *no tener el menor inconveniente* «не иметь ничего против» представляют собой языковые формулы, используемые в речи для выражения согласия, одобрения или предложения (услуги, помощи), употребляются в основном в художественном и публицистическом стилях речи, в языке прессы: El ministro de Asuntos Exteriores, José Manuel García Margallo, ha asegurado este jueves que no tiene “*el menor inconveniente*” en que haya una comisión de investigación en el Congreso “que se dedique a dilucidar” las responsabilidades sobre el asunto de Bankia “en paralelo a la actividad judicial”⁴⁴. (Министр иностранных дел Хосе Мануэль Гарсия Маргальо заверил в четверг, что у него нет “*ни малейшего возражения*” по поводу создания в Конгрессе комиссии по расследованию, “которая займётся поиском” ответственных лиц по делу Bankia “одновременно с действиями судебных органов”).

Устойчивое словосочетание *en paños menores* (реже *en ropas menores*) «в нижнем белье» используется в разговорной речи, в языке прессы: Jenny García acusa a Shakira de sacarla de un camerino cuando estaba *en paños menores*⁴⁵. (Дженни Гарсия обвиняет Шакиру в том, что она вытаскивала её из гримёрки, когда она находилась там *в нижнем белье*).

Cuentos livianos y señoritas *en ropas menores* inquietan el ánimo del que ojea las revistas⁴⁶. (Лёгкие рассказы и юные леди *в нижнем белье* будоражат чувства того, кто просматривает журналы).

Отдельные компоненты устойчивых словосочетаний могут вступать в антонимические отношения вместе с другими составляющими их элементами [16, с. 18]. В испанском языке существуют устойчивые фразеологические выражения с компонентами *mayor*, *menor*, которые образуют антонимичные пары. Например, такие конструкции, как *al por mayor* «оптом, оптовый» и *al por menor* «в розницу, розничный» употребляются в сфере экономических отношений,

⁴¹ Seco M. et al. Op. cit. p. 641.

⁴² Cortázar J. Divertimento. Agencia Literaria Carmen Balcells, <https://www.agenciabalcells.com/autores/obra/julio-cortazar/divertimento/> (дата доступа: 26.07.2024).

⁴³ Seco M. et al. Op. cit. p. 981.

⁴⁴ Margallo: «No tengo el menor inconveniente en que haya una comisión de investigación en el Congreso». 20 minutos, 05.07.12, <https://www.20minutos.es/noticia/1530794/0/> (дата доступа: 27.07.2024).

⁴⁵ Jenny García acusa a Shakira de sacarla de un camerino cuando estaba en paños menores. El Universal, 25.09.2023, <https://www.eluniversal.com.mx/espectaculos/jenny-garcia-acusa-a-shakira-de-sacarla-de-un-camerino-cuando-estaba-en-panos-menores/> (дата доступа: 27.07.2024).

⁴⁶ Seco M. et al. Op. cit. p. 985.

во внешней и внутренней торговле: Si quieres comprar mercancía *al por mayor* y llenar rápidamente tu tienda, puedes comprar los productos en un distribuidor mayorista⁴⁷. (Если вы хотите покупать товары *оптом* и быстро пополнить свой магазин, вы можете приобрести товары у дистрибьютора).

Los ingresos de empresas comerciales *al por menor* crecieron 0.4% en febrero, con lo que se rompió una racha de tres meses de caídas mensuales consecutivas⁴⁸. (Доходы торговых предприятий, занимающихся *розничной* торговлей, в феврале выросли на 0,4%, прервав, таким образом, трёхмесячный период последовательных ежемесячных спадов).

Эти выражения также могут иметь значение «в (не)большом количестве» и использоваться в художественной литературе, в разговорной речи: Ángeles de los cielos, he perdido toda mi ropa interior, la tenía preparada mismamente aquí y *al por mayor*⁴⁹. (Ангелы небесные, я потеряла всё своё нижнее бельё, оно было приготовлено у меня и лежало вот здесь *в большом количестве*).

Lo que pudiera parecer casualidad no es más que Fatalidad *al por menor*⁵⁰. (То, что могло бы показаться случайностью, есть не что иное, как *маленькое (небольшое)* несчастье).

Лексическая единица *cuantía* переводится как «количество, сумма, размер, значение, значимость, важность». Устойчивые выражения с этим лексическим компонентом *de mayor cuantía* «имеющий важное значение» и *de menor cuantía* «менее значительный» часто используются в юридической сфере, например, в названии судов в Чили, занимающихся рассмотрением уголовных дел о тяжких преступлениях: Artículo 4°. – Créanse en el departamento de Santiago, nueve Juzgados de Letras *de Mayor Cuantía* en lo Criminal, que se denominarán desde el Décimo Octavo al Vigésimo Sexto Juzgado del Crimen de Mayor Cuantía⁵¹. (Статья 4. – Создать в департаменте Сантьяго девять судов по делам о *тяжких уголовных преступлениях*, которые с восемнадцатого по двадцать шестой будут называться судами по особо тяжким уголовным преступлениям).

Или в случаях, когда речь идёт о менее тяжких преступлениях: En caso de hurto se incluyen penas de cárcel para los delitos *de menor cuantía*, la pena será entre 32 y 48 meses de prisión cuando la cuantía sea inferior a 4 salarios mínimos mensuales⁵². (Кража относится к *менее тяжким* преступлениям, за которые предусматривается наказание в виде тюремного заключения сроком от 32 до 48 месяцев, если сумма не превышает размера четырёх минимальных ежемесячных заработных плат).

Эти лексические единицы также могут встречаться и в художественной литературе: Concebí este título, AÑOS DE MAYOR CUANTÍA, en cuanto caí en que iba a tratar de rescatar unos cuantos sucesos capitales que, sin estrépito ninguno, acabaron por configurar un carácter⁵³. (Я задумал это название *НАИБОЛЕЕ ЗНАЧИМЫЕ ГОДЫ*, как только понял, что собираюсь попытаться описать некоторые важные события, которые без каких-либо потрясений в конечном итоге сформировали характер).

Se trata de una intoxicación *de menor cuantía*⁵⁴. (Речь идёт о *лёгкой степени* отравления).

Устойчивые словосочетания *mayor de edad* «совершеннолетний» и *menor de edad* «несовершеннолетний» употребляются в юридической, политической, публицистической сфере, в разговорной речи: El testador debe ser *mayor de edad* para realizar este documento⁵⁵. (Для составления этого документа наследодатель должен *быть совершеннолетним*).

⁴⁷ Comercio electrónico al por mayor. EcommerceNews, <https://ecommercenews.eu/es/comercio-electronico-al-por-mayor/> (дата доступа: 27.07.2024).

⁴⁸ Ventas minoristas e ingresos por servicios repuntan en febrero. Forbes, 19.04.2024, <https://www.forbes.com.mx/ventas-minoristas-e-ingresos-por-servicios-repuntan-en-febrero/> (дата доступа: 27.07.2024).

⁴⁹ Seco M. *et al.* Op. cit. p. 633.

⁵⁰ Там же, с. 641

⁵¹ Decreto Ley 2416 Biblioteca del Congreso Nacional de Chile / Ley Chile, <https://www.bcn.cl/leychile/navegar?idNorma=6917> (дата доступа: 27.07.2024).

⁵² Habría cárcel para delitos de menor cuantía y con arma blanca. Caracol Radio, 17.11.21, https://caracol.com.co/programa/2021/11/18/la_luciernaga/1637193803_313595.html (дата доступа: 27.07.2024).

⁵³ Años de mayor cuantía: (memoria y fábula). Books, https://books.google.ru/books/about/A%C3%B1os_de_mayor_cuant%C3%ADa.html?id=L783tgEACAAJ&redir_esc=y (дата доступа: 27.07.2024).

⁵⁴ Seco M. *et al.* Op. cit. p. 337.

⁵⁵ El ABC para hacer un testamento en Colombia. Pérez Lara CIA Asesores de Seguros, <https://perezlara.com/como-hacer-un-testamento/> (дата доступа: 27.07.2024).

...toda vez que al no haber ya hijos *menores de edad*, el acuerdo entre los cónyuges, incluido el económico, no tiene que pasar por los tribunales...⁵⁶. (...ввиду отсутствия у супругов на данный момент несовершеннолетних детей, соглашение между ними, в том числе материальное, не подлежит обязательному рассмотрению в суде...).

В переносном смысле эти выражения могут также обозначать лицо или предмет, (не)достигшие зрелости и могут встретиться в художественной литературе: El toque para saber si el poeta es *mayor de edad* o no, es su prosa⁵⁷. (Ключом к пониманию того, достиг поэт *зрелости* или нет, является его проза).

Suele decirse que el español es “*menor de edad*” políticamente⁵⁸. (Обычно говорят, что испанец является «политически незрелым»).

Выражения (*hacer*) *aguas mayores* «испражняться», (*hacer*) *aguas menores* «мочиться» сегодня употребляются крайне редко, их можно встретить в художественной литературе: ... los profesores a duras penas se las arreglaban para contener a toda aquella chiquillería desbocada que pretendía lanzarse a trotar los montes, como ardillas y conejos escapados de la jaula. Los acuciados por *las aguas menores* se arrimaban a las cunetas y algunos presionados por *las aguas mayores* se perdían en los bosquecillos...⁵⁹. (...учителям с трудом удавалось сдерживать всю эту необузданную ватагу ребятишек, которые так и порывались пуститься рысью по горам, словно белки и кролики, сбжавшие из клетки. Те же, кому, бывало, приспичит сходить *по малой нужде*, находили какую-нибудь канаву, а некоторые, испытывавшие *большую нужду*, устраивались в зарослях...).

В испанском языке также функционируют устойчивые выражения, в состав которых входят оба компонента *mayor* и *menor*: это *de mayor a menor* «от большего к меньшему» и *de menor a mayor* «от меньшего к большему». Они употребляются чаще в сфере экономических, торговых отношений: Precio *de menor a mayor* ordena los productos principalmente en función del precio. El producto con un precio más bajo se sitúa en la parte superior y el que tiene un precio más alto en la parte inferior⁶⁰. (Товары сортируются главным образом в зависимости от цены, *от низкой к высокой*. Продукт с более низкой ценой находится вверху, а продукт с более высокой ценой – внизу).

Устойчивое выражение *en mayor o menor grado* «в большей или меньшей степени, с большей или меньшей интенсивностью» может употребляться в публицистическом и научном стилях, например, в области экономики и медицины: El riesgo sistemático ... o riesgo de mercado, es el riesgo inherente al propio mercado por la incertidumbre de este y que afecta *en mayor o menor grado* a todos los activos existentes en la economía⁶¹. (Систематический риск ... или рыночный риск – это риск, присущий самому рынку в связи с его неопределённостью и который влияет *в большей или меньшей степени* на всё существующие активы в экономике).

Se estima que el 80% de la población mundial (95-100% de los indios americanos, 80-90% de negros, asiáticos, judíos y mediterráneos) sufren intolerancia a la lactosa *en mayor o menor grado*⁶². (По оценкам, 80% населения мира (95–100% американских индейцев, 80–90% чернокожих, азиатов, евреев и жителей Средиземноморья) *в большей или меньшей степени* страдают непереносимостью лактозы).

⁵⁶ Irene Urdangarin ya es mayor de edad. La vanguardia, 05.06.2023, <https://www.lavanguardia.com/magazine/protagonistas/20230605/9018400/irene-urdangarin-mayor-edad.html> (дата доступа: 27.07.2024).

⁵⁷ Seco M. *et al.* Op. cit. p. 414.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Reverte J. La aventura de viajar. La aventura. Justo una idea. La Línea del Horizonte Ediciones, 2016, https://www.google.ru/books/edition/La_aventura/hgCMDwAAQBAJ?hl=ru&gbpv=1 (дата доступа: 27.07.2024).

⁶⁰ Busca y encuentra productos en la tienda de Amazon. Amazon, <https://www.amazon.es/gp/help/customer/display.html?nodeId=GSUNWNFT2ALMPR3L> (дата доступа: 27.07.2024).

⁶¹ Riesgo sistemático. Estrategias de inversión, <https://www.estrategiasdeinversion.com/herramientas/diccionario/mercados/riesgo-sistemático-t-430> (дата доступа: 27.07.2024).

⁶² Intolerancia a la lactosa. Revista Española de Enfermedades Digestivas, vol.98 no.2 Madrid feb. 2006, https://scielo.isciii.es/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S1130-01082006000200009 (дата доступа: 27.07.2024).

Примеры подтверждают, что использование устойчивых словосочетаний *fuerza mayor*, *causa (caso) de fuerza mayor*, *plana mayor*, *al por mayor*, *al por menor*, *de mayor cuantía*, *de menor cuantía*, *mayor de edad*, *menor de edad*, *de mayor a menor* в большей степени характерно для официально-делового стиля, в то время как выражения *de marca mayor*, *palabras mayores*, *negar la mayor*, *no hay el menor inconveniente*, *en paños menores*, *en mayor o menor grado*, а также языковая формула *con el mayor de los respetos (con el mayor respeto)* и выражение *no haber (haber) la menor* более свойственны публицистическому стилю. Устойчивые словосочетания *a la menor*, *tono menor*, *(hacer) aguas mayores*, *(hacer) aguas menores* чаще встречаются в художественной литературе.

Исследуемые словосочетания являются отражением физического и культурного опыта людей [14, с. 263] и передают особенности менталитета испаноязычных народов. Одни характеризуются положительной или отрицательной коннотацией, другие являются оценочно нейтральными [18, с. 224].

6. Выводы

Результаты исследования показывают, что в устойчивых словосочетаниях с компонентами *mayor* и *menor* часто фигурируют лексические единицы, большинство из которых обозначает абстрактные имена существительные, такие, как *a la mayor brevedad* (краткость, непродолжительность) *posible*, *a mayor abundamiento* (избыток), *a mayor abundancia* (изобилие), *para mayor recochineo* (сарказм, издёвка), *fuerza* (сила) *mayor*, *causa* (причина, дело) *(caso (дело, случай)) de fuerza mayor*, *con el mayor respeto* (уважение), *palabras* (слова) *mayores*, *no haber la menor duda* (сомнение), *tono* (манера, тон) *menor*, *no hay el menor inconveniente* (неудобство, помеха), *de mayor (menor) cuantía* (размер, величина), *mayor (menor) de edad* (возраст), *en mayor (menor) grado* (степень). Однако среди них также встречаются словосочетания, в состав которых входят конкретные имена существительные, а именно: *de marca* (марка, знак) *mayor*, *plana* (равнина, полоса) *mayor*, *en paños* (сукно, ткань) *(ropas (одежда)) menores*, *aguas* (воды) *mayores (menores)*.

При употреблении устойчивых словосочетаний *a la mayor brevedad (posible)*, *a (para) mayor abundamiento*, *a (para) mayor abundancia*, *para mayor (más) inri*, *(ir/pasar/llegar) a mayores*, *de marca (mayor)*, *causa (caso) de fuerza mayor*, *(dicho sea) con el mayor de los respetos /con el mayor respeto*, *no haber (haber) la menor (duda)*, *no hay (no tener) el menor inconveniente*, *en paños (ropas) menores*, *(hacer) aguas mayores (menores)* тот или иной компонент в их составе может заменяться на другой или опускаться, поскольку лексическая сочетаемость слов внутри ФЕ не является абсолютно фиксированной.

Устойчивые словосочетания *a mayores*, *a la menor*, *al por mayor (menor)*, *de mayor a menor*, *de menor a mayor* включают в себя лексические единицы *mayor* или/и *menor*. В устойчивых словосочетаниях *de mayor a menor*, *de menor a mayor*, *en mayor o menor grado* присутствуют оба компонента *mayor* и *menor*.

Словосочетания *fuerza mayor*, *plana mayor*, *tono menor*, *al por mayor (menor)*, *de cuantía mayor (menor)*, *mayor (menor) de edad* представляют собой термины и понятия, обозначающие определённые явления действительности и не имеющие никаких дополнительных коннотаций. Они чаще встречаются в жанрах, характерных для официально-делового (юриспруденция, экономика, дипломатия, административно-ведомственные отношения) и публицистического (пресса, очерки, эссе, статьи) стилей, а также в художественной литературе. Устойчивые словосочетания *al por mayor – al por menor*, *de mayor cuantía – de menor cuantía*, *mayor de edad – menor de edad* образуют антонимичные пары, обозначающие противоположные понятия.

Устойчивое словосочетание *a la mayor brevedad (posible)* служит для описания характера выполнения того или иного действия, с точки зрения оценочной коннотации является нейтральным. Это выражение – одно из самых универсальных, поскольку используется практически во всех функциональных стилях речи, хотя в силу своей шаблонности более характерно для официально-делового стиля.

Словосочетания *a (para) mayor abundamiento*, *a (para) mayor abundancia*, *para mayor (más) inri*, *para mayor recochineo* являются синонимичными наречными выражениями, но часто используются в речевых жанрах, характерных для разных функциональных стилей. Например, словосочетания *a (para) mayor abundamiento*, *a (para) mayor abundancia* в большей степени свойственны официально-деловому стилю ввиду их нейтральности и клишированности, в то время как *para mayor (más) inri*, *para mayor recochineo* являются лексическими единицами разговорной речи, носят эмоциональный и экспрессивный характер, в связи с чем чаще употребляются в публицистическом, разговорном стилях, а также в стиле художественной литературы.

Устойчивые конструкции *de marca mayor*, *palabras mayores*, *a mayores*, *a la menor*, *no caber (haber) la menor (duda)*, а также языковые формулы *(dicho sea) con el mayor de los respetos (con el mayor respeto)*, *no hay (no tener) el menor inconveniente* носят экспрессивно-оценочный характер. Они наделяют предметы, явления, обстоятельства или ситуации положительным или отрицательным качеством, придавая высказыванию эмоционально-оценочную окраску. Они употребляются в публицистическом, разговорном стилях, в художественной литературе.

Словосочетания *hacer aguas mayores (menores)*, *llegar (pasar) a mayores*, *en paños menores*, *negar la mayor* в некоторой степени имеют характер эвфемизмов, поскольку используются в текстах или публичных высказываниях для замены выражений, считающихся неприличными, резкими или неуместными, употребляются главным образом в публицистическом стиле и в художественной литературе.

Устойчивые выражения *de mayor a menor*, *de menor a mayor*, *en mayor o menor grado* оценочно нейтральны, передают количественные характеристики измеряемых величин, часто используются в области экономических и деловых отношений, связанных с оборотом различных документов, характерных для официально-делового стиля, встречаются также в публицистическом стиле.

Согласно грамматическому критерию, на котором основывается классификация ФЕ, предложенная Х. Касаресом [21, с. 171], среди исследуемых устойчивых словосочетаний с компонентами *mayor* и *menor* в испанском языке можно выделить:

- адвербиальные: *a la mayor brevedad (posible)*, *a (para) mayor abundamiento*, *a (para) mayor abundancia*, *para mayor (más) inri*, *para mayor recochineo*, *a mayores*, *a la menor*, *en tono menor*, *en paños (ropas) menores*, *al por mayor (menor)*, *de mayor a menor*, *de menor a mayor*, *en mayor o menor grado*;
- адъективные: *de marca mayor*, *de tono menor*, *causa (caso) de fuerza mayor*, *de mayor (menor) cuantía*, *mayor (menor) de edad*;
- субстантивные: *fuerza mayor*, *palabras mayores*, *plana mayor*, *tono menor*, *aguas mayores (menores)*;
- глагольные: *ir/pasar/llegar a mayores*, *negar la mayor*, *no caber (haber) la menor (duda)*, *hacer aguas mayores (menores)*.

Отдельную группу образуют языковые формулы, функционирующие как целостные устойчивые обороты речи: *(dicho sea) con el mayor de los respetos (con el mayor respeto)*, *no hay (no tener) el menor inconveniente*.

Проведённое исследование выявило, что, несмотря на наличие относительно небольшого количества устойчивых словосочетаний с компонентами *mayor* и *menor*, зафиксированных фразеологическим словарём, большинство из них характеризуется широким жанровым разнообразием, поскольку они употребляются в той или иной степени в большинстве функциональных стилей речи испанского языка. Единственным исключением, согласно наблюдениям, стал научный стиль, в котором исследуемые языковые единицы встречаются довольно редко. Научный стиль характеризуется наличием большого количества научных терминов и отсутствием тропов, идиом, эмоционально окрашенной лексики. Многие выражения с компонентами *mayor* и *menor*, рассматриваемые в работе, в большей степени присущи официально-деловой сфере, поскольку являются устойчивыми или клишированными оборотами, или сфере разговорной речи, часто сопровождаемой эмоционально-экспрессивными лексическими средствами. Данные языковые единицы не относятся к сфере научной терминологии.

Анализ стилистических особенностей фразеологических средств испанского языка позволяет сделать вывод об их роли и значении в построении и оформлении жанровых текстов, характерных для разных функциональных стилей речи, а также о том, каким образом ФЕ формируют языковую картину мира испаноязычных народов. Данные задачи в области стилистики и фразеологии испанского языка представляются перспективными с точки зрения дальнейших лингвистических исследований.

© Н.А. Михеева, 2024

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы / Н.Д. Арутюнова. Изд. 4-е. М.: Едиториал УРСС, 2005. 384 с.
2. Балабас Н.Н. Национально-культурная специфика фразеологизмов-антропонимов. Военно-гуманитарный альманах. Серия «Лингвистика». Выпуск №4. М.: Изд-во «Наука», 2019. С. 391–396.
3. Балли Ш. Французская стилистика / Перевод с фр. К.А. Долинина; Под ред. Е.Г. Эткинда; Вступ. статья Р.А. Будагова. М.: Изд-во иностр. лит., 1961. 394 с.
4. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров // М.М. Бахтин Собр. соч. М.: Русские словари, 1996. Т.5: Работы 1940 – 1960 гг. 731 с.
5. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров / М.М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 296 с.
6. Виноградов В.В. О языке художественной литературы: монография / В.В. Виноградов. М.: Гослитиздат, 1959. 652 с.
7. Давлетшина Н.В. Стилистические особенности дипломатических текстов на чешском языке // *Linguistics & Polyglot Studies* / Филологические науки в МГИМО, 7(1), 2021. С. 15–26.
8. Кожина М.Н. О соотношении стилей языка и стилей речи с позиций языка как функционирующей системы // Принципы функционирования языка в его разновидностях: Межвуз. сб. науч. трудов. Пермь: Изд-во Пермск. гос. ун-та им. А.М. Горького, 1984. С. 3–18.
9. Кольшанский Г.В. Контекстная семантика / Г.В. Кольшанский. Изд.3-е. М.: Издательство ЛКИ. 2007. 152 с.
10. Костомаров В.Г. Новый взгляд на стилистику // Мир русского слова: научно-методический иллюстрированный журнал. Петербург: МИРС, № 1, 2019. С. 21–24.
11. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. 2-е изд. М.: Высш. шк., Дубна: Изд. центр «Феникс», 1996. 381 с.
12. Латина О.В. Идиомы и экспрессивная функция языка // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности / В.Н. Телия, Т.А. Графова, Н.А. Лукьянова и др. / Институт языкознания / Отв. ред. В.Н. Телия. М.: Наука, 1991. С. 136–157.
13. Мишанкина Н.А. Метафора в науке: парадокс или норма? / Н.А. Мишанкина. Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2010. 280 с.
14. Писанова Т.В. Национально-культурные аспекты оценочной семантики: Эстетические и этические оценки / Т. В. Писанова. М.: ИКАР, 1997. 320 с.
15. Степанюк Ю.В. Фразеологизм *une pomme de discorde* в когнитивно-дискурсивном рассмотрении (на материале современной французской прессы) // *Linguistics & Polyglot Studies* / Филологические науки в МГИМО, 9(2), 2023. С. 62–78.
16. Телия В.Н. Типы языковых значений: связанное значение слова в языке / В. Н. Телия. М.: Наука, 1981. 269 с.
17. Черданцева Т.З. Метафора и символ во фразеологических единицах // Метафора в языке и тексте / В. Г. Гак, В. Н. Телия, Е.М. Вольф и др.; отв. ред. В.Н. Телия; АН СССР, Ин-т языкознания. М.: Наука, 1988. С. 78–92.
18. Шашков Ю.А. Испанская фразеология с позиций лингвострановедения // Вопросы иберо-романской филологии: Сборник статей. Выпуск 7. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005. С. 219–225.
19. Ширинкина М.А. К истории изучения официально-деловой речи: аспекты, проблемы, тенденции // Актуальные проблемы стилистики: Ежегодный международный научный журнал. М.: Изд-во Моск. Ун-та, №7, 2021. С. 63–71.
20. Шмелёв Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка: монография / Д.Н. Шмелёв. М.: Едиториал УРСС, 2003. 244 с.
21. Casares J. Introducción a la lexicografía moderna. Madrid, 1950. 354 p.
22. Le Guern M. La metáfora y la metonimia. Madrid: Ediciones Cátedra, 1990. 147 p.
23. Mijeeva, N. Locuciones estables con numerales cardinales en el lenguaje de la prensa // *Linguistics & Polyglot Studies* / Филологические науки в МГИМО, 20(4), 2019. С. 71–81.

References

1. Arutiunova, N.D. *Predlozhenie i ego smysl; logiko-semanticheskie problemy* [Sentence and its meaning: logical-semantic problems] / N.D. Arutiunova. Izd. 4-e. M.: Editorial URSS, 2005. 384 p.
2. Balabas, N.N. Natsional'no-kul'turnaia spetsifika frazeologizmov-antroponimov [National and cultural specificity of phraseological units-anthroponyms]. *Voenno-gumanitarnyi al'manakh* [Military and humanitarian almanac]. Seriya "Lingvistika" [Series "Linguistics"]. 2021. No4. P. 391–396.
3. Balli, Sh. *Frantsuzskaia stilistika* [French stylistics] / Perevod s fr. K.A. Dolinina; Pod red. E.G. Etkinda; Vstup. statia R.A. Budagova. – M: Izd-vo inostr.lit., 1961. 394p.
4. Bakhtin, M.M. Problema rechevykh zhanrov [The problem of speech genres] // *M.M. Bakhtin Sobr.soch.* M: Russkie slovari, 1996. T.5: Raboty 1940-1960 gg., 731p.
5. Bakhtin, M.M. Problema rechevykh zhanrov [The problem of speech genres] / M.M. Bakhtin // *Estetika slovesnogo tvorchestva*. M: Iskustvo, 1986. 296 p.
6. Vinogradov, V.V. *O iazyke khudozhestvennoi literatury; monografiia* [On the language of fiction: a monograph] / V.V. Vinogradov. M.; Goslitizdat, 1959. 652 p.
7. Davletshina, N.V. Stilisticheskie osobennosti diplomaticheskikh tekстов na cheshskom iazyke [Stylistic features of diplomatic texts in Czech] // *Linguistics & Polyglot Studies*, 7(1), 2021. P. 15–26. DOI: 10.24833/2410-2423-2021-1-25-15-26.
8. Kozhina, M.N. O sootnoshenii stilei iazyka i stilei rechi s pozitsii iazyka kak funktsioniruiushchei sistemy [On the relationship between language styles and speech styles from the perspective of language as a functioning system] // *Printsipy funktsionirovaniia iazyka v ego raznovidnostiakh: Mezhevuz. sb. nauch. Trudov* [Principles of language functioning in its varieties: Inter-university collection of scientific papers]. Perm': Izd-vo Permsk. gos. un-ta im. A.M. Gor'kogo, 1984. P. 3–18.
9. Kol'shanskii, G.V. Kontekstnaia semantika [Contextual semantics] / G.V. Kol'shanskii. Izd. 3-e. M.; Izdatel'stvo LKI, 2007. 152 p.
10. Kostomarov, V.G. Novyi vzgliad na stilistiku [A new look at stylistics] // *Mir russkogo slova: nauchno-metodicheskii illiustrirovannyi zhurnal* [The World of Russian Words: Scientific and Methodological Illustrated Journal]. 2019. No1. P. 21–24. DOI: 10.24411/1811-1629-2019-11021.
11. Kunin, A.V. *Kurs frazeologii sovremennogo angliiskogo iazyka: Ucheb. dlia in-tov i fak. inostr. iaz.* [Course of phraseology of modern English: Textbook for institutes and faculties of foreign languages]. 2-e izd. M.: Vyssh.shk., Dubna: Izd. Tsentr "Feniks", 1996. 381 p.
12. Latina, O.V. Idiomy i ekspressivnaia funktsiia iazyka [Idioms and the expressive function of language] // *Chelovecheskii faktor v yazyke: iazykovye mekhanizmy i ekspressivnosti* [The Human Factor in Language: Language Mechanisms of Expressivity] / V.N. Teliia, T.A. Grafova, N.A. Luk'ianova i dr. / Institut iazykoznaniiia / Otv. red. V.N. Teliia. M.: Nauka, 1991. P. 136–157.
13. Mishankina, N.A. *Metafora v nauke: paradoks ili norma?* [Metaphor in Science: Paradox or Norm?] / N.A. Mishankina. Tomsk: Izd-vo Tom. gos. un-ta, 2010. 282 p.
14. Pisanova, T.V. *Natsional'no-kul'turnye aspekty otsenochoi semantiki: Esteticheskie i eticheskie otsenki* [National and cultural aspects of evaluative semantics: Aesthetic and ethical assessments] / T.V. Pisanova. M.: IKAR, 1997. 320 p.
15. Stepaniuk, Iu.V. *Frazeologizm une pomme de discorde v kognitivno-diskursivnom rassmotrenii (na materiale sovremennoi frantsuzskoi pressy)* [The phraseological unit *une pomme de discorde* in cognitive-discursive consideration (based on the contemporary French press)] // *Linguistics & Polyglot Studies*, 9(2), 2023. P. 62–78. DOI: 10.24833/2410-2423-2023-2-35-62-78.
16. Teliia, V.N. *Tipy iazykovykh znachenii: sviazannoe znachenie slova v iazyke* [Types of linguistic meanings: the associated meaning of a word in a language] / V.N. Teliia. M.: Nauka, 1981. 269 p.
17. Cherdantseva, T.Z. Metafora i simvol vo fraseologicheskikh edinitsakh [Metaphor and symbol in phraseological units] // *Metafora v iazyke i tekste* [Metaphor in language and text] / V.G. Gak, V.N. Teliia, E.M. Vol'f i dr.; otv. red. V.N. Teliia; AN SSSR, In-t iazykoznaniiia. M.: Nauka, 1988. P. 78–92.
18. Shashkov, Iu.A. Ispanskaia fraseologiia s positsii lingvostranovedeniia [Spanish phraseology from the standpoint of linguistic and regional studies] // *Voprosy ibero-romanskoi filologii: Sbornik statei* [Issues in Ibero-Romance Philology: Collection of Articles]. 2005. No7. P. 219–225.
19. Shirinkina, M.A. K istorii izucheniia ofitsial'no-delovoi rechi: aspekty, problemy, tendentsii [On the history of the study of official business speech: aspects, problems, trends] // *Aktual'nye problem y stilistiki: Ezhegodnyi mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal* [Current Issues in Stylistics: Annual International Scientific Journal], 2021. No7. P. 63–71.
20. Shmelev, D.N. *Ocherki po semaseologii russkogo iazyka: monografiia* [Essays on Semaseology of the Russian Language: Monograph] / D.N. Shmel'ev. M.: Editorial URSS, 2003. 244 p.
21. Casares, J. *Introducción a la lexicografía moderna* [Introduction to modern lexicography]. Madrid, 1950. 354 p.
22. Le Guern, M. *La metáfora y la metonimia* [Metaphor and Metonymy]. Madrid: Ediciones Cátedra, 1990. 147 p.
23. Mijeeva, N. Locuciones estables con numerales cardinales en el lenguaje de la prensa [Set expressions with cardinal numerals in the language of news media] // *Linguistics & Polyglot Studies*, 20(4), 2019. P. 71–81. DOI: 10.24833/2410-2423-2019-4-20-71-81.

Сведения об авторе:

Михеева Наталья Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры испанского языка Международно-правового факультета МГИМО (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов – семантика, фразеология, стилистика, эмотиология испанского языка.

E-mail: n.miheeva@my.mgimo.ru ORCID ID: 0000-0002-4650-9326

РИНЦ Author ID: 4964902

About the author:

Natalia Mikheeva – PhD in Philology, is Assistant Professor at Department of the Spanish Language at the International Law School of MGIMO University (Moscow, Russia). Realm of research and professional interests: semantics, phraseology, stylistics, emotiology of Spanish language.

E-mail: n.miheeva@my.mgimo.ru ORCID ID: 0000-0002-4650-9326

RSCI Author ID: 4964902

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов

No conflict of interests is declared.

* * *

Precedent Phenomena as a Means of Event Representation in the English Language Media Discourse

Tatiana P. Filichkina

Academy of the Federal Guard Service of the Russian Federation,
35, Priborostroitel'naia St, 302015, Russia

Abstract. Precedent phenomena act as a tool of informing and influencing the addressee in the media space. The aim of the article is to examine the functioning of precedent phenomena as a means of representing current events in media discourse. The relevance of the research is determined by the widespread use of precedent phenomena in mass media. Concepts of precedent phenomena represent a mental image of a stereotypical situation, which reflects the results of human cognition of the surrounding reality. In modern media texts, the peripheral layer is transformed under the influence of the extralinguistic context, while the nuclear layer of the conceptual component of the concept remains unchanged. The value and figurative (metaphorical) components of precedent phenomena related to associations at the diachronic level contribute to the expansion of the notional component of the concept when representing current events at the synchronic level. The article proposes an algorithm for the study of the verbalized concepts “fifth column”, “great game”, “iron curtain”, “cold war”, “road map”, “Pearl Harbor”, which, in the form of perception invariants, are included in the cognitive base of most linguistic and cultural communities. The sources of the research material were the texts of the quality English language press in the period of 2022-2023. To accomplish the task, the following methods are applied: discourse analysis, cognitive analysis, and diachronic analysis. The discourse analysis explicates the meaning of the precedent phenomenon at the synchronic level, taking into account non-linguistic factors (political and socio-cultural context). Cognitive analysis defines the value component of the concept, which includes subjective modalities (axiological, emotive, deontic). An axiological modality is a rational (positive or negative) assessment of an event. Emotional evaluation is the result of a sensual reaction to a fragment of the world around. The deontic modality is connected with the normative worldview of the society that regulates the behavior of people in the community and the interaction of states in the global world. Diachronic analysis reveals the origin of the precedent phenomenon and defines its value and figurative (metaphorical) aspects, as well as the core layer of the concept. The proposed algorithm of analyzing verbalized concepts can be helpful for professionals in the field of cognitive linguistics, media linguistics, and political linguistics. The investigated precedent phenomena as dynamically evolving and transforming concepts may be of interest for further detailed study.

Keywords: media discourse, precedent phenomenon, concept core, concept periphery, discourse analysis, cognitive analysis, diachronic analysis

For citation: Filichkina T.P. (2024). Precedent Phenomena as a Means of Event Representation in the English Language Media Discourse. *Linguistics & Polyglot Studies*, 10(4), pp. 57–70. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-4-41-57-70>

Прецедентные феномены как средство репрезентации событий в англоязычном медийном дискурсе

Т.П. Филичкина

Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации,
302015, г. Орёл, ул. Приборостроительная, 35

Аннотация. В медийном пространстве прецедентные феномены выступают инструментом информирования и воздействия. Целью статьи является изучение функционирования прецедентных феноменов как средства репрезентации современных событий в медиадискурсе. Актуальность исследования обусловлена широким использованием прецедентных феноменов в СМИ. Концепты прецедентных феноменов представляют ментальный образ стереотипной ситуации, в котором отражаются результаты познания человеком окружающей действительности. В современных медиатекстах под воздействием экстралингвистического контекста происходит трансформация периферийного слоя, в то время как сохраняется неизменным ядерный слой понятийного компонента концепта. Ценностный и образный (метафорический) компоненты прецедентных феноменов, связанные с ассоциациями на уровне диахронии, способствуют расширению понятийной составляющей концепта при репрезентации актуальных событий на синхроническом уровне. В рамках статьи предложен алгоритм исследования вербализованных концептов «пятая колонна», «большая игра», «железный занавес», «холодная война», «дорожная карта», «Пёрл-Харбор», которые в виде инвариантов восприятия входят в когнитивную базу большинства лингвокультурных сообществ. Материалом исследования стали тексты серьёзной англоязычной прессы в период за 2022-2023 гг. Для выполнения поставленной задачи использовались следующие методы: дискурсивный анализ, когнитивный анализ, диахронический анализ. Дискурсивный анализ объясняет смысл прецедентного феномена на уровне синхронии с учётом внелингвистических факторов (политического и социокультурного контекста). Когнитивный анализ определяет ценностный компонент концепта, который включает субъективные модальности (аксиологическую, эмотивную, деонтическую). Аксиологическая модальность – это рациональная (положительная или отрицательная) оценка события. Эмоциональная оценка является результатом чувственной реакции на фрагмент окружающего мира. Деонтическая модальность связана с нормативной картиной мира социума, которая регулирует поведение людей в обществе и взаимодействие государств в глобальном мире. Диахронический анализ раскрывает истоки возникновения прецедентного феномена и обуславливают его ценностный и образный (метафорический) аспекты, а также ядерный слой концепта. Предложенный алгоритм анализа вербализованных концептов может быть полезен для специалистов в области когнитивной лингвистики, медиалингвистики, политической лингвистики. Исследованные прецедентные феномены как динамически развивающиеся и трансформирующиеся концепты могут представлять интерес для дальнейшего детального изучения.

Ключевые слова: медийный дискурс, прецедентный феномен, ядро концепта, периферия концепта, дискурсивный анализ, когнитивный анализ, диахронический анализ

Для цитирования: Филичкина Т.П. (2024). Прецедентные феномены как средство репрезентации событий в англоязычном медийном дискурсе. *Филологические науки в МГИМО*. 10(4), С. 57–70. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-4-41-57-70>

1. Введение (INTRODUCTION)

Современный человек существует в медийном пространстве. Средства массовой информации воздействуют на образ мыслей, поведение индивидуумов и общества в целом. Они создают и низвергают кумиров, влияют на политическую и общественную жизнь, являются инструментом манипулирования общественным сознанием, формируют информационную и ценностную картину мира социума.

По мнению Т.Г. Добросклонской, медиадискурс – это «функционально-обусловленный тип дискурса, который понимается как совокупность речевых практик и продуктов речевой деятельности в сфере массовой коммуникации во всём богатстве и сложности их взаимодействия» [9, с. 182]. Медийный дискурс фокусируется на актуальных событиях социальной жизни, а также на идеологических реалиях. Целью медийных текстов как продуктов медиадискурса является не только информирование читателя, но и воздействие на него определённым образом, интерпретируя события и явления реального мира. Поэтому языку медиатекстов свойственны краткость, информативность, оценочность, экспрессивность, метафоричность. Это проявляется в изобилии модальной лексики и фразеологизмов, паремий и прецедентных феноменов (ПФ).

В статье предполагается исследовать медийный дискурс как лингвистическое и когнитивное явление, проанализировать его языковое наполнение, а именно прецедентные феномены, представляющие собой сложную когнитивную структуру (концепт), которая включает понятийный, образный и ценностный компоненты. Прецедентные феномены в медийном дискурсе репрезентируют новые смыслы, усиливают экспрессивность текста, содержат модальности (оценки) для достижения определённого коммуникативного эффекта.

Материалом для проведения исследования послужила выборка прецедентных феноменов из нескольких десятков статей серьёзных англоязычных медийных ресурсов. **Цель статьи** – рассмотреть функционирование ПФ как средства представления событий в современном англоязычном медийном дискурсе и как инструмент формирования определённого отношения адресата к происходящему, а также разработать алгоритм анализа прецедентных феноменов (*пятая колонна, большая игра, железный занавес, холодная война, дорожная карта, Пёрл-Харбор*) для определения новых признаков периферийного слоя концептов под влиянием современной геополитической реальности.

Для выполнения поставленной задачи использовались комбинирование следующих методов исследования: метод дискурсивного анализа, предполагающий исследование лингвистической и экстралингвистической составляющих прецедентных феноменов; метод когнитивного анализа, который связан с процессами восприятия, обработки и интерпретации языковой информации; метод диахронического анализа, в результате которого объясняется этимология языкового знака. Сочетание комплекса методов исследования позволяет определить ядерный и периферийный слои когнитивной структуры прецедентных феноменов, которые являются лингвистическим оформлением концептов и представляют эталон стереотипной ситуации в медиадискурсе.

Актуальность изучения прецедентных феноменов обусловлена когнитивной и функциональной многогранностью вербализованных концептов, их модальной насыщенностью, которые требуют новых комплексных подходов исследования.

2. Материал и методика исследования (METHODOLOGY AND MATERIALS)

В современных лингвистических исследованиях используются различные взгляды на понятие «дискурс». Т.А. Ван Дейк характеризует дискурс как «сложное коммуникативное явление, включающее кроме текста ещё экстралингвистические факторы (знания о мире, установки, цели адресанта), необходимые для понимания текста» [3, с. 8].

Н.Д. Арутюнова определяет дискурс как «текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмов их сознания (когнитивных процессах)» [1, с. 136–137].

В.З. Демьянков выделяет составляющие дискурса, к которым относятся «излагаемые события, их участники, перформативная информация и “не-события”, то есть а) обстоятельства, сопровождающие события; б) фон, поясняющий события; в) оценка участников события; г) информация, соотносящая дискурс с событиями» [8, с. 7].

В.В. Красных также фокусирует внимание на двойственной сущности дискурса и рассматривает его как «вербализованную речемыслительную деятельность, понимаемую как совокупность процесса и результата и обладающую как собственно лингвистическими, так и экстралингвистическими планами» [12, с. 13].

Принимая во внимание приведённые выше определения дискурса, можно констатировать, что дискурс – это динамическое социальное явление, которое включает текст как статическое явление, являющееся результатом коммуникативного действия и когнитивных процессов в сознании автора, а также условия реализации коммуникации.

В процессе познания окружающего мира «выделяют реальную действительность, проектируемую действительность, формирующуюся в сознании человека в процессе освоения им мира, и лингвистическую действительность, которая непосредственно связана с языковым представлением мира человеком» [4, с. 20]. Таким образом, в сознании человека создаётся модель определённой ситуации реального мира в виде концепта, который получает языковое оформление в процессе коммуникации, в нашем случае как прецедентный феномен.

В современной отечественной лингвистике основоположником теории прецедентности считается Ю.Н. Караулов. К прецедентным феноменам учёный относит «готовые, интеллектуально-эмоциональные блоки, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении, хорошо известные в обществе и постоянно используемые в коммуникации» [11, с. 113].

В.Н. Телия рассматривает прецедент как «стереотипный образно-ассоциативный комплекс», имевший место в прошлом и являющийся значимым для определённого лингвокультурного сообщества и регулярно актуализирующийся в процессе коммуникации [16].

В.В. Красных понимает прецедентность как когнитивное явление, к которому относит феномены «хорошо известные всем представителям национально-лингвокультурного сообщества (“имеющие сверхличностный характер”); актуальные в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане, обращение к которым возобновляется в речи того или иного национально-лингвокультурного сообщества» [12, с. 170]. Таким образом, ПФ – это явления языка, сознания и культуры. К числу прецедентных феноменов автор относит прецедентный текст, прецедентное высказывание, прецедентное имя и прецедентную ситуацию. Необходимо отметить, что не существует жёстких границ между ними, так как прецедентное имя было актуализировано в прецедентной ситуации, а прецедентное высказывание упоминалось в прецедентном тексте и относилось к какому-либо литературному герою или принадлежало политическому или общественному деятелю.

Д.Б. Гудков рассматривает несколько видов ПФ в зависимости от уровней прецедентности: автопрецедентные, связанные с индивидуальными представлениями и ассоциациями отдельной личности; социумно-прецедентными, известные любому среднему представителю определённого социума; национально-прецедентные, знакомые любому среднему представителю того или иного лингвокультурного сообщества; универсально-прецедентные, известные любому полноценному человеку [6, с. 25–26].

Анализируемые в статье ПФ – когнитивные структуры (концепты), относящиеся к универсально-прецедентным феноменам, которые «известны любому современному полноценному *homo sapiens* и входят в универсальное когнитивное пространство человечества» [7, с. 104]. ПФ в медийных текстах выполняют номинативную и характеризующую (оценочную) функции. Они придают номинации высоко информативный и коннотативно нагруженный смысл в силу

аллюзии к прототипической ситуации, черты которой по умолчанию известны представителям лингвокультурного сообщества. Коннотативная функция прецедентных феноменов является основной, поскольку отличается аксиологичностью и экспрессивностью.

С точки зрения смысла ПФ являются результатом организации и структурирования знаний и опыта человека, а также смысловой концентрации оценки фрагмента реального мира. Когнитивный анализ прецедентных феноменов позволяет определить их образность и оценочный потенциал.

Прецедентные феномены выступают средством репрезентации динамической ситуации и выражения субъективной оценки в контексте употребления. За каждым прецедентным феноменом, представляющим собой концепт, стоит целый набор смыслов, ассоциаций и модальностей, которые появились в определённых исторических обстоятельствах. Именно концепты играют решающую роль в интерпретации окружающего мира.

В современном языкознании термин «концепт» используется для наименования одной из форм представления знаний об окружающем мире с точки зрения когнитивной семантики. Существуют различные толкования термина «концепт» в научной литературе.

З.Д. Попова и И.А. Стернин понимают концепт «как глобальную мыслительную единицу, представляющую собой квант структурированного знания. Концепты – это идеальные сущности, которые формируются в сознании человека» [15, с. 4–5].

Более широкое и универсальное определение принадлежит Е.С. Кубряковой, которая считает, что «понятие “концепт” отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких “квантов” знания» [13, с. 90].

Концепт как ментальная единица репрезентации знания о фрагменте действительности включает в себя понятийный (или фактуальный), образный, и ценностный компоненты [10, с. 129]. Понятийный компонент является основным элементом концепта, связан с его семантикой (смыслом) и восходит к истории возникновения языкового знака.

Образная составляющая концепта – это метафорическая интерпретация реального мира. Она включает характеристики события или явления фрагмента действительности и является наиболее оптимальным средством актуализации значения в процессе коммуникации. Природа метафоры, по мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, заключается в «понимании и переживании сущности одного вида в терминах сущности другого вида» [14, с. 27]. В основе метафоризации лежит процесс сравнения уже известного события в сознании человека с другими аналогичными явлениями на базе полученных знаний. Метафора способствует переосмыслению информации, её фиксации в языке и лаконичности передачи в процессе коммуникации, а также эмоциональному воздействию на адресата.

Ценностная сторона концепта связана с субъективными модальностями, поскольку концепт не только осмысливается, но и «переживается». Субъективная модальность – отношение к содержанию высказывания, она включает аксиологическую, эмотивную и деонтическую модальность. Аксиологическая модальность – рациональная оценка фрагмента действительности («хорошо, нейтрально, плохо»). Эмотивная модальность представляет чувственно-эмоциональное отношение к действительности, которое включает весь спектр человеческих эмоций («осуждение, одобрение, восхищение, восторг, порицание, отсутствие эмоций»). Деонтическая модальность определяет соответствие действия или состояния нормам социума, правовым, моральным, нормам международного общения («разрешено, нужно, запрещено, следует, не следует, принято») [17, с. 256].

Фреймы, будучи разновидностью концепта, считаются универсальными формами отражения действительности. Фрейм является упорядоченной организацией сведений о фрагменте реального мира, которая представляет «максимально обобщённое схематизированное представление о концептуальном основании, значения, ...схему образа, лежащего в основе

значения» [2, с. 83–84]. Фреймы структурируют наше осмысление мира в целом, это своего рода основа знаний для представления стереотипной ситуации [18, с. 132]. Следовательно, прецедентные феномены как фреймовые структуры репрезентируют некую абстрактную ситуацию.

Одной из отличительных особенностей фреймов называется их высокая адаптивность к изменяющимся реалиям: «они предназначены для номинации бесконечного множества ситуаций (сцен), эффективно выполняют своё назначение благодаря их способности перестраиваться, модифицироваться в соответствии с реализуемым фокусом в отношении описываемой ситуации» [5, с. 3].

Таким образом, учитывая, что фрейм представляет собой ментальное отражение изменяющейся реальности, его содержание может претерпевать изменения в процессе его актуализации: с одной стороны, со временем трансформации подвергаются отдельные его признаки, с другой – в структуру его содержания могут добавляться новые характеристики.

В структуре содержания концепта (фрейма) условно выделяют ядро и периферию. В ядро входят наиболее существенные и «яркие» признаки концепта, отражающие понятийную, образную и ценностную стороны концепта. Периферийный слой концепта включает факультативные характеристики семантики прецедентного феномена, которые могут варьироваться в зависимости от контекста употребления ПФ.

Каждая эпоха порождает свои концепты, которые с течением времени могут трансформироваться или полностью исчезать. Концепты в медийном дискурсе развиваются и меняются в соответствии с динамикой исторического процесса. В медиатекстах под влиянием экстралингвистического фона происходит модификация периферии понятийной (фактуальной) стороны вербализованного концепта, при этом, как правило, сохраняя ценностную и образную (эмоционально-чувственную и образно-метафорическую) составляющие.

Актуализация значения прецедентных феноменов как знаков вторичной номинации в текстах СМИ происходит на синхроническом уровне, но осмысление их концептуальной сущности возможно только с использованием диахронического подхода, то есть обращаясь к истокам появления ПФ.

Алгоритм исследования прецедентных феноменов как средств репрезентации событий в современном англоязычном медиадискурсе предлагается рассмотреть на примерах из англоязычной прессы, используя дискурсивный, когнитивный и диахронический подходы.

Один из самых влиятельных американских журналов *Foreign Affairs*, информирующий о международных отношениях и внешней политике США, опубликовал статью *The Disturbing Return of the Fifth Column*, в которой цитирует и анализирует высказывание Президента России В.В. Путина о внутренних врагах страны (пятая колонна), оказывающих подрывное влияние на политику государства.

*Russian President Vladimir Putin made his intentions clear in a speech in March, warning that the West “will try to bet on the so-called **fifth column**, on traitors – on those who earn their money here, but live over there. Live, not in the geographical sense, but in the sense of their thoughts, their slavish thinking” [22].*

В своём выступлении в марте Президент России Владимир Путин чётко сформулировал свои намерения, предупредив, что Запад «попытается сделать ставку на так называемую **пятую колонну**, на предателей – на тех, кто зарабатывает деньги здесь, а живёт там. Живут не в географическом смысле, а в смысле своих взглядов, своего рабского мышления».

Учитывая идеологическую ориентацию издания, политика России, направленная на нейтрализацию предателей, продвигающих интересы противников государства внутри страны, вызывает осуждение Запада, а правительство России обвиняется в широкомасштабных репрессиях против «независимо мыслящих» граждан.

С точки зрения диахронии ПФ *пятая колонна* восходит к прецедентной ситуации и прецедентному высказыванию времён Гражданской войны в Испании 1936–1939 годов. С одной стороны выступали республиканские (правительственные) силы, а с другой – франкисты и примкнувшие к ним националисты и фашисты. Испанский генерал, командовавший армией франкистов, заявил, что он будет наступать на столицу Испании Мадрид четырьмя колоннами,

а с тыла ударит *пятая колонна*. *Пятой колонной* считалась агентура генерала Франко, шпионы, недовольные республиканским правительством, которые занимались саботажем и шпионажем, распространяли панику, организовывали диверсии.

В статье используется прецедентный феномен *пятая колонна*, который обозначает предателей национальных интересов России, тайно выступающих против политики руководства страны. Такое поведение граждан, оказывающих поддержку внешним врагам в условиях обострения международной обстановки, не соответствует моральным и правовым нормам общества. В статье из уст Президента России звучит осуждение *пятой колонны*, препятствующей развитию страны.

В современном понимании ядерный слой концепта прецедентного феномена *пятая колонна* характеризует скрытых врагов страны, обычно являющихся её гражданами, которые тайно или явно противодействуют политике государства. В данном контексте понятийный компонент ПФ расширяется и относится к внутренним противникам власти (руководства) в России, которые действуют в интересах недружественных государств.

Когнитивный анализ позволяет рассмотреть составляющие концепта *пятая колонна* и его оценочный потенциал. Ядром семантики понятийного компонента прецедентного феномена является наличие врагов или предателей внутри страны, которые пытаются нанести вред государству. Аксиологическая модальность ПФ находится в отрицательной зоне оценочной шкалы, национал-предатели в любой стране вызывают осуждение и порицание (эмотивная модальность) и противоречат правовым и моральным нормам социума (деонтическая модальность).

В статье *‘The Eye of the Storm’: Taiwan Is Caught in a Great Game Over Microchips* американской ежедневной газеты *The New York Times* представлено противостояние Китая и США. В заголовке статьи прецедентный феномен *большая игра* несёт большую прагматическую нагрузку.

‘The Eye of the Storm’: Taiwan Is Caught in a Great Game Over Microchips [23].

В эпицентре событий: Тайвань втянут в большую игру из-за микрочипов.

Для адекватной интерпретации смысла заголовка необходимо провести диахронический анализ концепта прецедентного феномена *большая игра* и дискурсивный анализ медиатекста. В диахронии прецедентный феномен *большая игра* относился к давнему геополитическому противостоянию между Британской и Российской империями за господство в Центральной Азии в XIX и начале XX веков. Соперничество России и Британии держало в напряжении всю Европу и Азию почти полвека.

Дискурсивный анализ раскрывает взаимосвязь языковой составляющей концепта *большая игра* с внелингвистической реальностью, в данном случае это геополитическое противостояние Китая и США. США предпринимают огромные усилия для сдерживания динамического развития Поднебесной в экономической, политической и технологической областях.

Тайвань, крупнейший производитель самых современных чипов, юридически является провинцией Китая, а фактически – это территория, которая проводит самостоятельную государственную политику. И в последние годы за Тайвань развернулась самая серьёзная борьба. Технологические компании по обе стороны Тихого океана сегодня в значительной степени зависят от полупроводниковых продуктов острова.

В настоящее время Тайвань маневрирует в узком пространстве между американскими и китайскими интересами. Тайваньские предприятия строят новые производственные мощности в Японии и в США. В то же время многие предприятия острова зависят от Китая, поскольку основная часть поставок электроники по-прежнему проходит через Китай. Но производство самых передовых микрочипов осуществляется на Тайване.

Таким образом, Тайвань сейчас становится одним из самых опасных геополитических очагов в мире. Опасение заключается в том, что в случае конфликта между Китаем и США фирмы не смогут получать микрочипы, необходимые им для производства телефонов, создания суперкомпьютеров, сотовых сетей связи, нового вооружения. Военный конфликт между двумя сверхдержавами приведёт к остановке электронного снабжения, обеспечивающего функционирование современного мира.

В анализируемой статье понятийный компонент концепта *большая игра* представляет соперничество между Китаем и США в сфере экономики и политики, которое балансирует на грани прямого вооружённого столкновения. Образность концепта заключается в том, что борьба за достижение целей средствами экономического, политического, информационного воздействия сравнивается с поединком на глобальной «шахматной доске», который происходил между Россией и Британией в XIX и XX веке в Центральной Азии. Ценностный компонент прецедентного феномена *большая игра* содержит негативную оценку (аксиологическая модальность), поскольку международные отношения, основанные на сотрудничестве, являются более выгодными и продуктивными и соответствуют нормам международного права (деонтическая модальность). Конфронтация между странами с целью сдерживания и подавления их развития вызывает отрицательные эмоции (эмотивная модальность).

В современном медийном дискурсе прецедентный феномен *большая игра* часто используется для обозначения и характеристики ситуации глобального соперничества стран в политической, экономической, технологической областях между различными странами. В приведённом примере остаётся неизменным ядерный слой концепта *большая игра*, который представляет факт противоборства между державами за господство и влияние в определённом регионе или конкуренции в сфере деятельности, но наблюдается расширение периферийного слоя концепта. В данном случае меняются причины, участники и регион противостояния, расширяются сферы соперничества, при этом сохраняются образность и ценностность исходного концепта.

Китайская ежедневная газета *Global Times*, освещающая международные события и представляющая правительственную точку зрения, в редакционной статье *Forging an 'Economic Iron Curtain'? Japan better not be confused again: Global Times editorial* изложила позицию руководства Китая на договорённость между министром экономики и промышленности Японии и министром торговли США усилить экспортные ограничения для Китая в области критически важных технологий, таких как полупроводники, биотехнологии и искусственный интеллект.

It is a mystic regression that a major trading power's trade and industry minister's understanding of global free trade remains at the level of when the "Iron Curtain" speech was delivered. His logic involves forging a new iron curtain of economics and trade in the world [20].

Это необъяснимый шаг назад, поскольку понимание министром экономики и промышленности крупной торговой державы свободной конкуренции в мире остаётся на уровне того времени, когда была произнесена речь о «железном занавесе». Его логика предполагает создание нового **железного занавеса** в мировой экономике и торговле.

В данной статье рассматривается точка зрения Китая на введение Японией торговых ограничений. Пекин называет это деградацией отношений в мировой истории свободной торговли. Прагматичному руководству Поднебесной трудно понять такое иррациональное решение Токио, поскольку Китай является крупнейшим торговым партнёром Японии и сотрудничество двух стран жизненно важно для японцев. Стратегия США направлена на создание коалиции стран, которая будет блокировать и ограничивать развитие Китая. Но ни США, ни Япония не смогут остановить поступательное развитие Поднебесной. Японии необходимо смотреть на ситуацию в долгосрочной перспективе и не отказываться от взаимовыгодного сотрудничества. В противном случае страна может оказаться в тупике, поскольку экономическое усиление Китая – это не источник сдерживания Японии, а возможность для неё стать влиятельной политической державой.

Прецедентный феномен *железный занавес* характеризует действия руководства Японии в связи с введением торговых ограничений с Китаем. Концепт *железный занавес* содержит отрицательную рациональную оценку (аксиологическая модальность) и осуждение контрпродуктивных решений руководства Японии (эмотивная модальность), которые противоречат интересам страны и международным нормам (деонтическая модальность).

В диахронии понятийный компонент концепта *железный занавес* означал политическую, информационную, пограничную изоляцию социалистических и капиталистических стран, которая существовала в течение нескольких десятилетий. Образность и оценочность концепта

связаны с метафорическим переосмыслением выражения, которое символизирует непреодолимое препятствие, железный занавес, между двумя политическими системами.

Прецедентное высказывание *железный занавес* принадлежит британскому премьеру Уинстону Черчиллю. В своей знаменитой фултонской речи в мае 1946 года Черчилль сообщил, что «над континентом ... опустился *железный занавес*», и объявил о начале *холодной войны* между странами социалистического лагеря и странами капиталистического Запада.

В современном медийном дискурсе прецедентный феномен *железный занавес* приобретает более широкий смысл. К ядерному слою концепта относится создание любых барьеров и запретов в различных областях взаимодействия для изоляции страны или группы стран. Периферийный слой, подверженный трансформации, включает различные государства, области международного сотрудничества (экономические, политические, технологические, военные), на которые могут накладываться ограничения, санкции, запреты. В данном примере – это попытка препятствовать поступательному развитию Китая.

В средствах массовой информации последних лет широко используется прецедентный феномен *холодная война*. В качестве примера предлагается рассмотреть статью *China and Russia prepare to turn Cold War II into a hot war* американского печатного и интернет-издания *The Hill*.

Проводя дискурсивный анализ информации медиатекста, следует учитывать экстралингвистические факторы: текущие события, идеологическую направленность издания. *The Hill* занимает центристскую позицию, освещает работу Конгресса США, Президента, правительства, а также политические события и международные отношения с позиций американского правящего класса.

Издание отмечает, что в Стратегии национальной безопасности Китай и Россия представляют «самую большую смертельную угрозу» для США из-за их ядерного потенциала. Россию и Китай обвиняют в многочисленных нарушениях Устава ООН и международного права, а также в «злоупотреблении» правом вето в Совете Безопасности.

Сотрудничество России и Китая вызывает опасения в США, поскольку эти страны высказываются против дальнейшего расширения НАТО, против цветных революций, инициированных США. Российская сторона поддерживает принцип «одного Китая» и выступает против независимости Тайваня. Объявленное стратегическое партнёрство России и Китая называют началом новой *холодной войны* между Востоком и Западом.

But the “no-limits strategic partnership” they announced amounted to the declaration of a new cold war between the two autocracies and the Western-led international order [19].

Но провозглашённое ими «стратегическое партнёрство без ограничений» было равносильно объявлению новой *холодной войны* между двумя автократиями и международным порядком, возглавляемым Западом.

В ретроспективе прецедентный феномен *холодная война* характеризует геополитическое, военное и экономическое соперничество Советского Союза и Соединённых Штатов Америки во второй половине XX века. Её называют *холодной*, потому что между государствами не произошло ни одного прямого вооружённого конфликта.

Манифестом *холодной войны* стала фултонская речь Уинстона Черчилля. Одним из важнейших элементов конфронтации была борьба СССР и США за доминирование в мировом общественном мнении. *Холодная война* сопровождалась гонкой обычных и ядерных вооружений, созданием противоборствующих военных союзов (НАТО и Организации Варшавского договора). Хотя Соединённые Штаты и Советский Союз не участвовали в открытых столкновениях друг с другом, их жёсткое соперничество приводило к локальным вооружённым конфликтам в различных частях мира.

Метафоричность концепта актуализирует модальность данного выражения. Негативная рациональная и эмоциональная оценки вызваны опасностью превращения *холодной войны* в реальные боевые действия, которые приведут к человеческим жертвам, разрушениям или даже к третьей мировой войне. С точки зрения деонтической модальности, любые войны и конфликты

не считаются нормой в сфере международных отношений, хотя и являются продолжением политики другими средствами.

В новейшей истории ПФ *холодная война* получает более широкое толкование на синхроническом уровне и представляет ситуацию противоборства сверхдержав в различных сферах современной геополитики. Периферийный слой концепта *холодная война* приобретает новые смыслы под влиянием внелингвистических факторов, конкретизируя регион, стороны и причины противостояния.

Прецедентный феномен дорожная карта встречается в заголовке и в тексте статьи *US opposes offering Ukraine a road map to NATO membership* серьёзной британской газеты *Financial Times*, которая специализируется на публикации и анализе текущих новостей из мира финансов, бизнеса, политики.

The US is pushing back against efforts by some European allies to offer Ukraine a “road map” to NATO membership at the alliance’s July summit, exposing divides in the west over Kyiv’s postwar status [24].

США выступают против попыток некоторых европейских союзников предложить Украине «**дорожную карту**» для вступления в НАТО на июльском саммите альянса, что свидетельствует о разногласиях на Западе по поводу послевоенного статуса Киева.

Дискурсивный анализ внелингвистического фона определяет взаимоотношения Украины и НАТО. Руководство Украины настойчиво добивается членства в Североатлантическом союзе. Польша и страны Балтии активно поддерживают стремление Киева. Но ряд влиятельных стран-членов выступают против вступления Украины в НАТО. Генеральный секретарь НАТО заявил, что воплощение этого в жизнь зависит от того, останется ли Украина суверенным, независимым государством после специальной военной операции, проводимой Россией. Вместо этого США призывают союзников сосредоточиться на военной, финансовой и гуманитарной помощи Украине, чтобы поддержать её в противостоянии с Россией.

На диахроническом уровне прецедентный феномен *дорожная карта* представлял план урегулирования палестино-израильского конфликта, исходя из принципа существования двух независимых государств, Палестины и Израиля. *Дорожная карта* была разработана в 2003 году «квartetом» по Ближнему Востоку: Соединёнными Штатами, Европейским Союзом, Россией и Организацией Объединённых Наций.

Ядро семантического состава концепта *дорожная карта* представляет план движения к некоторой цели, этапы реализации и сроки выполнения проекта. Образность, связанная с исходным значением данного концепта, актуализирует положительную рациональную и эмоциональную оценку поэтапных действий для достижения поставленной цели – прекращение кровопролития на Ближнем Востоке. Мирное разрешение конфликтов соответствует нормам взаимодействия между странами (деонтическая модальность).

О репрезентативности концепта *дорожная карта* свидетельствует частота апелляций в современных СМИ к данному прецедентному феномену, который ассоциируется с перспективными планами и сценариями развития в различных контекстах употребления. На уровне синхронии в ПФ *дорожная карта* появляются новые смыслы на периферии концепта, которые конкретизируют задачи, участников, условия достижения цели, в данном случае это стремление Украины присоединиться к Североатлантическому альянсу, а также критерии, которым необходимо соответствовать для вступления в организацию.

В статье *This Is a Pearl Harbor Moment for Israel* американского журнала *Rolling Stone* представлена ситуация вторжения боевиков ХАМАС на территорию Израиля из Сектора Газа 7 октября 2023 года, в результате чего были убиты и похищены несколько сотен израильтян.

The Hamas invasion of southern Israel on Saturday by hundreds of terrorists from the Gaza Strip is a Pearl Harbor moment for the State of Israel [21].

Вторжение сотен террористов ХАМАС из сектора Газа в субботу на юг Израиля – это настоящий Пёрл-Харбор для государства Израиль.

Израиль был застигнут врасплох, когда сотни вооружённых террористов ХАМАС пробили брешь в защитном барьере, возведённом Израилем вдоль границы с сектором Газа, и проникли

в близлежащие израильские города, расстреливая всех на своём пути. Все военные возможности Израиля потерпели крах. Не было никаких разведанных, меры обороны на границе не остановили террористов.

Диахронический анализ представляет историю возникновения прецедентного имени *Пёрл-Харбор*. Она связана с событиями 7 декабря 1941 года, когда японская авиация без объявления войны атаковала военно-морскую базу в гавани Пёрл-Харбор (Гавайские острова), на которой находились военные аэродромы и стояли корабли военно-морских сил США. В результате налётов были уничтожены десятки военных кораблей, выведены из строя несколько сотен самолётов и погибли несколько тысяч военнослужащих. Это сокрушительное нападение стало поводом для вступления Соединённых Штатов во Вторую мировую войну. Причины трагедии связаны с неподготовленностью военно-морской базы к отражению неожиданной атаки противника: отсутствие надёжной связи и должной организации систем ПВО, недостоверная разведывательная информация. Дата 7 декабря 1941 года считается днём бесславия и позора в истории США.

Ядерный слой концепта *Пёрл-Харбор* репрезентирует ситуацию внезапного нападения неприятеля, которое привело к разгромному поражению и вызвало жёсткие ответные меры. Образность концепта ассоциируется с событиями вероломного вражеского удара на страну, который произошёл на военной базе США на Гавайских островах, и символизирует кровавую бойню и хаос. Ценностный компонент актуализирует негативные рациональные и эмоциональные оценки. Нападение без объявления войны не соответствует нормам международного права (деонтическая модальность).

В контексте современных событий происходит расширение периферийного слоя концепта *Пёрл-Харбор*, который репрезентирует другой регион вторжения (Ближний Восток), новых участников кровавых событий (ХАМАС и Израиль) и другие цели и последствия вторжения без объявления войны.

3. Результаты исследования (RESULTS)

В статье проанализированы прецедентные феномены *пятая колонна*, *большая игра*, *железный занавес*, *холодная война*, *дорожная карта*, *Пёрл-Харбор*. При актуализации лингвистически оформленных концептов в медиатекстах наблюдается расширение их семантической (понятийной) составляющей. В результате исследования разработан алгоритм определения новых смыслов вербализованных концептов, используя дискурсивный, когнитивный и диахронический анализ. Алгоритм позволяет идентифицировать понятийный, образный и ценностный компоненты концептов, выделить ядерный и периферийный слой их семантического содержания.

Под влиянием экстралингвистического фона в медийном дискурсе происходит трансформация периферийных характеристик концептов прецедентных феноменов, но остаются константными базовые признаки ядра понятийного компонента, образность (метафоричность) и ценностность, которые отражают события прошлого опыта человека и человечества и экстраполируются на современную действительность, на основе концептуального переосмысления реалий и с учётом имеющихся знаний.

Прецедентные феномены, будучи когнитивными структурами (фреймами), репрезентируют стереотипные ситуации, явления, события, происходящие в других регионах, с другими участниками, связанные с разными целями, задачами и применением альтернативных методов для их достижения.

4. Анализ результатов исследования (ANALYSIS)

Результаты, полученные в ходе исследования прецедентных феноменов, свидетельствуют о решающем влиянии экстралингвистического контекста на семантическую составляющую вербализованных концептов в медиатекстах. Следует отметить, что остаются практически неизменными образная сторона, ассоциирующаяся с исходными ПФ, и ценностная сторона

вербализованных концептов, которая содержит субъективные модальности (аксиологическую, эмотивную, деонтическую). На страницах средств массовой информации ПФ выступают как знаки вторичной номинации для стереотипных ситуаций, при этом происходит расширение и трансформация периферии концепта при репрезентации современных событий. В основе вторичной номинации лежит метафоризация, связанная с интеграцией исходных ядерных признаков концепта с идентичными характеристиками событий в новых исторических реалиях.

5. Обсуждение результатов исследования (DISCUSSION)

Сравнение результатов анализа вербализованных концептов *пятая колонна, большая игра, железный занавес, холодная война, дорожная карта, Пёрл-Харбор*, представленных в современных медийных ресурсах, с прецедентными феноменами на уровне диахронии, демонстрирует очевидную тенденцию к расширению периферийного слоя понятийного компонента концепта на основе общих признаков и ассоциаций. Исследуемые ПФ не подвергаются деметафоризации, в них сохранены образность и ценностность исходных концептов, которые выявлены с помощью диахронического и когнитивного анализа.

Следует отметить, что понятийные компоненты концептов прецедентных феноменов, представленных в статье, более волатильны, наблюдается модификация периферийного слоя концептов, в то время как метафоричность и модальность остаются стабильными и не подвержены изменениям.

Алгоритм исследования прецедентных феноменов с использованием когнитивного, дискурсивного и диахронического анализа для определения новых смыслов вербально выраженных концептов, предложенный в статье, может быть применён в различных видах дискурса для выявления семантических трансформаций и определения прагматического потенциала языковых знаков.

6. Заключение (CONCLUSION)

Прецедентные феномены в текстах современного медийного дискурса являются когнитивными репрезентациями текущих событий (фреймами), несут мощный оценочный потенциал и представляют инструмент речевого воздействия на адресата. Концепты как ментальные единицы отражения фрагмента действительности в сознании человека вербализуются в единицах языка, в наших примерах прецедентных феноменов.

Алгоритм исследования ПФ, предложенный в статье, включает изучение языковых знаков в различных ракурсах. Анализ когнитивной структуры концепта (понятийной, образной и ценностной составляющих) предполагает соединение синхронического и ретроспективного подходов, поскольку репрезентация фрагментов картины мира на уровне синхронии основана на образности, значимости и ценности события прошлого. Диахронический анализ позволяет рассмотреть современную реальность сквозь призму исторических процессов.

Частота апелляций к различным прецедентным феноменам в медиадискурсе открывает пространство для дальнейшего изучения этих языковых знаков как ментальных представлений стереотипных ситуаций из реального мира. Особенно интересным и актуальным может стать анализ новых смыслов вербализованных концептов в современном контексте употребления, которые постоянно модифицируются под влиянием экстралингвистического контекста.

© Т.П. Филичкина, 2024

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь, гл. ред. В. Н. Ярцева / Н. Д. Арутюнова. М. Сов энциклопедия, 1990. 260 с.

2. Белявская Е.Г. Семантическая структура слова в номинативном и когнитивном аспектах: Дис. д-ра фил. наук. М.: МГЛУ, 1991.
3. Ван Дейк Т. Язык. Познание. Коммуникация / Т. Ван Дейк. М.: Прогресс, 1989. 310 с.
4. Генералова Л.М. Когнитивный анализ как метод изучения языковых явлений // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики / Л.М. Генералова, Л.Н. Ребрина. Владикавказ: Северо-Осетинский государственный университет. 2017. № 3. С. 19–26.
5. Генералова Л.М. Транспозиция как способ языковой репрезентации перехода к альтернативной концептуализации события через систему семантических предикатов (на материале немецкого языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2007. С.3.
6. Гудков Д.Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М. Изд-во МГУ, 1999. 152 с.
7. Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д.Б. Гудков М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. 288 с.
8. Демьянков В.З. Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста. Вып. 2. Методы анализа текста // Всесоюз. центр переводов. Тетради новых терминов № 039 / В.З. Демьянков. М. 1982. 289 с.
9. Добросклонская Т.Г. Массмедийный дискурс как объект научного описания // Научные ведомости БелГУ. Серия Гуманитарные науки / Т.Г. Добросклонская. Белгород: НИУ БелГУ. 2014. № 13. Выпуск 22. С.181–187.
10. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. Москва: Гнозис, 2004. 390 с.
11. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов М.: URSS. 2007. 263 с.
12. Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. М.: ИТДГК «Гнозис». 2003. 375 с.
13. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрати и др. М.: МГУ, 1996. 245 с.
14. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж.Лакофф, М. Джонсон; под ред. А. Н. Баранова. Москва : УРСС, 2004 (ООО РОХОС). 252 с.
15. Попова З.Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З.Д. Попова, И.А. Стернин. Воронеж. 1999. 30 с.
16. Телия В.Н. Метафоризация и её роль в языковой картине мира // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности / В.Н. Телия. М.: Наука. 1988. 214 с.
17. Филичкина Т.П. Фразеологизмы как средство создания образа Китая в англоязычном медийном дискурсе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. / Т. П. Филичкина. Саратов: Саратовский университет, 2021. Т. 21, вып. 3. С. 254–260.
18. Чудинов А.П. Политическая лингвистика. М.: Флинта: Наука, 2007. 256 с.
19. “China and Russia prepare to turn Cold War II into a hot war”. The Hill, 1 November 2022. [Электронный ресурс] – URL: <https://thehill.com/opinion/international/3713227-china-and-russia-prepare-to-turn-cold-war-ii-into-a-hot-war/> (дата обращения 23.04.2023).
20. “Forging an ‘Economic Iron Curtain’? Japan better not be confused again: Global Times editorial”. Global Times, 7 January 2023. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202301/1283359.shtml> (дата обращения 17.04.2023).
21. “This Is a Pearl Harbor Moment for Israel”. Rolling Stone, 7 October 2023. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rollingstone.com/politics/political-commentary/gaza-invasion-israel-pearl-harbor-commentary-1234848663/> (дата обращения 30.03.24).
22. “The Disturbing Return of the Fifth Column”. Foreign Affairs, 26 August 2022. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/russian-federation/disturbing-return-fifth-column> (дата обращения 12.04.2023).
23. “‘The Eye of the Storm’: Taiwan Is Caught in a Great Game Over Microchips”. The New York Times, 29 August 2022. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.nytimes.com/2022/08/29/technology/taiwan-chips.html> (дата обращения 13.04. 2023).
24. “US opposes offering Ukraine a road map to Nato membership”. Financial Times, 6 April 2023. [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.ft.com/content/c37ed22d-e0e4-4b03-972e-c56af8a36d2e> (дата обращения 18.04.2023).

References

1. Arutiunova, N.D. Diskurs // Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar' [Discourse // *Linguistic Encyclopedic Dictionary*] / N.D. Arutiunova. M. Sov. entsiklopediia, 1990. 260 s. S. 136–137. (in Russian)
2. Beliavskaia, E.G. *Semanticheskaiia struktura slova v nominativnom i kognitivnom aspektakh* [Semantic structure of the word in nominative and cognitive aspects] / E.G. Beliavskaia, Dis. dok-ra filol. nauk. M: MGLU, 1991. 3. (in Russian)
3. Van Deik, T. *Iazyk. Poznanie. Kommunikatsiia* [Language. Cognition. Communication] / T. Van Deik. M.: Progress, 1989. 310 s. (in Russian)
4. Generalova, L.M., Rebrina L.N. Kognitivny analiz kak metod izucheniiia iazykovykh iavleniy [Cognitive analysis as a method of studying linguistic phenomena] // *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoi lingvistiki* / L.N. Rebrina. Vladikavkaz: Severo-Osetinskii gosudarstvennyi universitet. 2017. № 3. S. 19–26. (in Russian)
5. Generalova, L.M. *Transpozitsiia kak sposob iazykovoi reprezentatsii perekhoda k al'ternativnoi kontseptualizatsii sobytiia cherez sistemu semanticheskikh predikatov (na materiale nemetskogo iazyka)* [Transposition as a way of linguistic representation of the transition to alternative conceptualization of an event through the system of semantic predicates (based on the material of the German language): author's abstract. dis. ... candidate of sciences in Philology]. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. Volgograd, 2007. 22 s. S.3 (in Russian)
6. Gudkov, D.B. *Pretsedentnoe imia i problemy pretsedentnosti* [Precedent name and precedent problems] / D.B. Gudkov. M.: Izd-vo MGU, 1999. 152 s. (in Russian)

7. Gudkov, D.B. *Teoriia i praktika mezhkul'turnoi kommunikatsii* [Theory and Practice of Cross-Cultural Communication] / D.B. Gudkov. M.: ITDGK «Gnozis», 2003. 288 s. (in Russian)
8. Dem'yankov, V.Z. Anglo-russkie terminy po prikladnoi lingvistike i avtomaticheskoi pererabotke teksta. Vyp. 2. Metody analiza teksta // *Vsesoiuzn. tsentr perevodov. Tetrad' novykh terminov* № 039 [English-Russian Terms in Applied Linguistics and Automatic Text Processing. Issue. 2. Methods of Text Analysis // *The All-Union Translation Center. Notebooks of new terms* No.039] / V. Z. Dem'yankov. M., 1982. 289 s. (in Russian)
9. Dobrosklonskaia, T.G. Massmediinyi diskurs kak ob'ekt nauchnogo opisaniia // *Nauchnye vedomosti BelGU. Seriya Gumanitarnye nauki* [Mass Media Discourse as an Object of Scientific Description // *BelGU Scientific Bulletin. Humanities Series*] / T.G. Dobrosklonskaia. Belgorod: NIU BelGU. 2014. № 13. Vypusk 22. S.181–187. (in Russian)
10. Karasik, V.I. *Iazykovoii krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [The Language Circle: Personality, Concepts, Discourse] / V. I. Karasik. Moskva: Gnozis, 2004. 390 s. (in Russian)
11. Karaulov, Iu.N. *Russkii iazyk i iazykovaia lichnost'* [Russian Language and Linguistic Personality] / Iu.N. Karaulov. M.: URSS, 2007. 263 s. (in Russian)
12. Krasnykh, V.V. «Svoi» sredi «chuzhikh»: mif ili real'nost'? [“Friend” among “Strangers”: Myth or Reality?] / V.V. Krasnykh. M.: ITDGK «Gnozis», 2003. 375 s. (in Russian)
13. Kubriakova, E.S. *Kratkii slovar' kognitivnykh terminov* [Concise Dictionary of Cognitive Terms] / E.S. Kubriakova, V.Z. Dem'yankov, Iu.G. Pankrats, et al. M.: MGU, 1996. 245 s. (in Russian)
14. Lakoff, J., Johnson, M. *Metafori, kotorymi my zhivem* [Metaphors we live by] / J. Lakoff, M. Johnson; pod red. A.N. Baranova. Moskva: URSS, 2004 (ООО РОКХОС). 252 s. (in Russian)
15. Popova, Z.D. *Poniatie “kontsept” v lingvisticheskikh issledovaniakh* [Notion of “Concept” in Linguistic Studies] / Z.D. Popova, I.A. Sternin. Voronezh, 1999. 30 s. (in Russian)
16. Teliia, V.N. Metaforizatsiia i ee rol' v iazykovoii kartine mira // *Chelovecheskii faktor v iazyke: Iazykovye mekhanizmy ekspressivnosti* [Metaphorization and Its Role in the Language Picture of the World // *The Human Factor in Language: Linguistic Mechanisms of Expressiveness*] / V.N. Teliia. M.: Nauka, 1988. 214 s. (in Russian)
17. Filichkina, T.P. Frazеologizmy kak sredstvo sozdaniia obraza Kitaia v angloiazychnom mediinom diskurse [Idioms as a means of creating the image of China in the English-language media discourse] // *Izvestiia Saratovskogo universiteta. Novaia seriia. Seriya: Filologiya. Zhurnalistskaia*. / T. P. Filichkina. Saratov: Saratovskii universitet, 2021. T. 21, vyp. 3. S. 254–260. (in Russian)
18. Chudinov, A.P. *Politicheskaiia lingvistika* [Political linguistics] / A.P. Chudinov. M.: Flinta: Nauka, 2007. 256 s. (in Russian)
19. “China and Russia prepare to turn Cold War II into a hot war”. *The Hill*, 1 November 2022, <https://thehill.com/opinion/international/3713227-china-and-russia-prepare-to-turn-cold-war-ii-into-a-hot-war/> (Accessed: 23 April 2023).
20. “Forging an ‘Economic Iron Curtain’? Japan better not be confused again: Global Times editorial”. *Global Times*, 7 January 2023, www.globaltimes.cn/page/202301/1283359.shtml (Accessed: 17 April 2023).
21. “This Is a Pearl Harbor Moment for Israel”. *Rolling Stone*, 7 October 2023, www.rollingstone.com/politics/political-commentary/gaza-invasion-israel-pearl-harbor-commentary-1234848663/ (Accessed: 30.03.24).
22. “The Disturbing Return of the Fifth Column”. *Foreign Affairs*, 26 August 2022, www.foreignaffairs.com/russian-federation/disturbing-return-fifth-column (Accessed: 12 April 2023).
23. “‘The Eye of the Storm’: Taiwan Is Caught in a Great Game Over Microchips”. *The New York Times*, 29 August 2022, www.nytimes.com/2022/08/29/technology/taiwan-chips.html (Accessed: 13 April 2023).
24. “US opposes offering Ukraine a road map to Nato membership”. *Financial Times*, 6 April 2023, www.ft.com/content/c37ed22d-e0e4-4b03-972e-c56af8a36d2e (Accessed: 18 April 2023).

Сведения об авторе:

Филичкина Татьяна Петровна – кандидат филологических наук, доцент, сотрудник Академии ФСО России (г. Орёл). Сфера научных интересов: когнитивная лингвистика, фразеология, медийный дискурс, межкультурная коммуникация. E-mail: filitchkina_orel@mail.ru. ORCID ID 0000-0002-9471-6004

About the author:

Tatiana P. Filichkina, PhD in Philology, is a staffer of the Academy of the Federal Guard Service of the Russian Federation (Orel). Spheres of research and professional interest: cognitive linguistics, phraseology, media discourse, cross-cultural communication. E-mail: filitchkina_orel@mail.ru. ORCID ID 0000-0002-9471-6004

* * *

Small-Format Texts in the Practice of Teaching Translation and Interpretation for Professional Purposes

Vladislav E. Anisimov¹, Ekatherina D. Anisimova², Mikhail K. Ogorodov¹

¹ MGIMO University,
76, prospect Vernadskogo, 119454, Moscow, Russia

² RANEPa,
82, prospect Vernadskogo, 119571, Moscow, Russia

³ RUDN University Patrice Lumumba,
10/2, ulitsa Miklukho- Maklaya, 117198, Moscow, Russia

Abstract. The article analyzes the possibilities of using small-format texts of various discourses in the practice of teaching translation and interpretation for professional purposes. The authors consider the possibilities of using small-format texts various types (texts of social and commercial advertising, posters, synopses, trailers and shorts of authentic films, cartoons, messages in social networks, texts of news briefs. etc.) as new types of authentic texts used for the purpose of teaching translation and interpretation to students of various specialties. The purpose of the article is to identify the features of using small-format texts in the practice of teaching French as a foreign language to students of various specialties. In the course of considering this issue, we paid the main attention to the selection criteria for small-format texts used for educational purposes, as well as the development of a set of exercises based on the use of small-format texts in translation training (using the French language as an example). The research methodology includes the methods of discourse analysis, content analysis and the method of continuous sampling for the selection of research materials (small-format texts), the linguocultural method for assessing the educational potential of the small-format texts under consideration, as well as the method of compiling exercises to develop a set of multidirectional exercises for teaching students translation techniques and methods in the professional sphere. We used the method of verification and validation of question-answer forms to develop a questionnaire, which is a consistent approbation and development of a questionnaire, to obtain adequate survey data to assess the quality of the small-format texts implementation in translation teaching practice. As a result of the study, the authors developed a set of methodological recommendations for the use and selection of small-format texts applicable for educational purposes, as well as a set of exercises using small-format texts of various discursive genesis, applied at different stages of the lesson. This study may be of interest to researchers and practicing teachers in the field of teaching foreign languages in general and the French language in particular, teaching translation and interpretation for special purposes, and university teachers from the point of view of using new types of authentic texts in the practice of teaching and training and translation practice.

Keywords: teaching translation and interpretation, methods of teaching foreign languages, the French language, small-format texts, translation studies

For citation: Anisimov V.E, Anisimova E.D., Ogorodov M.K. (2024). Small-format texts in the practice of teaching translation and interpretation for professional purposes. *Linguistics & Polyglot Studies*, 10(4), pp. 71–88. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-4-41-71-88>

Исследовательская статья

Применение малоформатных текстов в практике обучения переводу для профессиональных целей

Анисимов В.Е.¹, Анисимова Е.Д.^{2,3}, Огородов М.К.¹

¹ Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, 119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

² Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, 119571, Россия, Москва, пр. Вернадского, 82

³ Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 10/2

Аннотация. В статье проводится анализ возможностей применения малоформатных текстов дискурсов различного генеза в практике обучения переводу для профессиональных целей. Авторы рассматривают возможности применения различных типов малоформатных текстов как новых видов аутентичных текстов, используемых в целях обучения переводу студентов различных специальностей. Целью статьи является выявление особенностей применения малоформатных текстов в практике преподавания французского языка как иностранного для студентов различных специальностей. При рассмотрении данного вопроса основное внимание уделяется выделению критериев отбора малоформатных текстов, применяемых для образовательных целей, а также разработке комплекса упражнений, основанных на применении малоформатных текстов в обучении переводу. Методология исследования включает в себя методы дискурс-анализа, контент-анализа и метод сплошной выборки для отбора материалов исследования (малоформатных текстов), лингвокультурологический метод для оценки образовательного потенциала рассматриваемых малоформатных текстов. Для составления анкеты по оценке качества внедрения малоформатных текстов в практику обучения переводу был использован метод верификации и валидации вопросно-ответных форм, представляющий собой последовательную апробацию и разработку анкеты для получения адекватных данных опроса. В результате проведенного исследования авторами выработан комплекс методических рекомендаций по применению и отбору малоформатных текстов, применимых для образовательных целей, а также разработан комплекс упражнений с использованием малоформатных текстов различного дискурсивного генеза, применяемых на различных этапах занятия. Данная работа может представлять интерес для исследователей и практикующих преподавателей в области обучения иностранным языкам в целом и французскому языку в частности, обучения переводу для специальных целей, и преподавателям вузов с точки зрения использования новых типов аутентичных текстов в практике обучения и воспитания и практике перевода.

Ключевые слова: обучение переводу, методика преподавания иностранных языков, французский язык, малоформатные тексты, перевод и переводоведение

Для цитирования: Анисимов В.Е., Анисимова Е.Д., Огородов М.К. (2024). Применение малоформатных текстов в практике обучения переводу для профессиональных целей. *Филологические науки в МГИМО*. 10(4), С. 71–88. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-4-41-71-88>

1. Введение / Introduction

Современный мир характеризуется высоким темпом изменений, характерных для всех сфер жизни общества, в частности, оказывает влияние на язык и сферу его распространения. Так, одной из новейших тенденций в жизни общества становится развитие и активное распространение феномена сети Интернет, появление которого вызвало качественные изменения в целом ряде дискурсов и продолжает оказывать на них воздействие. Новое коммуникативно-семиотическое пространство сети Интернет оказывает значительное влияние на современный язык как в аспекте разговорной речи, так и официальных публичных выступлений и печатных анонсов. Одним из ключевых изменений, привнесённых в язык благодаря развитию интернет-коммуникации, становится лаконичность или малоформатность текстов [9], [12], [15]. Сокращение объёма текста и речи с ориентацией на публикацию в интернет-источниках связано с так называемым феноменом «маленького экрана» [23], а также уменьшением времени удержания внимания потенциального зрителя и увеличением объёма информации для рядового пользователя мобильных устройств. В связи с этим претерпевают изменения и традиционные модели переводческой деятельности. Небольшой объём малоформатного текста зачастую не позволяет переводчику применить приём переводческого комментария или использовать приём описательного перевода за счёт ориентации на малое количество знаков в тексте перевода [12], [22], [21].

В свою очередь, современная методика преподавания перевода также подвергается трансформациям, в связи с меняющимися реалиями переводческой деятельности [16]. Однако проблема перевода малоформатных текстов (МФТ) пока остаётся недостаточно разработанной, несмотря на наличие коммерческого и общественного запроса на осуществление данного вида перевода. Зачастую современный переводчик вынужден сталкиваться с малоформатными текстами с высокой прецедентной насыщенностью [15, с. 73], что требует от него комплексных знаний в области лингвокультуры языка перевода и исходного языка. Малоформатность как исходная и одновременно требуемая характеристика новых типов текстов не позволяет в таком случае прибегнуть к описательному переводу или переводческому комментарию при сохранении требований к полной передаче смысловых значений.

Таким образом, возникает потребность во включении в курс обучения переводу с иностранного языка элементов обучения перевода малоформатных текстов (МФТ) различного дискурсивного генеза, что позволит познакомить будущих специалистов с новейшими тенденциями в данной области и научить их работе с данным типом текста. Целью данной статьи становится выявление особенностей применения малоформатных текстов в практике преподавания французского языка как иностранного для студентов непрофильных специальностей.

В рамках обозначенной цели авторы выдвигают гипотезу о том, что включение упражнений, направленных на работу с малоформатными текстами, в практику обучения переводу позволит решить сразу несколько педагогических задач: актуализировать наглядно-практический материал; рассмотреть на занятии сразу несколько видов дискурса за счёт применения малоформатных текстов для отработки практики устного и письменного перевода; ознакомить студентов с актуальными лингвокультурными реалиями страны изучаемого языка, в том числе с прецедентными феноменами и концептами; увеличить вариативность выполняемых упражнений и разнообразить варианты, предоставляемые студентам для самостоятельной работы, что позволит повысить качество и объективность оценки заданий; индивидуализировать процесс обучения как для отдельных студентов, так и для групп специальностей за счёт тематического подбора малоформатных текстов.

Актуальность предлагаемой методики внедрения МФТ в процесс обучения переводу подтверждается многочисленными исследованиями как в области теории и практики перевода [6], [7], [16], [31], [32], [33], так и методики преподавания [8], [11], [9], [12], [23], [24], [25], [27], [30],

а также исследований, посвящённых изучению потенциала малоформатных текстов различных дискурсов [2], [20], [21], [23], [26], [28], [29].

Обратимся к сути рассматриваемых малоформатных текстов. В современной лингвистической парадигме понятие малоформатного текста приводится М.В. Черкуновой: «МФТ можно определить как текстовое образование небольшого объёма, имеющее подвижные квантитативные показатели, в большинстве случаев ограниченные в пределах от 1 до 600 слов, характеризующееся традиционными признаками текстуальности, а также обладающее свойством визуальной интегративности, выполняющим консолидирующую роль в процессе выстраивания прагматического плана текста при многоаспектном взаимодействии разноуровневых элементов текстовой организации» [18, с. 253].

К малоформатным текстам могут быть отнесены тексты различной модальности: МФТ могут представлять собой моно- (короткие аудиодорожки, новостные брифы, публикации в социальных сетях, синопсискинофильма) или поликодовые образования (рилс, шортс, карикатура, киноафиша, рекламный объект и др.) [2], [3], [4], [5], [14], [19], [22]. Современные малоформатные тексты отличаются высокой прецедентной насыщенностью, то есть в небольшом текстовом фрагменте содержится множество культурно-специфических феноменов, характерных для современного языка, что может быть также актуальным в практике применения их как учебных элементов [15, с. 77].

М.А. Хусаинова и С.А. Стройков на примере аутентичных учебников *English as Second Language* серии «English Unlimited» утверждают, что применение малоформатных текстов в практике преподавания иностранных языков несут высокий педагогический потенциал: применение малоформатных текстов позволяет сделать учебное пособие ориентированным на широкую аудиторию потенциальных обучающихся за счёт применения элементов различной дискурсивной направленности [17, с. 58]. В рамках обучения переводу в вузе данная тенденция представляет особый прагматический потенциал: в ряде университетов языковые группы формируются исходя из уровня владения языком студентов и представляют собой смешанные учебные группы из студентов разных направлений подготовки. При обучении переводу в сфере профессиональной коммуникации¹ преподаватель иностранного языка может сталкиваться со студентами разных образовательных профилей, что обуславливает необходимость в выборе различных текстов для отработки переводческих навыков на основе упражнений.

В свою очередь, М.А. Бородина и Л.А. Апанасюк отмечают, что использование актуального и интерактивного материала в практике обучения иностранным языкам могут значительно повысить образовательные результаты студентов за счёт повышения мотивации к обучению и возрастанию интереса студентов к учебным материалам [4], [5].

На наш взгляд, потенциал применения МФТ в практике обучения иностранным языкам и, в частности, обучения двустороннему переводу с/на французский язык, может быть достигнут за счёт нескольких факторов:

- возможность включения текстов различной тематической направленности и различного дискурсивного генеза, что позволит актуализировать учебный и наглядный материал для студентов различных специальностей обучения;
- возможность применения МФТ на различных этапах образовательного процесса и отдельных занятий за счёт их малоформатности, а также разнообразие педагогического процесса за счёт возможностей использования как моно- так и поликодовых текстов;
- соответствие актуальным реалиям страны изучаемого языка и высокая насыщенность прецедентным материалом.

¹ Приказ Министерства Образования РФ от 04.07.1997 г. № 1435 «О присвоении дополнительной квалификации «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» выпускника вузов по специальностям высшего профессионального образования»

2. Методология и процедура исследования / Methodology

Представленное исследование состояло из нескольких этапов: теоретический этап, подготовительный этап, этап разработки, этап апробации, этап рефлексии.

На теоретическом этапе нами проводилась разработка критериев отбора малоформатных текстов, адекватных для их применения в практике преподавания в вузе. Разработка критериев проводилась в два этапа, что обусловлено логикой проведения исследования: интуитивный (основанный на субъективном мнении и педагогическом опыте исследователей) и прагматический (основанный на анализе текстового материала и требованиях ФОС/ФГОС). В качестве методов, применяемых на теоретическом этапе, можно выделить лингвокультурный метод, метод теоретического анализа, методы дискурс- и контент-анализа.

На интуитивном этапе нами были выделены следующие первичные критерии отбора МФТ, носящие обязательный характер:

- язык текстов – нормативный французский (без национальных вариантов языка);
- объём текста – не менее 10 и не более 600 слов, для аудиовизуальных текстов – длительность не более 90 секунд;
- отсутствие в текстах ненормативной, обценной и инвективной лексики;
- отсутствие табуированной тематики – не соответствующей действующему законодательству (разжигание национальной розни, пропаганда нетрадиционных сексуальных отношений, призывы к свержению правительства или органов власти, призывы к терроризму и т.д.);
- возможность доступа к контенту на территории Российской Федерации.

В качестве вторичных критериев отбора на прагматическом этапе при сплошном просмотре малоформатных текстов, соответствующих критериям первичного отбора, были определены следующие:

- актуальность лингвокультурного компонента – для реализации лингвострановедческой компетенции;
- соответствие МФТ уровню владения французским языком потенциальных студентов (от B1 до C1);
- актуальность малоформатных текстов профилю студенческой аудитории (профилю специальности студента при обучении переводу в сфере профессиональной коммуникации);
- наличие множественного контента для разнообразия наглядного и эмпирического материала (наличие материалов аналогичного содержания на различных ресурсах);
- возможность интерпретации МФТ с опорой на словари и анализ аутентичных текстов (отсутствие в текстах узкопрофильных терминов, малоизвестных лексем, характерных для отдельных субкультур или малых этнических сообществ).

Подготовительный этап

На следующем, подготовительном этапе, авторами проводился отбор малоформатных текстов, соответствующих всем выделенным авторами критериям. Основными методами, применяемыми на данном этапе, являются методы сплошной выборки и критериального отбора. В качестве основных источников малоформатных текстов различного генеза нами были использованы следующие интернет-ресурсы:

- для текстов публицистической направленности: 20 minutes, TV5Monde, Le Figaro;
- для текстов общественно-политической направленности: France24, Charlie Hebdo, Réseau Canopé, Patrick Chappatte;
- для текстов филологической и лингвистической направленности: TV5Monde, FLE.fr, Campus France, Cned;
- для текстов развлекательной направленности: YouTube, SensCritique, AlloCiné.fr;
- для текстов культурно-исторической направленности: TV5Monde, Bien Dire, Institut Français;

- для текстов научно-популярной направленности: Zeste de Science, Pop'Sciences, Etienne Klein, Vulgariscience.

Широкая подборка сайтов по различным тематикам позволили авторам исследования использовать для образовательных целей разнообразные малоформатные тексты. Применение в процессе обучения французскому языку текстов различной модальности (монокодовые тексты (письменные тексты, аудиотексты), поликодовые тексты, состоящие из иконического и вербального компонентов (кинопостер, карикатура), аудиовизуальные тексты) и тематической направленности способствует внесению разнообразия в образовательный процесс, а также включить применение малоформатных текстов на разных этапах образовательного процесса.

Разработка упражнений

Рассмотрим подробнее этап разработки упражнений. Длительность данного этапа составила 6 месяцев, а объём отобранных текстов составил 6000 единиц, из которых: 1000 публицистической направленности, 1000 общественно-политической направленности, 1000 филологической и лингвистической направленности, 1000 развлекательной направленности, 1000 культурно-исторической направленности и 1000 научно-популярной направленности.

Разработка упражнений осуществлялась с ориентацией на различные этапы занятия: вводные упражнения, упражнения основного этапа занятия (отработка лексических или грамматических навыков), упражнения этапа закрепления, упражнения для самостоятельной работы, контрольные упражнения. Следует отметить, что применение разработанного комплекса упражнений рассчитано на применение в студенческой аудитории, прослушавшей курсы по теории перевода и имеющей представление об основной переводческой терминологии (например, различных видах переводческих трансформаций, эллипсе и пр.). Вследствие того, что формат статьи не позволяет продемонстрировать весь комплекс разработанных упражнений, при демонстрации примеров нами использовались различные варианты упражнений, направленных на ознакомление потенциального читателя с вариативностью их применения.

Упражнения, предназначенные для вводной части занятия, предполагали акцент на принципах интерактивизации и геймификации для вовлечения студенческой аудитории в процесс обучения иностранному языку. Такие упражнения должны были соответствовать ряду критериев: невысокий уровень сложности, наличие аттрактивных элементов, возможность интеграции в основную тему занятия.

Рассмотрим пример упражнения, применяемого на вводном этапе занятия:

Рисунок 1. Пример вводного упражнения²

Задания к МФТ общественно-политической направленности:

1. *Reconstituez la phrase cachée derrière les personnages en vous appuyant sur le texte du dessin de presse. Que signifie cette phrase? Trouvez son équivalent russe.*

² DESSINDEPRESSE https://www.dessindepresse.com/01-cartoon_pour_presse_en_entreprise_et_communication_corporate.html (Дата обращения: 10.09.2024).

2. *Résumez le contenu du dessin de presse au discours indirect.*
3. *En vous concentrant sur le genre de l'image, traduisez les phrases des personnages. Quelles techniques de traduction avez-vous utilisées ?*

/ 1. Опираясь на текст карикатуры, попробуйте восстановить фразу, скрытую за фигурами персонажей. Что обозначает данное словосочетание? Найдите эквивалент данному лексическому сочетанию в русском языке.

2. Кратко перескажите содержание карикатуры, используя только косвенную речь.
3. Ориентируясь на жанр изображения, переведите высказывания персонажей. Какими переводческими приёмами вы воспользовались?/

Другим примером вводного упражнения может стать использование короткого видеоклипа на французском языке.

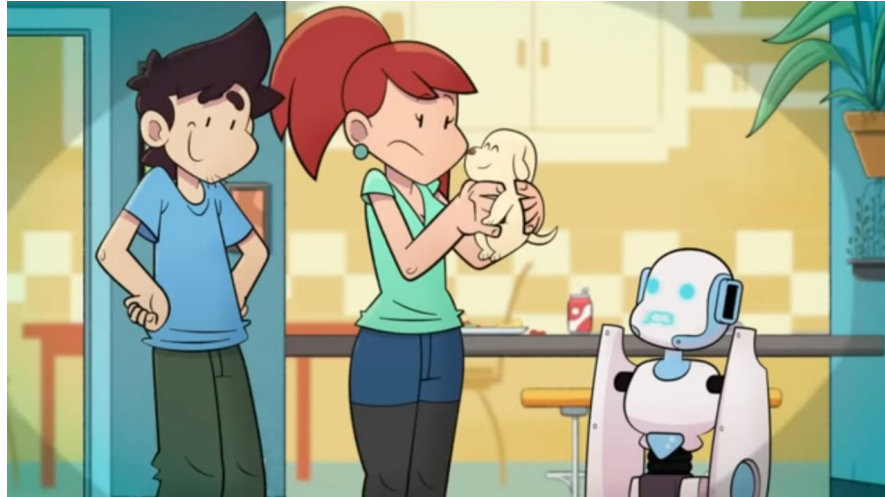

Рисунок 2. Вводное упражнение в формате видеоклипа³

Задания к видеоклипу:

1. *Regardez la vidéo et résumez son contenu.*
2. *Trouvez la traduction des mots et expressions suivants : “retirer de la chatterie”, “se transbahuter”, “chouchouter son chien”, “jappeur”, “animaux de compagnie”.*
3. *Traduisez la vidéo successivement à tour de rôle : robot (Roger), fille (Florence), gars (Hugo).*
4. *Traduisez les expressions et phrases suivantes en utilisant les transformations nécessaires : “ça prouve qu’il est débrouillard”; “limiter les mouvements du chien avec une corde”; “C’est pour nous dire que tu as envie de faire ta balade”.*

- / 1. Вы посмотрели короткий видеосюжет. Кратко передайте его содержание.
2. Поясните, как вы можете перевести следующие словосочетания: “retirer de la chatterie”, “se transbahuter”, “chouchouter son chien”, “jappeur”, “animaux de compagnie”.
3. Попробуйте перевести данное видео последовательно по ролям: робот (Роже), девушка (Флоранс), парень (Хьюго).
4. Переведите следующие словосочетания и предложения, используя необходимые переводческие трансформации: “ça prouve qu’il est débrouillard”; “limiter les mouvements du chien avec une corde”; “C’est pour nous dire que tu as envie de faire ta balade”. /

Упражнения, представленные во вводной части занятия, должны быть направлены на погружение студентов в языковую среду, повышение мотивации к изучению иностранного (французского) языка, а также на развитие навыков устной речи в виде свободной направленной дискуссии (вариант дискуссии, в рамках которой обучающиеся могут в произвольном порядке свободно выражать собственное мнение на заранее заданную тему), что позволит

³ L'adoption de Crépon - Roger et ses humains. YouTube: <https://www.youtube.com/watch?v=-yGemrY77Jg> (Дата обращения: 28.08.2024).

подготовить обучающихся к дальнейшим переводческим практикам. Применение поликодового текста (карикатура, кинопостер, короткометражный видеоролик) позволяет одновременно привлечь внимание студентов (аттрактивная функция МФТ), дать новую информацию о лингвокультурных реалиях с помощью переводческого комментария относительно лексических или лингвокультурологических элементов (образовательная функция МФТ), а также вовлечь студентов в переводческую деятельность путём игровых упражнений (имплицативная функция МФТ).

Упражнения, применяемые в рамках основного этапа, в большей степени направлены на развитие переводческих навыков, однако также содержат интерактивные элементы и имеют аттрактивный характер.

Lisez le texte journalistique de nature sociopolitique et traduisez-le en utilisant les équivalents lexicaux et syntaxiques / Прочитайте текст общественно-политического характера и переведите его, используя лексические и синтаксические переводческие трансформации:

L'ESSENTIEL

L'acteur français Alain Delon s'est éteint à l'âge de 88 ans ont annoncé dimanche 18 août ses trois enfants, précisant que le comédien était décédé dans sa maison de Douchy (Loiret).

Deux jours après l'annonce du décès, la France continue de pleurer l'un de ses plus grands acteurs, connus pour ses films comme « La piscine » ou « Le Guépard » et une carrière immense dans le cinéma. Une pluie d'hommages a été rendue à l'acteur iconique.

Alain Delon avait fait les gros titres à l'été 2023 quand ses trois enfants avaient porté plainte contre sa dame de compagnie, Hiromi Rollin, présentée comme sa « dame de compagnie » suspectant un abus de faiblesse⁴.

Студентам также можно предложить выполнение дополнительных заданий, направленных на работу с текстом, примером которых могут являться следующие:

1. *Trouvez les équivalents aux expressions russes suivantes : «сообщение о смерти», «сиделка», «дань уважения», «злоупотребление силой». Comment la forme du mot a-t-elle changé? / Найдите эквиваленты к следующим сочетаниям: сообщение о смерти, сиделка, дань уважения, злоупотребление силой. Как изменилась форма слова? /*

2. *Trouvez dans le texte des phrases qui ne correspondent pas à la syntaxe de la langue française. Donnez les / Найдите в тексте предложения с нарушением стандартного синтаксиса французского языка. Citez leurs traductions. /*

La journaliste nous parle la Bibliothèque rose, une collection de livres jeunesse à succès dans les années 1950 à 1980. Écoutez et remettez les informations principales dans l'ordre du reportage. Lire moins

La Bibliothèque rose est une littérature qui présente des stéréotypes.

Michèle Bodenès est collectionneuse de volumes de Bibliothèque rose.

Dans les années 1950, la collection publie une série d'enquêtes policières.

La collection apparaît en 1856.

Dans la nouvelle édition, des mots et des phrases ont été modifiés.

Рисунок 3. Пример аудиовизуального упражнения для основной части занятия⁵

⁴ Mort d'Alain Delon : Loubo, le chien de l'acteur, échappe à l'euthanasie. 20 Minutes <https://www.20minutes.fr/arts-stars/cinema/4106293-20240820-direct-mort-alain-delon-attente-details-inhumation> (Дата обращения: 02.09.2024).

⁵ Le succès de la Bibliothèque rose. TV5Monde https://apprendre.tv5monde.com/fr/exercice/34647?id_serie=34651&nom_serie=le_succes_de_la_bibliotheque_rose&niveau=b1_intermediaire&exercice=1 (Дата обращения: 28.08.2024).

Задания к аудиовизуальному тексту:

1. *Faites la transcription du texte audio de la vidéo présentée en groupes: le groupe A transcrit le texte de la voix off, le groupe B transcrit le texte de l'interview. Vous pourrez écouter le texte trois fois.*

2. *Voici un plan du texte écouté. Effectuez une traduction simultanée du texte en vous appuyant sur le plan présenté.*

/ 1. Протранскрибируйте аудиотекст представленного видеосюжета по группам: группа А транскрибирует закадровый текст, группа Б транскрибирует текст интервью. Вы сможете прослушать текст трижды.

2. Вам предлагается план прослушанного текста. Выполните синхронный перевод текста с опорой на представленный план. /

Упражнения основного этапа занятия направлены на отработку практических навыков перевода у студентов на актуальном аутентичном или учебном материале. Для групп студентов с уровнем владения языком В1 предъявляются адаптированные тексты; группам студентов с уровнем владения французским языком В2-С1 – аутентичные тексты без адаптированных элементов, однако возможным является добавление переводческих или библиографических сносок. Упражнения данного цикла являются более сложными и объёмными, требуют от студентов больше времени на выполнение, чем упражнения вводного цикла. В упражнения основного цикла в большей степени выражен экстралингвистический контекст и прецедентная насыщенность малоформатных текстов.

Рассмотрим упражнения для заключительного этапа занятия. Основной функцией данного типа упражнений становится закрепление учебного материала и подготовка к выполнению домашнего задания.

Рисунок 4. Пример использования афиш как упражнения для заключительного этапа занятия⁶

Задания к упражнению:

1. *Chacun de vous a reçu une carte représentant une affiche de cinéma d'un film français contemporain. Trouvez, nommez et notez autant d'éléments culturels que possible par lesquels vous pouvez identifier le film en tant que français (par exemple une image de la tour Eiffel ou du drapeau français).*

2. *Échangez vos cartes. Choisissez l'un des caractères notés et parlez-en (de quoi s'agit-il, de son importance pour la Linguistique française, etc.).*

⁶ SensCritique <https://www.senscritique.com/films> (Дата обращения: 08.09.2024).

3. *Trouvez la traduction du titre et du slogan du film. Faites attention non seulement au côté significatif, mais aussi à l'attractivité du texte pour le spectateur potentiel (son émotivité, etc.).*

4. *Devoir: trouvez et préparez un texte contenant des informations sur l'un des sites culturels importants de la République Française.*

/ 1. Вы получили карточку, изображающую киноафишу современного французского кинофильма. Найдите, назовите и запишите как можно больше культурных элементов, по которым вы можете идентифицировать данный фильм как французский (например, изображение Эйфелевой башни или французского флага).

2. Обменяйтесь карточками. Выберите один из записанных символов и расскажите о нём (что это, какое значение он имеет для французской лингвокультуры и т.д.).

3. Предложите вариант перевода заголовка и слогана кинофильма. При переводе обратите внимание не только на содержательную сторону, но и на привлекательность текста для потенциального зрителя (броскость, эмоциональность).

4. Домашнее задание: найдите и подготовьте текст, содержащий информацию об одном из значимых культурных объектов Французской Республики./

Задания заключительного этапа должны быть менее сложными и объёмными, чем задания основного этапа занятия, так как их основной функцией является подготовка студентов к выполнению домашнего задания и создание положительного образа проведённого занятия для закрепления устойчивой мотивации к углублённому изучению французского языка.

Заключительным этапом разработок является создание комплекса упражнений для самостоятельной работы студентов в рамках домашнего задания.

Рисунок 5. Пример упражнения для самостоятельной работы⁷

Возможное задание к упражнению:

1. *Traduisez une courte vidéo du français en russe / du russe en français par écrit.*

2. *Lisez et traduisez les commentaires sur la vidéo en respectant le registre linguistique (courant, soutenu, familier).*

/ 1. Выполните письменный перевод короткометражного видеоклипа с французского языка на русский язык / с русского языка на французский язык.

2. Прочитайте и переведите комментарии к видео, сохраняя языковой регистр (разговорный, литературный, сниженный)./

Ещё одним вариантом упражнений для самостоятельной отработки может стать самостоятельный поиск лексики в малоформатных текстах.

⁷ Meilleures ennemies. AlloCiné https://www.allocine.fr/film/fichefilm_gen_cfilm=133173.html (Дата обращения: 15.09.2024).

Рисунок 6. Пример упражнения для самостоятельного поиска лексики⁸

Возможное задание к упражнению:

1. *Relevez du texte les mots et les expressions qui nécessitent une transformation lexicale.*
2. *Relevez des informations factuelles (noms, noms géographiques, positions) du texte et notez-les. Trouvez leurs équivalents russes.*
3. *Relevez 5 à 10 mots du texte et donnez leur interprétation détaillée en français.*
/ 1. *Найдите в тексте слова и словосочетания, для перевода которых необходимо применить переводческую трансформацию.*
2. *Найдите в тексте фактологически значимую информацию (имена, географические названия, должности) и выпишите их. Найдите для них переводческие эквиваленты.*
3. *Выпишите из текста 5-10 слов и дайте им развёрнутое определение на французском языке./*

Задания 1-2 данного упражнения позволят выполнить поиск эквивалентов, в то время как задание 3 направлено на поиск лексических соответствий к описанию предъявленных дефиниций. Оба типа упражнений позволят студентам улучшить навыки работы с переводом как самого текста, так и отдельных лексем, в том числе обладающих прецедентным значением.

При выполнении упражнения малоформатные тексты выдаются обучающимся в качестве индивидуальных заданий, а результаты самостоятельной работы студентов могут быть использованы как вводные элементы занятия. В таком случае студенты должны иметь персональные тексты для самостоятельной работы. На занятии в аудитории можно предложить студентам по очереди предлагать найденные варианты и провести коллективный поиск эквивалентов на языке перевода, что позволит объединить элементы проверки домашнего задания и вводную часть занятия.

Упражнения, предназначенные для самостоятельной работы студентов, должны содержать элементы, целью которых является индивидуальная отработка навыков перевода. Применение малоформатных текстов, а также изучение сетевых комментариев позволит сделать задания данного типа привлекательными для студентов (аттрактивная функция МФТ), а также позволит закрепить навыки последовательного и письменного перевода (интерактивная и интегративная функции МФТ).

⁸ Jour en bref. Le Monde <https://www.lemonde.fr/en-bref/> (Дата обращения: 20.06.2024).

3. Результаты / Results

На данный момент нами могут быть представлены промежуточные результаты, полученные в ходе первичной апробации применения малоформатных текстов в практике обучения переводу. Апробация проводится на базе Российского университета дружбы народов имени Париса Лумумбы и Московского государственного института международных отношений (университета) МИД России в рамках обучения переводу в сфере профессиональных отношений. Проведение апробационных исследований проводилось во 2 семестре 2023-2024 учебного года и продолжится в 1 семестре 2024-2025 учебного года на кафедре иностранных языков РУДН имени Патриса Лумумбы (очное и очно-заочное отделения) и на кафедре французского языка МГИМО МИД России.

Промежуточные результаты, полученные в ходе частичной апробации, показывают значительное повышение уровня мотивации студентов, что отражается как в значениях рейтинговых срезов по сравнению с группами, не принимавшими участие в исследовании (контрольные группы), так и в ходе анонимного анкетирования студентов, принимающих участие в данном педагогическом эксперименте по включению малоформатных текстов в практику преподавания перевода с/на французский язык. Анкеты студентов содержали следующие вопросы, касающиеся конкретно применения малоформатных текстов:

1. Укажите элементы обучения, которые, по Вашему мнению, эффективны в обучении переводу. (Вопрос с множественным вариантом ответа: тексты общественно-политической направленности, специализированные аутентичные тексты по специальности, малоформатные тексты, полноформатные видео (длительность до 15 минут), малоформатные видео (длительность до 1,5 минут), полноформатные аудиозаписи (длительность до 15 минут), малоформатные аудиозаписи (длительность до 1,5 минут)).

2. Опишите, почему выбранные Вами в предыдущем вопросе задания эффективны в обучении переводу? Открытый вопрос. Ограничение по количеству знаков: до 400 символов.

3. Как вы оцениваете включение малоформатных текстов (коротких видео и аудио, текстов и карикатур) в процесс обучения? Поставьте оценку от 1 до 10, где 1 – совсем не нравится, 10 – очень нравится.

4. Помогает ли вам отрабатывать навыки перевода применение малоформатных текстов? Поставьте оценку от 1 до 10, где 1 – мешает, 10 – значительно помогает.

5. Повышается ли ваша мотивация к дальнейшему изучению французского языка после включения в учебную программу интерактивных упражнений с малоформатными текстами? Поставьте оценку от 1 до 10, где 1 – уменьшает, 10 – значительно повышает.

6. Помогают ли малоформатные тексты в отработке навыков устного перевода? Поставьте оценку от 1 до 10, где 1 – мешает, 10 – значительно помогает.

7. Помогает ли применение малоформатных текстов в аспекте знакомства с французской лингвокультурой? Поставьте оценку от 1 до 10, где 1 – мешает, 10 – значительно помогает.

8. Напишите, что вы думаете о применении малоформатных текстов в обучении переводу с французского языка.

9. Какой тип малоформатных текстов вы считаете наиболее полезным? (вопрос с выбором ответа: аудиовизуальный текст (видео), аудиотекст, текст, текст с картинкой).

Анкетирование проводилось среди студентов, участвовавших в апробации методики, а также в 5 группах студентов, не принимавших участие в эксперименте (контрольная группа – 57 человек). Общее количество анкет составило 221 экземпляр анонимного заполнения. На данный момент анкета удовлетворенности качества обучения проходит апробацию и может претерпевать ряд изменений, связанных с формулировкой вопросов и формой ответа респондентов. Анкета состоит из 9 вопросов на русском языке, из которых 5 носят оценочный формат, 2 закрытых

вопроса с выбором варианта ответа, включая возможность отказа от выбора, и 2 открытых вопроса с возможностью внесения текстовой информации не более 400 знаков с учётом пробелов (примерно 50-70 слов).

В процессе анализа анкет 11 экземпляров были отбракованы как невалидные (бланки испорчены, подписаны – неанонимны, форма ответа не соответствует содержанию). Таким образом, объём проанализированных материалов составил 148 анкет. Для дальнейшего анализа авторами планируется увеличить количество охваченных апробацией студентов до 500 человек, а также провести сопоставление качественных результатов освоения материала со студентами контрольной группы (не участвующих в апробации студенты, обучающиеся на аналогичных программах у тех же преподавателей – для избегания эффекта влияния персоналий на результаты исследования).

Результаты опроса показывают, что 83% студентов, участвовавших в апробации, отмечают повышение мотивации в обучении переводу. Кроме того, 79% студентов указывают, что применение именно малоформатных текстов помогает отрабатывать навыки как устного, так и письменного перевода. Следует отметить, что 56% студентов подчёркивают, что применение малоформатных текстов помогает в изучении французской лингвокультуры на примерах актуального языкового материала.

Помимо внедрения анкеты для получения объективных результатов исследования нами также проводились стандартные виды контроля в виде рейтинговых и итоговых срезов знаний студентов, как в экспериментальной, так и в контрольной группе. В связи с тем, что на данный момент апробация методики продолжается, в данной статье мы представим промежуточные результаты, полученные в ходе исследования.

Группа /Средние результаты	Рейтинг 1	Рейтинг 2	Рейтинг 3	Итоговый контроль 1	Контроль перевода (устно)	Контроль перевода (письменно)
Экспериментальная	86%	89%	89%	90%	89%	91%
Контрольная	89%	86%	87%	87%	86%	87%

Таблица 1. Результаты рейтинговых и итоговых срезов знаний студентов экспериментальной и контрольной групп

Промежуточные результаты контроля показывают, что применение малоформатных текстов в практике обучения переводу позволяет повысить результаты студентов в области освоения лингвокультурных компетенций, а также при применении различных переводческих приёмов и стратегий. Преподаватели, принимавшие участие в исследовании и оценивании результатов студентов как контрольной, так и экспериментальной групп, указывают, что студенты экспериментальной группы показывают большее разнообразие применяемых переводческих стратегий и демонстрируют большую вариативность при переводе тестов различной направленности, владение различными модальностями и стилями изучаемого иностранного языка.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что применение малоформатных текстов в практике обучения переводу позволяет обеспечить большую вариативность как в аспекте представления различных дискурсов для разнообразия практики перевода, так и обеспечить наличие множественных вариантов заданий и упражнений, индивидуализированных для студентов внутри языковой группы, что, в свою очередь, позволяет интенсифицировать процесс обучения и повысить результаты освоения программы по обучению переводу.

Следует отметить, что в данный момент авторы планируют продолжение апробации внедрения малоформатных текстов в практику обучения переводу.

4. Обсуждение / Discussion

Многочисленные исследования в области применения новых технологий, в частности малоформатных текстов, в практике обучения иностранным языкам в различных аспектах (лексико-грамматические навыки, домашнее чтение, перевод, общие языковые навыки) показывают, что интерактивизация и использование нового формата аутентичных текстов положительно сказывается на мотивации студентов к обучению иностранному языку в целом и отдельным языковым навыкам в частности.

Каналогичным выводам приходят в своих исследованиях М.А. Бородина и Л.А. Апанасюк [4], [5], Н.В. Гулина [8], Г.И. Денисова и И.А. Маскинскова [10], Т.Д. Ладыжникова и В.И. Ладыжникова [13], О.А. Морозова и Р.А. Илаева [14]. Наши предыдущие исследования, посвящённые применению новых педагогических технологий [15], [19] и отдельных типов малоформатных текстов в практике преподавания иностранных языков [1, 11], также демонстрируют эффективность применения малоформатных текстов в практике обучения иностранным языкам, в частности отдельным аспектам обучения французскому языку.

Обучение практике перевода представляет собой комплексный подход к формированию и развитию навыков различной переводческой деятельности (письменного, последовательного, синхронного перевода), а также развитию фоновых и экстралингвистических навыков, характерных для углублённого изучения иностранному языку.

Применение нового вида аутентичных и учебных текстов в виде малоформатных текстовых элементов позволит познакомить будущих специалистов с новейшими тенденциями развития языка и продемонстрировать практические аспекты применения навыков перевода (таких, как создание ряда субтитров или локализация новостных брифов), а также познакомиться с актуальными реалиями страны изучаемого языка.

Внедрение малоформатных текстов в процесс обучения профессиональному переводу является перспективной практикой, которая не предполагает отказ от полноформатных текстов, являющихся традиционным материалом обучения. Добавление малоформатных текстов (моно- и поликодовых) позволяет интерактивизировать процесс обучения переводу и повысить интерес студентов к изучению иностранного языка.

© В.Е. Анисимов, Е.Д. Анисимова, М.К. Огородов, 2024

Список литературы

1. Анисимов В.Е. Кинофильм как инструмент формирования российского культурно-языкового пространства в полиэтничном классе / В.Е. Анисимов, А. С. Борисова, Ю. С. Соловьева // Сборник материалов Второго Всероссийского научно-практического семинара для учителей общеобразовательных организаций, работающих в классах с полиэтничным составом учащихся, Москва, 14 марта 2019 года / Под общей редакцией Т.М. Балыхиной. Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2019. С. 222-229.
2. Анисимов В.Е. Шортс, рилс и клип как субвидеа интернет-, кино- и медиадискурса / В. Е. Анисимов, Е. Д. Анисимова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17, № 7. С. 2386–2398. DOI 10.30853/phil20240340.
3. Беляева И. Г. Творческие задания, формирующие, развивающие и закрепляющие языковые и коммуникативные навыки на уроках иностранного языка / И.Г. Беляева, Е.А. Самородова, М.К. Огородов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 5–3. С. 17–21. DOI 10.37882/2223-2982.2021.05-3.03.
4. Бородина М.А. Использование аутентичных материалов при обучении английскому языку / М.А. Бородина, Л.А. Апанасюк // Учёные записки Российского государственного социального университета. 2023. Т. 22, № 2 (167). С. 126–132. DOI 10.17922/2071-5323-2023-22-2-126-132.
5. Бородина М.А. Дидактическая составляющая визуально-мультимедийного обучения иностранным языкам в профессиональном образовании / М.А. Бородина, Л.А. Апанасюк // Педагогическое образование и наука. 2024. № 2. С. 56–64. DOI 10.56163/2072-2524-2024-2-56-63.

6. Брыскина И.Е. Обучение литературному и профессионально ориентированному переводу на билингвальной основе в условиях неязыкового Вуза / И. Е. Брыскина, Н. И. Суханова // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота. 2014. № 6 (36): в 2-х ч. Ч. I. – С. 35–37. ISSN 1997–2911.
7. Волкова З.Н. Обучение переводу в современной высшей школе: задачи и пути решения / З.Н. Волкова, А.В. Литвинов, О.Е. Чернова // *Вестник Университета Российской академии образования*. 2016. (2). С. 20–26.
8. Гулина Н.В. Современные образовательные технологии и методики в преподавании английского языка / Н.В. Гулина // *Мировая наука*. 2023. № (2 (71)). С. 81–85.
9. Гундаева Ю.О. Особенности перевода игровых малоформатных текстов (на материале игры League of Legends) / О.Ю. Гундаева, А.Б. Тархова // XLVIII Самарская областная студенческая научная конференция. 2022. Т. 2. С. 148–149.
10. Денисова Г.И. Организация домашнего чтения по роману Э. М. Ремарка «На западном фронте без перемен» в обучении немецкому языку будущих бакалавров лингвистики / Г.И. Денисова, И.А. Маскинкова // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2017. № 5–2 (71). С. 175–177.
11. Калининкова Е. Д. Особенности изучения иностранного языка в высшей школе / Е. Д. Калининкова, Е. Ф. Лях // *Проблемы современного образования : Межвузовский сборник научных трудов: международное издание* / Науч. редактор В.И. Казаренков. Том Выпуск 12. Москва : Российский университет дружбы народов (РУДН), 2019. С. 164–168.
12. Куковская А.Б. Стратегии перевода полимодальных текстов: из опыта обучения студентов профессионально ориентированному переводу с английского на русский язык / А.Б. Куковская // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота. 2020. Т. 13. № 12. С. 306–311. ISSN 1997–2911.
13. Ладыжникова Т.Д. Новый подход в обучении иностранному языку студентов неязыковых специальностей в контексте трансформации российского образования / Т.Д. Ладыжникова, В.И. Ладыжникова // *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2023. № (4 (115)). С. 190–200.
14. Морозова О.А. Эффективность использования мобильных технологий в процессе обучения английскому языку / О.А. Морозова, Р.А. Илаева // *Проблемы современного педагогического образования*. 2018. № 59–2. С. 256–259.
15. Нелюбова Н.Ю. Особенности функционирования современного языка в интернет-пространстве (на материале французского и испанского языков) / Н. Ю. Нелюбова, Е. Д. Калининкова, Л. А. Говорова // *Вопросы прикладной лингвистики*. 2021. № 43. С. 61–88.
16. Сдобников В.В. Новые тенденции в переводоведении / В.В. Сдобников // *Казанский вестник молодых учёных*. 2018. 2 (4 (7)). С. 72–79.
17. Хусаинова М.А. Малоформатные тексты в образовательном дискурсе / М.А. Хусаинова, С.А. Стройков // *Наука. Образование. Современность (Science. Education. The present)*. 2023. (4). С. 52–59. DOI: 10.23672/SEM.2023.47.62.004.
18. Черкунова М.В. Малоформатный текст: к определению понятия (теоретические аспекты) / М.В. Черкунова // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика*. 2022. 22 (3). С. 248–253.
19. Alexander P.A. The Disciplined Reading and Learning Research Laboratory Reading into the future: Competence for the 21st century // *Educational Psychologist*. 2012. 47(2). P. 259–280.
20. Anisimov V.E. Formation of Innovative Personality Traits in the Course of Teaching English / V.E. Anisimov // 2023 International Conference on Engineering Management of Communication and Technology, EMCTECH 2023: Proceedings, Vienna, Austria, 16–18 октября 2023 года. New York: Institute of Electrical and Electronics Engineers Inc., 2023. P. 10297002. DOI: 10.1109/EMCTECH58502.2023.10297002.
21. Anisimov V.E. Localization of the French Linguoculture Concepts in the English-Language Film Discourse through the Intertextuality / V. E. Anisimov, E. D. Anisimova // *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*. 2024. Vol. 15, No. 2. P. 499–519. DOI 10.22363/2313-2299-2024-15-2-499-519.
22. Azevedo R. Does training on self-regulated learning facilitate students' learning with hypermedia? / R. Azevedo, J.G. Cromley // *Journal of Educational Psychology*. 2004. 96(3). P. 523–535.
23. Batayneh K.A. Effectiveness of the Semiotic Strategy of Teaching English in Developing Speaking Skills among the Basic Stage Students / K. A. Batayneh, H. G. Maabreh, Z. Alabdallah [et al.] // *Journal of Positive School Psychology*. 2022. Vol. 6, No. 6. P. 858–873.
24. Bråten I. The role of epistemic beliefs in the comprehension of multiple expository texts: Toward an integrated model / I. Bråten, M.A. Britt, H.I. Strømsø et al. // *Educational Psychologist*. 2011. 46(1). P. 48–70.
25. Cho B.-Y. Reading on the Internet: Realizing and Constructing Potential Texts / B.-Y. Cho, P. Afflerbach // *Journal of Adolescent & Adult Literacy*. 2015. P. 387. DOI: 58. 10.1002/jaal.387.
26. Coiro J. Exploring the online reading comprehension strategies used by sixth-grade skilled readers to search for and locate information on the Internet / J. Coiro, E. Dobler // *Reading Research Quarterly*. 2007. 42(2). P. 214–257.
27. Dugalich N.M. Increasing efficiency of foreign-language teaching: gamification technologies in education / N. M. Dugalich, N. V. Alontseva, Yu. A. Vasilieva [et al.] // *Revista Inclusiones*. 2020. Vol. 7, No. S3–2. P. 151–163.
28. Goldman S. R. Comprehending and learning from Internet sources: Processing patterns of better and poorer learners / Goldman, S. R., Braasch, J., Wiley, J., et al. // *Reading Research Quarterly*. 2012. 47(4). P. 356–381.
29. Halamish V. Can very small font size enhance memory? // *Memory & Cognition*. 2018. 46. P. 123–125. DOI: 10.3758/s13421-018-0816-6.
30. Hartman D.K. Eight readers reading: The intertextual links of proficient readers reading multiple passages // *Reading Research Quarterly*. 1995. 30(3). P. 520–561.
31. Khranchenko D.S. How headlines communicate: A functional-pragmatic analysis of small-format texts in English-language mass media / D.S. Khranchenko // *Training, Language and Culture*. 2023. Vol. 7, No. 2. P. 30–38. DOI: 10.22363/2521-442X-2023-7-2-30-3827.

32. Khranchenko D. The synergy of modern Business English discourse: holistic approach to teaching unconventional rhetoric / D. Khranchenko, A. Radyuk // *Proceedings of INTED2014 Conference*, 10th –12th March 2014, Valencia, Spain. P. 6779–6783. EDN: <https://www.elibrary.ru/vzqse>.
33. Mell L. Les nouvelles formes de l'e-publicité / L. Mell // *Terminal*. 2009. № 10 (4). P. 103–104.

References

1. Anisimov, V.E. Kinofil'm kak instrument formirovaniia rossijskogo kul'turno-iazykovogo prostranstva v polietnicheskom klasse [Film as a tool for forming the Russian cultural and linguistic space in a multi-ethnic class]. / V.E. Anisimov, A.S. Borisova, Iu.S. Solovieva. // *Collection of materials of the Second All-Russian scientific and practical seminar for teachers of general education organizations working in classes with a multi-ethnic student body*, Moscow, March 14, 2019 / Under the general editorship of T.M. Balykhina. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia (RUDN), 2019. P. 222–229.
2. Anisimov, V.E., Anisimova, E.D. Shorts, rils i klip kak subvidema internet-, kino- i mediadiskursa [Shorts, reels and clip as a subvidema of the Internet, film and media discourse]. // *Philology. Theory & Practice*, 2024. Vol. 17. No 7. 2386–2398. DOI: 10.30853/phil20240340.
3. Belyaeva, I. G., Samorodova, E. A. Tvorcheskies zadaniia, formiruiushchie, razvivaiushchie i zakreplaiushchie iazykovye i kommunikativnye navyki na urokakh inostrannogo iazyka [Creative tasks that form, develop and consolidate language and communication skills in foreign language lessons] / I.G. Belyaeva, E.A. Samorodova, M.K. Ogorodov // *Modern Science: actual problems of theory & practice. Series: Humanities*, 2021. Vol. 5–3. P. 17–21. DOI: 10.37882/2223-2982.2021.05-3.03.
4. Borodina, M.A., Apanasyuk L.A. Ispol'zovanie autentichnykh materialov pri obuchenii angliiskomu iazyku [Teaching English by Means of Authentic Materials]. // *Scientific Notes of the Moscow State Social University*, 2023. Vol. 22. No 2(167), P. 126–132. DOI: 10.17922/2071-5323-2023-22-2-126-132.
5. Borodina, M.A., Apanasyuk L.A. Didakticheskaiia sostavliaiushchaia vizual'no-mul'timedijnogo obucheniia inostrannym iazykam v professional'nom obrazovanii [Didactic Component of Visual and Multimedia Teaching of Foreign Languages in Vocational Education]. // *Pedagogical education and training*, 2024. Vol. 2. P.56-64. DOI: 10.56163/2072-2524-2024-2-56-63.
6. Bryskina, I.E., Sukhanova, N.I. Obuchenie literaturnomu i professional'no orientirovannomu perevodu na bilingval'noy osnove v usloviiakh neiazykovogo Vuza [Teaching Literary and Professionally Oriented Translation on the Bilingual Basis in Nonlinguistic Higher Education Establishment]. // *Philology. Theory & Practice*, 2014. Vol. 6. No 36: Part I, 35–37. ISSN: 1997–2911.
7. Volkova, Z.N., Litvinov A.V. Obuchenie perevodu v sovremennoi vysshei shkole: zadachi i puti resheniia [Teaching translation in a modern high school: tasks and solutions] / Z.N. Volkova, A.V. Litvinov, O.E. Chernova // *Bulletin of the University of the Russian Academy of Education*, 2016. Vol. 2. 20–26.
8. Gulina, N.V. Obuchenie perevodu v sovremennoi vysshei shkole: zadachi i puti resheniia [Modern Educational Technologies and Methods in Teaching English]. // *World Science*, 2023. Vol. 2 No 71. P. 81–85.
9. Gundaeva Yu.O., Tarhova A.B. Osobennosti perevoda igrovyykh maloformatnykh tekstov (na materiale igry League of Legends) [Features of translation of small-format game texts (based on the game League of Legends)]. // *XLVIII Samara Regional Student Scientific Conference*, 2022. №2. P. 148–149.
10. Denisova G.I., Maskinskova I.A. Organizatsiia domashnego chteniia po romanu E. M. Remarka «Na zapadnom fronte bez peremen» v obuchenii nemetskomu iazyku budushchikh bakalavrov lingvistiki [The Organization of Home Reading of E.M. Remarque's Novel "All Quiet on the Western Front" in Teaching the German Language to Future Bachelors in Linguistics]. // *Philology. Theory & Practice*, 2017. Vol. 5–2 (71). P. 175–177.
11. Kalinnikova, E. D., Lyakh E. F. Osobennosti izucheniia inostrannogo iazyka v vysshei shkole [Features of studying a foreign language in higher education]. // *Problems of modern education: Interuniversity collection of scientific papers: international edition / Scientific editor V. I. Kazarenkov*. 2019. Vol. 12. Moscow: Peoples' Friendship University of Russia (RUDN). P. 164–168.
12. Kukovskaya, A.B. Strategii perevoda polimodal'nykh tekstov: iz opyta obucheniia studentov professional'no orientirovannomu perevodu s angliiskogo na russkii iazyk [Strategies to Translate Polymodal Texts: From the Experience of Teaching Professionally Oriented English-Russian Translation]. // *Philology. Theory & Practice*, 2020. Vol. 13. No 12. P. 306–311. ISSN: 1997-2911.
13. Ladyzhnikova, T.D., Ladyzhnikova, V.I. Novyy podkhod v obuchenii inostrannomu iazyku studentov neiazykovykh spetsial'nostej v kontekste transformatsii rossijskogo obrazovaniia [A new approach to teaching a foreign language to students of non-linguistic majors in the context of the Russian education transformation]. // *Vestnik ChSU*, 2023. Vol. 4. No 115, P. 190–200.
14. Morozova, O.A., Ilaeva, R.A. Effektivnost' ispol'zovaniia mobil'nykh tekhnologij v protsesse obucheniia angliiskomu iazyku [Efficiency of using mobile technologies in the process of teaching English]. // *Problems of modern pedagogical education*, 2018. Vol. 59. No 2. P. 256–259.
15. Neliubova N.Yu., Kalinnikova, E.D. Osobennosti funktsionirovaniia sovremennogo iazyka v internet-prostranstve (na materiale frantsuzskogo i ispanskogo iazykov) [The features of functioning of the modern language in the Internet space (based on the material of French and Spanish languages)]. / N.Yu. Neliubova, E.D. Kalinnikova, L.A. Govorova // *Issues of Applied Linguistics*, 2021. Vol. 43. P. 61–88.
16. Sdobnikov, V.V. Novye tendentsii v perevodovedenii [New trends in translation studies] // *Kazan Bulletin of Young Scientists*, 2018. Vol. 2. No 4(7). P. 72–79.
17. Khusainova, M.A., Stroikov, S.A. Maloformatnye teksty v obrazovatel'nom diskurse [Small-format texts in educational discourse]. // *Science. Education. The present*, 2023. No 4. P. 52–59. DOI: 10.23672/SEM.2023.47.62.004.
18. Cherkunova, M.V. Maloformatny tekst: k opredeleniiu poniatiia (teoreticheskie aspekty) [Small-format text: The notion revisited (Theoretical aspects)]. // *Izvestiia of Saratov University. Philology. Journalism*, 2022. Vol. 22 No 3. P. 248–253.

19. Alexander, P. A. The Disciplined Reading and Learning Research Laboratory Reading into the future. Competence for the 21st century. // *Educational Psychologist*, 2012. Vol. 47. No 2. P. 259–280.
20. Anisimov, V.E. Formation of Innovative Personality Traits in the Course of Teaching English. 2023 International Conference on Engineering Management of Communication and Technology, EMCTECH 2023: *Proceedings, Vienna, Austria, 16–18 октября 2023 года*. New York: Institute of Electrical and Electronics Engineers Inc., 2023. P. 10297002. DOI: 10.1109/EMCTECH58502.2023.10297002.
21. Anisimov, V. E., Anisimova E.D. Localization of the French Linguoculture Concepts in the English-Language Film Discourse through the Intertextuality. // *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2024. Vol. 15, No. 2. P. 499–519. DOI: 10.22363/2313-2299-2024-15-2-499-519.
22. Azevedo, R., Cromley, J. G. Does training on self-regulated learning facilitate students' learning with hypermedia? // *Journal of Educational Psychology*, 2004. Vol. 96. No 3. P. 523–535.
23. Batayneh K.A., Maabreh H.G., et al. Effectiveness of the Semiotic Strategy of Teaching English in Developing Speaking Skills among the Basic Stage Students. // *Journal of Positive School Psychology*, 2022. Vol. 6, No. 6. P. 858–873.
24. Bråten, I., Britt, M. A., Strømso, H. I., et al. The role of epistemic beliefs in the comprehension of multiple expository texts: Toward an integrated model // *Educational Psychologist*, 2011. Vol. 46 (1). P. 48–70.
25. Cho, B.-Y., Afflerbach, P. Reading on the Internet: Realizing and Constructing Potential Texts // *Journal of Adolescent & Adult Literacy*, 2015. Vol. 387. DOI: 58. 10.1002/jaal.387.
26. Coiro, J., Dobler, E. Exploring the online reading comprehension strategies used by sixth-grade skilled readers to search for and locate information on the Internet // *Reading Research Quarterly*, 2007. Vol. 42. No 2. P. 214–257.
27. Dugalich, N.M., Alontseva N.V., et al. Increasing efficiency of foreign-language teaching: gamification technologies in education. // *Revista Inclusiones*, 2020. Vol.7. No. S3-2. P. 151–163.
28. Goldman, S.R., Braasch, J., Wiley, J., et al. Comprehending and learning from internet sources: Processing patterns of better and poorer learners // *Reading Research Quarterly*, 2012. Vol. 47. No. 4. P. 356–381.
29. Halamish, V. Can very small font size enhance memory? // *Memory & Cognition*, 2018. Vol. 46. P. 123–125. DOI: 10.3758/s13421-018-0816-6.
30. Hartman, D.K. Eight readers reading: The intertextual links of proficient readers reading multiple passages. // *Reading Research Quarterly*, 1995, Vol. 30. No 3. P. 520–561.
31. Khramchenko, D.S. How headlines communicate: A functional-pragmatic analysis of small-format texts in English-language mass media. // *Training, Language and Culture*, 2023. Vol. 7. No. 2. P. 30–38. DOI: 10.22363/2521-442X-2023-7-2-30-3827.
32. Khramchenko, D., Radyuk, A. The synergy of modern Business English discourse: holistic approach to teaching unconventional rhetoric // *Proceedings of INTED2014 Conference*, 10th-12th March 2014, Valencia, Spain, P. 6779–6783. EDN: <https://www.elibrary.ru/vzqse>
33. Mell, L. Les nouvelles formes de l'e-publicité. // *Terminal*, 2009. Vol. 10. No 4. P. 103–104.

Сведения об авторах:

Анисимов Владислав Евгеньевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка МГИМО МИД России (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: дискурс-анализ, кинодискурс, французский язык, когнитивная лингвистика, перевод и переводоведение. E-mail: anisimov.vladislav.95@mail.ru ORCID ID: 0000-0002-6006-3965.

Анисимова Екатерина Дмитриевна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры английского языка института общественных наук Российской академии народного хозяйства при Президенте РФ, аспирант кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН имени Патриса Лумумбы (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: когнитивная лингвистика, французский язык, лингвокультурология, рекламный дискурс. E-mail: kate.dk01@gmail.com ORCID ID: 0000-0002-9854-3921

Огородов Михаил Константинович – кандидат филологических наук, заведующий кафедрой французского языка МГИМО МИД России (Россия, Москва). Сфера научных и профессиональных интересов: перевод и переводоведение, перевод для специальных целей, французский язык, методика преподавания иностранного языка. E-mail: mkogo@mgimo.ru ORCID ID: 0000-0002-6140-0513.

About the authors:

Vladislav E. Anisimov – PhD, is Associate Professor of the French Language Department at MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Russia, Moscow). Research and professional interests: discourse analysis, film discourse, the French language, cognitive linguistics, translation and translation studies. E-mail: anisimov.vladislav.95@mail.ru ORCID ID: 0000-0002-6006-3965

Ekaterina D. Anisimova – PhD, is Lecturer at the Department of the English Language at the Institute of Social Sciences of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (The Presidential Academy, RANEP), postgraduate student of the Foreign Languages Department of the Philological Faculty at RUDN University named after Patrice Lumumba (Russia, Moscow). Research and professional interests: cognitive linguistics, the French language, linguocultural studies, advertising discourse.

E-mail: kate.dk01@gmail.com ORCID ID: 0000-0002-9854-3921.

Mikhail K. Ogorodov – PhD, is Head of the French Language Department at MGIMO. Scientific and professional interests: translation and translation studies, translation for special purposes, the French language, methods of teaching foreign languages.. E-mail: mkogo@mgimo.ru ORCID ID: 0000-0002-6140-0513

* * *

“Soviet Pushkin” in Latin America: How to Translate the Myth? Dovlatov’s “Pushkin Hills” in Brazil and Argentina

Yulia I. Mikaelyan

MGIMO UNIVERSITY

76, prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. . The article aims to analyze the translations of Sergei Dovlatov’s novella “Pushkin Hills” into Spanish (Argentine national version) and Portuguese (Brazilian national version). In both countries, the translations were published in 2016; these were the first publications of Dovlatov’s works in a separate book in Latin America. Based on the comparative text analysis within the communicative-functional approach framework, the strategies of translating the novella as a “text of culture” according to the concept of Yury Lotman are investigated, taking into account its inherent intertextuality and allusions to the figure of the poet Alexandre Pushkin and the Soviet Pushkin myth. According to the myth, which had developed by the 1970s, Pushkin appears in the mass consciousness as an ideal man with an impeccable biography, whose facial features and program works are well known to any Soviet schoolchild. In Dovlatov’s work, the Pushkin Museum-Reserve appears as a kind of the “Soviet Pushkin” pantheon, which has little to do with the real poet, and where staff and tourists bow before Pushkin with an almost religious fervor. The main instrument of the Soviet myth’s deconstruction is the author’s irony, which appeals to implicit knowledge, absent in the bearer of another culture. Such semantic load makes the translator’s task much more difficult.

Due to the peculiarities of the comic effects associated with Pushkin’s myth, as well as the focus of the author’s irony on the recipient of the translation, the popular strategy of domestication, i.e. adapting humor to the culture of translation, turns out to be inapplicable. As demonstrated by the analysis, despite the ignorance of the original text’s culture realities by native speakers of different cultures, the translators managed to largely convey the linguistic and cultural uniqueness of the novella thanks to the preface, introducing the reader to Pushkin’s myth, and comments.

Keywords: S. Dovlatov, Russian literature, humorous prose, translation studies, translation strategies, intertext, Pushkin’s myth

For citation: Mikaelyan Yu.I. (2024). “Soviet Pushkin” in Latin America: how to translate the myth? Dovlatov’s “Pushkin Hills” in Brazil and Argentina. *Linguistics & Polyglot Studies*, 10(4), pp. 89–100. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-4-41-89-100>

«Советский Пушкин» в Латинской Америке: как перевести миф? О переводах повести С. Довлатова «Заповедник» в Бразилии и Аргентине

Ю.И. Микаэлян

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. Статья посвящена анализу переводов повести Сергея Довлатова «Заповедник» на испанский (аргентинский национальный вариант) и португальский (бразильский национальный вариант) языки, выполненных аргентинскими и бразильскими переводчиками соответственно. В обеих странах переводы книги были опубликованы в 2016 году, это были первые публикации произведений Довлатова отдельной книгой на латиноамериканском континенте. Стратегии перевода в работе исследуются на основе сопоставительного анализа исходного текста и текстов перевода в рамках коммуникативно-функционального подхода. В то же время, учитывая присущую повести интертекстуальность и насыщенность аллюзиями на фигуру поэта А.С. Пушкина и советского мифа о Пушкине, оказывается возможен её анализ как текста культуры в соответствии с концепцией Ю.М. Лотмана. Согласно советскому мифу о поэте, который сложился к 70-м гг. прошлого века, Пушкин предстаёт в массовом сознании как идеальный человек с безупречной биографией, чьи черты лица, а также строки из программных произведений хорошо известны любому советскому школьнику. В произведении Довлатова пушкинский музей-заповедник предстаёт своеобразным пантеоном «советского Пушкина», имеющим мало отношения к реальной фигуре поэта, в котором сотрудники и туристы преклоняются перед «солнцем русской поэзии» с почти религиозным рвением. Главным инструментом деконструкции «советского» пушкинского мифа в тексте служит авторская ирония, нередко апеллирующая к имплицитным знаниям русского (или советского) читателя, которые отсутствуют у читателя-носителя другой культуры. Подобная смысловая нагруженность повести значительно усложняет задачу переводчика.

В силу особенностей комических эффектов, связанных с пушкинским мифом в заповеднике, а также ориентированности авторской иронии на получателя перевода, популярная стратегия доместикации, то есть адаптации юмора под культуру перевода, оказывается неприменима в процессе перевода. Как продемонстрировал проведённый анализ, несмотря на то, что из-за незнания носителями разных культур реалий культуры исходного текста часть авторского замысла всегда теряется в переводе, переводчикам удалось в значительной мере передать языковое и культурное своеобразие повести благодаря предисловию, знакомящему читателя с пушкинским мифом, и комментариям.

Ключевые слова: С. Довлатов, русская литература, юмористическая проза, переводоведение, интертекст, стратегии перевода, Пушкинский миф

Для цитирования: Микаэлян Ю.И. (2024). «Советский Пушкин» в Латинской Америке: как перевести миф? О переводах повести С. Довлатова «Заповедник» в Бразилии и Аргентине.. *Филологические науки в МГИМО*. 10(4), С. 89–100. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-4-41-89-100>

1. Введение

В условиях глобального мира растёт актуальность исследований в области межкультурной коммуникации, и литература создаёт пространство для диалога между культурами, для обмена идеями и ценностями. Однако разница культур нередко не позволяет читателю уловить все оттенки смыслов и особенности авторского замысла оригинального произведения, и одной из задач художественного перевода становится адаптация текста перевода для наиболее адекватного его понимания иностранным читателем, с учётом разного культурного багажа и фоновых знаний.

Цель данной статьи – выявить оптимальные стратегии перевода произведений С. Довлатова на примере его повести «Заповедник» как «текста культуры», учитывая присущую ей интертекстуальность. Для этого необходимо исследовать механизмы деконструкции «советского» пушкинского мифа в повести С. Довлатова «Заповедник», выявив соответствующие интертекстемы. На основе сопоставительного анализа текстов в рамках коммуникативно-функционального подхода мы проанализируем некоторые стратегии перевода повести на аргентинский национальный вариант испанского языка и бразильский национальный вариант португальского языка, предпринятые переводчиками из Аргентины и Бразилии для сохранения и адекватной передачи заложенных автором смыслов.

«Заповедник» – это, возможно, одно из самых сложных для понимания иностранцами произведений писателя. Оно характеризуется глубокой интертекстуальностью, насыщенностью аллюзиями к ряду важнейших текстов русской культуры. Также усложняет перевод повести на иностранные языки и тесное переплетение в повествовании важнейших символов русской и советской культуры, без понимания и осознания которых читатель не способен понять многие шутки и уловить авторскую иронию, являющуюся визитной карточкой писателя – на специфическом юморе и тонкой иронии строится практически всё творчество С. Довлатова.

Поэтому многие исследователи считают повесть «Заповедник» одним из самых сложных и совершенных произведений писателя [7, с. 328]. В ней С. Довлатов перерабатывает собственный опыт работы экскурсоводом в музее-заповеднике «Пушкинские горы» в 1976–1977 гг., незадолго до эмиграции в США. В письме своему издателю, писателю И. Ефимову, говоря о замысле повести, Довлатов объяснял, что пытался «изобразить находящегося в Пушкинском заповеднике литературного человека, проблемы которого лежат в тех же аспектах, что и у Пушкина: деньги, жена, творчество и государство» [17, с. 233]. Страдающий от нехватки денег и невозможности публиковаться в СССР, будучи на грани развода с женой, персонаж Бориса Алиханова приезжает в Пушкинский заповедник, чтобы попытаться выйти хотя бы из творческого кризиса, и оказывается в «мавзолее» Пушкина [там же].

Главный герой, писатель-неудачник Алиханов, которого И.Н. Сухих называет автопсихологическим образом С. Довлатова [18, с. 51], обнаруживает в заповеднике своеобразный культ почитания, сложившийся вокруг советского мифа о Пушкине, и который не имеет ничего общего с реальной фигурой поэта. Таким образом, в повести предпринимается попытка деконструкции официального образа «советского Пушкина» в попытках найти «Пушкина настоящего». Тесная связь текста «Заповедника» с пушкинским текстом и мифом представляет отдельную сложность для понимания, поскольку, как правило, в большинстве случаев зарубежный читатель не обладает достаточными фоновыми знаниями, чтобы обнаружить в тексте авторские отсылки к фигуре поэта и его творчеству. Более того, само имя Пушкина часто оказывается неизвестно иностранцам, ведь для большинства зарубежных читателей по всему миру символами русской литературы являются Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой и А.П. Чехов, а вовсе не Пушкин. Следует отметить, что случай А.С. Пушкина не уникален в истории мировой литературы: как правило, национальные поэты оказываются куда менее известны за рубежом, чем прозаики,

а поэту, по выражению В.В. Набокова, «всегда сложнее перейти национальные границы» [14, с. 507]. Это связано как с большей сложностью перевода поэзии по сравнению с прозой, так и, как правило, с меньшим кругом читателей.

Как отмечает К.И. Баймухаметова, адекватный художественный перевод ставит перед собой цель в точности передать содержание и форму подлинника, в том числе воспроизводя и особенности формы, или же создать на материале языка перевода их адекватные соответствия. Поэтому подлинно адекватным считается перевод, исчерпывающе передающий замысел автора в целом, а также все смысловые нюансы, и полноценно соответствующий исходному тексту формально и стилистически [3, с. 56–57].

В 2016 году переводы повести С. Довлатова «Заповедник» вышли в Бразилии [20] и в Аргентине [19]. Это были первые в Латинской Америке издания произведений С. Довлатова отдельной книгой. Анализ переводов на испанский (Аргентина) и португальский (Бразилия) языки показывает, что в переводе произведения, деконструирующего национальный миф, указанные К.И. Баймухаметовой критерии соблюсти крайне сложно, однако некоторые стратегии позволяют максимально передать оттенки смыслов и особенности авторского замысла оригинального произведения.

2. Деконструкция советского пушкинского мифа в повести «Заповедник»

Как отмечает литературовед и семиотик Б.М. Гаспаров, восприятие текстов А.С. Пушкина носителями русской культуры «неотделимо и от того, как они отложились в творческой памяти последующих русских писателей и поэтов и отпечатались в созданных ими текстах» [6, с. 186]. Так формируется смысловая среда, в которой существует феномен «пушкинского текста», представляющий своего рода «цитатный фонд» носителя русской культуры [11, с. 117].

Частью данного феномена является повесть С. Довлатова «Заповедник», учитывая присущую ей интертекстуальность. Интертекстуальность в данном исследовании мы трактуем в узком смысле, как «текстовую категорию, отражающую соотносённость одного текста с другими, диалогическое взаимодействие текстов в процессе их функционирования, обеспечивающее приращение смысла произведения» [1, с. 104].

Объектом авторской иронии в «Заповеднике» служит «официальный» советский пушкинский миф. Миф вокруг фигуры поэта начал складываться вскоре после его смерти на дуэли в 1837 году и окончательно сформировался к 70-м гг. прошлого века, когда «пушкинские формулы прочно вошли в национальный “набор” клишированных форм» [9, с. 5]. Одна из ярких характеристик советского мифа о Пушкине, которую подвергает критике Довлатов, – его идеологизированность: «советский Пушкин» представляется в массовом сознании как идеальный человек, великий гражданин и «жертва самодержавия» [там же, с. 16]. Следует отметить, что пронизанность идеологией в целом характерна для мифа. Так, российский филолог и историк культуры Е.М. Мелетинский в своей работе «Поэтика мифа» называет миф «первичной моделью идеологии» [12, с. 11]. Схожие идеи выдвигает и французский философ, литературовед и семиолог Р. Барт, утверждавший, что «миф трансформирует историю в идеологию», который также отмечает, что одна из целей мифа – это создание определённого образа реальности, который будет совпадать со стремлениями носителей мифологического сознания [2, с. 111].

Для анализа отражения советского мифа о Пушкине в повести «Заповедник» мы используем понятие «текст культуры», введённое Ю. М. Лотманом в рамках концепции семиотики культуры. Как отмечает учёный, «законы построения художественного текста суть законы построения культуры как целого. Это связано с тем, что сама культура может рассматриваться как сумма сообщений, которыми обмениваются различные адресанты (...) и как одно сообщение, отправляемое коллективным “я” человечества самому себе» [10, с. 175]. Согласно Лотману, текст не только порождает новые смыслы, но является «конденсатором культурной памяти»

[там же, с. 162], а тексты, образующие «общую память культурного коллектива, не только служат средством дешифровки текстов (...), но и генерируют новые» [там же, с. 675]. Безусловно, в этом отношении повесть «Заповедник» служит ярким образцом текста культуры.

С. Довлатов деконструирует советский миф о Пушкине, гиперболизируя его характерные черты. Так, биография поэта и его политические взгляды искажаются сотрудниками заповедника в соответствии с современной идеологией, и даже убийство Пушкина Дантесом на дуэли рассматривается как политический акт.

Пространство заповедника играет важную роль в конструкции пушкинского мифа. Здесь главный герой сталкивается с атмосферой фальши, театральной бутафории. Оказывается, что в имении нет практически ничего аутентичного, принадлежавшего пушкинской эпохе, кроме пейзажа, поскольку во время гражданской войны, в 1918–1922 гг., территория пушкинского имения и соседняя деревня были практически полностью разрушены, а дом, принадлежавший поэту, был снесён его сыном Григорием ещё в 1860 году [15, с. 21]. В этом «исторически недостоверном» пространстве сотрудники заповедника и туристы воспринимают Пушкина как религиозную святыню, а посетителей заповедника называют паломниками.

Мотив подмены, фальши становится одним из лейтмотивов повести, и автор с тонкой иронией разоблачает всю «пушкинскую атрибутику», где большинство музейных экспонатов и даже некоторые элементы пейзажа «оказываются симулякрами, (...) выдумками, выдающими себя за правду» [18, с. 134]. Как замечают Орлова и Петренко, «подлинный Пушкин оказался едва различим, скрытый за ложными знаками “ненастоящих” портретов, вещей-“новоделов”, декоративных валунов, гиперболизированных бакенбард и т. п.» [16, с. 40]. Сами сотрудники музея, главные почитатели и хранители пушкинского мифа, активно содействуют мифотворчеству, словно играя заданные роли в своей неистовой любви к «солнцу русской поэзии».

Одна из характерных особенностей пространства Пушкинского заповедника – это вездесущность поэта, доходящая до абсурда. По мере приближения героя к заповеднику появляется всё больше «пушкинских образов»: так, в кафе неподалёку от заповедника главного героя обслуживает официант, явно копирующий черты внешности поэта.

Подобная гиперболическая театральность позволяет американской исследовательнице творчества Довлатова Е. Янг назвать пушкинский заповедник в повести Довлатова Pushkinland, по аналогии с Disneyland [21, с. 114].

3. Пушкинский интертекст в повести Довлатова

Главным инструментом деконструкции «советского» пушкинского мифа служит авторская ирония. Как отмечают Н. А. Орлова и А. Ф. Петренко, именно смех, ирония главного героя становятся в повести «оружием, направленным на разрушение знаковой системы, сложившейся вокруг “официального” гения» [16, с. 40]. В создании комического эффекта очень важна роль советских реалий, символов, культурных кодов и мифов, существующих в русской и советской картине мира. Говоря о культуре, в данной работе мы используем термин в более широком, антропологическом значении, как «способ понимания мира и систему оттенков поведения и знаков», согласно определению писательницы, философа и антрополога С. Бойм [5, с. 5].

Поэтому для адекватной передачи в переводе культурной специфики повести «Заповедник» необходимо выявить интертекстемы, связанные с фигурой А.С. Пушкина и возникшим вокруг него в СССР мифом. В данном исследовании мы понимаем термин «интертекстема» как «сегмент содержательной структуры текста <...> вовлечённый в межтекстовые связи», согласно определению К. П. Сидоренко [13, с. 317].

«Пушкинский интертекст» в повести Довлатова присутствует на всех уровнях текста: тематическом, сюжетном и стилистическом. Текст «Заповедника» изобилует аллюзиями к биографии, внешности и произведениям Пушкина, скрытыми цитатами из его произведений. «Говорящие имена» носят жена Алиханова Татьяна и дочь Маша. В картине мира русскоязычного читателя образ Татьяны Лариной служит одним из символов романтической любви, а имя Маша

в контексте пушкинского мифа сразу вызывает в памяти героинь романа «Дубровский» и повести «Капитанская дочка». Чертами пушкинских героев наделены многие персонажи «Заповедника». Например, образ алкоголика Михал Иваныча, одновременно жестокого и благородного, перекликается с образом кузнеца Архипа из романа «Дубровский» [18, с. 140].

Именно поэтому, говоря об интертекстуальности повести «Заповедник», О.В. Богданова и Е. А. Власова отмечают, что «интертекстема “пушкинский заповедник” изначально программирует экспликацию отлитературных связей и параллелей, затекстовых аллюзий и реминисценций, внутритекстовых отсылок и цитаций, (...) а priori настраивая на множественность литературных перекличек» [4, с. 16].

Очевидно, что далеко не все смыслы и аллюзии, заложенные автором, могут раскрыться для неподготовленного читателя, в том числе и носителя русской культуры. Для создания комического эффекта автор часто обращается к феноменам и маркерам русской (или советской) культуры, хорошо знакомым русским читателям. Поэтому самыми сложными для перевода юмористической прозы С. Довлатова оказываются фрагменты, где юмор и комизм строится на имплицитных знаниях читателя, носителя русской культуры.

Подобная культурная обусловленность повести как на уровне повествования, так и на собственно текстовом, вызывает сложности для перевода, поскольку для сохранения авторского замысла и адекватной передачи смысла на языке перевода необходимо так или иначе контекстуализировать иностранного читателя, не обладающего необходимыми фоновыми знаниями, которые есть у носителей русской культуры.

4. Приёмы контекстуализации иностранного читателя в переводах «Заповедника» на испанский (аргентинский национальный вариант) и португальский (бразильский национальный вариант) языки

Следует отметить, что лексема «заповедник» также оказывается культурно маркированной. Само понятие литературно-мемориального музея-заповедника можно отнести к прецедентным феноменам советской культуры. И.Н. Сухих относит феномен литературного заповедника к прецедентным феноменам советской культуры, поскольку «в советскую эпоху почитание избранных классиков было политикой, кампанией, обязанностью, “профессией”» [18, с. 129].

В испанском языке ближайший семантический эквивалент «заповедника» – существительное *reserva* в значении «законодательно регулируемое природное пространство для сохранения ботанических и зоологических видов» [22]. В словаре Испанской королевской академии также есть термины *reserva de la biosfera* и *reserva natural*, обозначающие отгороженные территории для сохранения экосистем, в том числе места проживания коренных народов. В португальском языке для обозначения охраняемых природных территорий используются термины *reserva natural*, *parque natural* [23, с. 591]. Таким образом, семантические поля испанской и португальской лексем не включают объекты, представляющие культурную или историческую ценность.

Для обозначения пространства, на территории которого сохраняются исторические и архитектурные памятники, служат термины *parque histórico*, *parque museo* (исп.); *parque histórico*, *parque museu* (порт.). Поэтому уже сам перевод названия повести на испанский (*La reserva nacional Pushkin* – «Национальный пушкинский заповедник») и португальский (*Parque cultural* – «Культурный парк», «Культурный заповедник») языки демонстрирует отсутствие семантического эквивалента в соответствующих языках.

Аргентинские переводчики предпочли «сузить» семантическое поле названия и ограничить его пространством пушкинского заповедника. Подобным путём пошли некоторые переводчики текста и на другие языки: на итальянском книга была опубликована под названием *Il parco di Puškin* («Парк Пушкина»), на французском – *Le domaine Pouchkine* («Владение (достояние) Пушкина»), на английском – *Pushkin Hills* («Пушкинские горы»). Бразильские же переводчики постарались эксплицитировать значение лексемы «заповедник» без упоминания фигуры Пушкина, одного из главных персонажей повести.

Возможно, упоминая поэта в названии переведённого текста, переводчики стремились таким образом привлечь внимание читателей, интересующихся русской литературой и, соответственно, знакомых с именем А.С. Пушкина, тем более что, как было сказано выше, лексема «заповедник» не имеет коммуникативных эквивалентов в других языках. Однако по мере чтения повести и погружения в контекст иностранный читатель понимает сущность данного культурного явления.

Одна из важнейших задач переводчика художественного текста – сохранение авторского замысла. Сам Довлатов писал, что для него «Заповедник» не ограничивается пространством Пушкинского заповедника и служит более общей метафорой: «Россия, деревня, прощание с родиной» [17, с. 259]. Поэтому можно сказать, что бразильским переводчикам, не упоминаящим Пушкина в названии, лучше удалось передать замысел писателя. Этот же приём использовали испанские переводчики, которые перевели название повести как *Retiro* («Уединение, уединённое место»).

Рассмотрим способы создания в переводе комического эффекта на примере фрагментов, где автор актуализирует фоновые знания читателя, связанные с образом А.С. Пушкина и советским пушкинским мифом.

Один из первых знаков вездесущности Пушкина – официант с «огромными войлочными бакенбардами», который подаёт страдающему от похмелья персонажу водку в кафе на подъезде к заповеднику. Если русский читатель, хорошо знакомый с образом Пушкина, сразу считывает «пушкинский след» во внешности официанта из придорожного кафе, то иностранный читатель может не заметить эту ироническую деталь.

Испанский и португальский переводчики использовали разные стратегии в переводе данного фрагмента.

<i>Заповедник</i>	<i>Parque cultural (pt-BR)</i>	<i>La reserva nacional Pushkin (es-LA)</i>
Через минуту появился официант с громадными войлочными бакенбардами [8, с. 176].	Em um minuto, apareceu o garçom com enormes suíças de feltro [20, с. 31].	Al minuto apareció el mozo con unas enormes patillas que parecían de fieltro [19, с. 23].

В примечании к португальскому переводу переводчик указал, что это отсылка к внешности поэта, которого всегда изображали с бакенбардами. На испанском языке комментария к этому фрагменту нет, впрочем, в дальнейшем писатель описывает облик Пушкина на его официальных портретах, обращая внимание на «символический» характер его бакенбард.

Абсурдность ситуаций, связанная с гипертрофированным характером почитания поэта в заповеднике, вызывает улыбку читателя вне зависимости от знания контекста. Говоря о пушкинских бакенбардах как главном атрибуте и отличительном признаке внешности поэта, в определённый момент в юмористическом ключе Довлатов вводит читателя в курс дела, сравнивая пушкинские бакенбарды с другими условными опознавательными знаками всемирно известных фигур: с бородой Карла Маркса и лбом В.И. Ленина.

<i>Заповедник</i>	<i>Parque cultural (pt-BR)</i>	<i>La reserva nacional Pushkin (es-LA)</i>
На каждом шагу я видел изображения Пушкина. Даже возле таинственной кирпичной будочки с надписью «Огнеопасно!». Сходство исчерпывалось бакенбардами. Размеры их варьировались произвольно. Я давно заметил: у наших художников имеются любимые объекты, где нет предела размеру и вдохновению. Это в первую очередь – борода Карла Маркса и лоб Ильича... [8, с. 189]	A cada passo eu via imagens de Púchkin. Até ao lado de uma misteriosa guarita de tijolos com a placa “Inflamável!”. A semelhança limitava-se às suíças. O tamanho das suíças variava livremente. Não é de hoje que percebi: nossos artistas tem fetiches pelos quais se esforçam e se entusiasmam infinitamente. Em primeiro lugar, estão a barba de Karl Marx e a testa de Ilitch [20, с. 47].	A cada paso veía retratos de Pushkin. Hasta al lado de una misteriosa casilla de ladrillos con la inscripción ¡Inflamable! El parecido con Pushkin se limitaba a las patillas. Sus medidas variaban arbitrariamente. Hace mucho que me di cuenta de que nuestros pintores tienen ciertos objetos preferidos en los que no hay límites para su impulso e inspiración. Son, en primer lugar, la barba de Karl Marx y la frente de Lenin [19, с. 38].

Переводчик на португальский язык использовал транслитерацию для разговорного «Ильич» и отметил в комментарии, что это отчество В.И. Ленина, ставшее его прозвищем в устной речи. Переводчик на испанский предпочёл заменить незнакомую аргентинским читателям номинацию фамилией всемирно известного политического деятеля, контекстуализировав, таким образом, читателя.

Один из лейтмотивов повести – это подмена, фальшивость пушкинского мифа. Комический эффект возникает, когда выясняется, что на портрете африканского прадеда поэта изображён не известный каждому школьнику эфиоп Ганнибал, а «загоревший во время войны на юге» генерал Закомельский.

<i>Заповедник</i>	<i>Parque cultural (pt-BR)</i>	<i>La reserva nacional Pushkin (es-LA)</i>
Например, сняли портрет Ганнибала. (...) Какой-то деятель утверждает, что это не Ганнибал. Ордена, видите ли, не соответствуют. Якобы это генерал Закомельский. – Кто же это на самом деле? – И на самом деле – Закомельский. – Почему же он такой чёрный? – С азиатами воевал, на юге. Там жара. Вот он и загорел. Да и краски темнеют от времени [8, с. 181–182].	Tiraram o retrato de Gannibal. (...) Um pesquisador insiste em que não é Gannibal. Diz que as condecorações não coincidem. Diz que é o general Zakomiélski. – E quem é na verdade? – Realmente é Zakomiélski. – Mas por que ele está tão moreno? – Ele guerreava contra os asiáticos, no Sul. Lá faz calor. Então ficou moreno. As tintas também escurecem com o tempo [20, с. 38–39].	Han sacado el retrato de Gannibal. (...) Alguien afirmó que no era Gannibal. Parece que las condecoraciones no se corresponden con las verdaderas. Sería el general Zakomelski. – ¿Pero quién es realmente? – Realmente, es Zakomelski. – ¿Por qué es tan negro? – Había luchado contra los asiáticos, en el sur. Allí hace mucho calor, se habría asoleado mucho. Además, los colores del cuadro se oscurecen con el tiempo [19, с. 29–30].

В переводе данного фрагмента подмена объясняется контекстуально. И бразильский, и аргентинский переводчики сопроводили его комментарием, что речь идёт об Абраме Ганнибале, африканском прадеде поэта.

Ещё один постоянный объект авторской иронии в «Заповеднике» – это чрезмерная идеологизированность мифа. В следующем фрагменте экскурсовод заповедника трактует программное лирическое стихотворение Пушкина «Я вас любил» как остро социальное, обличающее крепостное право. Содержание стихотворения хорошо известно любому русскоязычному читателю как пример любовной лирики Пушкина.

<i>Заповедник</i>	<i>Parque cultural (pt-BR)</i>	<i>La reserva nacional Pushkin (es-LA)</i>
...Вдумайтесь, товарищи!.. «Я вас любил так искренне, так нежно...» Миру крепостнических отношений противопоставил Александр Сергеевич этот вдохновенный мир бескорыстия... [8, с. 181]	Reflitam, camaradas!... “Eu vos amei com ternura sincera...” Aleksandr Serguéievitch contrapôs ao mundo das relações escravocratas este inspirado hino altruísta... [20, с. 38]	¡Piensen, camaradas: Yo la amé tan sincera, tan tiernamente... A un mundo de relaciones de prepotencia y esclavitud Alexandr Serguéievich se enfrentó con este inspirado himno de amor desinteresado... [19, с. 29]

На португальском языке переводчик сопроводил этот фрагмент сноской с полным текстом стихотворения. Впрочем, иностранный читатель, вне зависимости от знакомства с текстом произведения, сразу подмечает иронию в подобном логическом несоответствии цитируемой строки и интерпретации экскурсовода.

Также и смерть Пушкина на дуэли экскурсовод представляет как политическое убийство. Отсутствие фоновых знаний о смерти Пушкина может помешать читателю понять авторскую иронию. Если носители русской культуры со школьной скамьи знают, что поводом для дуэли, на которой Пушкин был смертельно ранен французом Жоржем Дантесом, стала ревность поэта, то иностранные читатели, как правило, не владеют этой информацией.

<i>Заповедник</i>	<i>Parque cultural (pt-BR)</i>	<i>La reserva nacional Pushkin (es-LA)</i>
История культуры не знает события, равного по трагизму... Самодержавие рукой великосветского шкоды... [8, с. 201]	A história da cultura não conhece outro acontecimento de igual tragicidade... O czarismo pelas mãos de um jovem traveso da alta sociedade... [20, с. 63]	La historia de la cultura no conoce otro suceso más trágico que este... La autocracia, con el brazo de un pillo aristocrático... [19, с. 52]

В предисловии к бразильскому изданию вкратце изложена биография Пушкина и история возникновения и эволюции пушкинского мифа, поэтому бразильский читатель, прочитавший предисловие, способен уловить авторскую насмешку в отношении фальши «официального» пушкинского мифа. В аргентинском издании никаких пояснений относительно биографии поэта не приводится, поэтому, вероятно, слова экскурсовода не произведут комический эффект на неподготовленного читателя.

Также подвергается осмеянию бутафорский характер многих элементов в пространстве музея-заповедника. Так, в качестве иллюстрации одного из фрагментов поэмы «Руслан и Людмила» директор заповедника повесил на один из дубов цепь, создав, таким образом, отсылку к программным строкам «У лукоморья дуб зелёный, золотая цепь на дубе том».

<i>Заповедник</i>	<i>Parque cultural (pt-BR)</i>	<i>La reserva nacional Pushkin (es-LA)</i>
Дурацкие затеи товарища Гейченко. Хочет создать здесь грандиозный парк культуры и отдыха. Цепь на дерево повесил из соображений колорита [8, с. 236].	Caprichos bobos do camarada Guéitchenko. Quer fazer um parque grandioso de cultura y diversão. Colocou uma corrente numa árvore para dar um colorido local [20, с. 106].	Los estúpidos juegos del camarada Gaichenko. Quiere crear un grandioso parque de cultura y descanso. Colgó una cadena de un árbol para acentuar el color local... [19, с. 91]

Португальский переводчик оставил примечание, что С. Гейченко был директором музея-заповедника, а цепь на дереве является аллюзией к поэме Пушкина «Руслан и Людмила». В аргентинском переводе этот фрагмент идёт без комментариев.

Нередко сами персонажи повести цитируют пушкинские произведения. В отличие от клише и хорошо известных самому широкому кругу читателей крылатых выражений из текстов, входящих в школьную программу по литературе, которыми оперируют сотрудники заповедника, подобные цитаты легко могут ускользнуть от внимания носителя русской культуры, не говоря об иностранных читателях. В тексте Пушкин присутствует даже на уровне поэтики языка: фрагменты, в которых описываются пейзажи вокруг имени поэта, написаны ритмизованной прозой.

<i>Заповедник</i>	<i>Parque cultural (pt-BR)</i>	<i>La reserva nacional Pushkin (es-LA)</i>
До этого были холмы, река, просторный горизонт с неровной кромкой леса [8, с. 180].	Até ali tínhamos visto umas colinas, um riozinho, um amplo horizonte e um bosque margeando [20, с. 36].	Antes pasamos por las colinas, el río, el amplio horizonte con el borde irregular del bosque [19, с. 27].

Бразильский переводчик постарался сохранить ритмическую организацию текста этого фрагмента. В аргентинском переводе ритмическая составляющая текста сохранена не была.

5. Заключение

Как показало исследование, повесть С. Довлатова «Заповедник» – это, возможно, одно из самых сложных для понимания иностранцами произведений писателя. Оно глубоко интертекстуально, насыщено аллюзиями к ряду важнейших текстов русской культуры. Переводчику сложно донести до иностранного читателя часть заложенных автором смыслов, которые при этом легко считываются носителями русской культуры.

Перевод заглавия повести «Заповедник» усложняется отсутствием точного семантического эквивалента в испанском и португальском языках. В русском языке лексема «заповедник» имеет специфические культурные коннотации, связанные с советскими реалиями, апеллирующие к имплицитным знаниям, которые отсутствуют у носителя другой культуры. Аргентинские переводчики сузили значение до конкретного пушкинского заповедника (La reserva nacional Pushkin), тогда как бразильские подчеркнули культурный аспект без упоминания Пушкина (Parque cultural). Второй вариант расширяет объём значения лексемы «заповедник», выделяя его культурно-развлекательную сторону. А по мере чтения повести и погружения в контекст иностранный читатель понимает сущность данного культурного явления.

Перевод повести на иностранные языки усложняет также тесное переплетение в повествовании важнейших символов русской и советской культуры, без понимания и осознания которых читатель не способен понять многие шутки и уловить авторскую иронию, являющуюся неотъемлемой частью творчества писателя, на которой в том числе строится поэтика его произведений.

Анализ стратегий, предпринятых переводчиками на испанский и португальский языки, показал, что в переводе фрагментов, где на имплицитных знаниях читателя-носителя русской культуры строится юмор и комизм, оказываются наиболее эффективными приёмы контекстуализации иностранного читателя. Перевод комических и культурно насыщенных фрагментов, таких как путаница с портретом Ганнибала или идеологизированные трактовки поэтических строк, требует пояснительных комментариев. Бразильские переводчики чаще давали комментарии, вводя иностранного читателя в культурный контекст. Также эффективным приёмом является предисловие к переводу, позволяющее читателю понять культурно-исторический контекст и сущность пушкинского мифа в русской / советской картине мира.

Исследование показало, что для сохранения авторского замысла переводчики должны предоставить читателю необходимую вводную информацию, чтобы текст перевода стал понятным для носителей другого языка. Перевод культурно специфических текстов требует от переводчиков глубокого знания оригинальной культуры и разнообразия переводческих стратегий, а передача интертекстуальных связей и культурных кодов, заложенных в исходном тексте, в свою очередь, возможна через поясняющие комментарии и адаптацию.

© Ю.И. Микаэлян, 2024

Список литературы

1. Баженова Е.А. Интертекстуальность // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под Ред. М.Н. Кожинной. М.: Флинта, 2019. С. 105–109.
2. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1989. 615 с.
3. Баймухаметова К.И. Художественный перевод как адекватная интерпретация литературного текста // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2018. Вып. 11 (804). С. 49–57.
4. Богданова О.В. Пушкинский и постпушкинский интертекст в повести Сергея Довлатова «Заповедник» / О.В. Богданова, Е.А. Власова // Университетский научный журнал. Серия «Филологические и исторические науки, искусствоведение». 2018. № 42. С. 15–28.
5. Бойм С. Общие места: мифология повседневной жизни. М.: НЛО, 2023. 320 с.
6. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: НЛО, 1996. 352 с.
7. Генис А. Пушкин у Довлатова // С. Довлатов. Последняя книга. СПб.: Азбука 2012. С. 322–339.
8. Довлатов С. Заповедник // Заповедник. СПб.: Азбука, 2003. С. 173–280.
9. Загидуллина М.В. Пушкинский миф в конце XX века. Челябинск: Челяб. гос. ун-т, 2001. 245 с.
10. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: «Искусство-СПб», 2010. 704 с.
11. Лошаков А.Г. Прологомены к концепции Пушкинского текста русской литературы / А.Г. Лошаков, И.А. Шушарин // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 5. С. 117–127.
12. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М.: Азбука-Аттикус, 2017. 591 с.
13. Мокиенко В. М. Словарь крылатых выражений Пушкина / В.М. Мокиенко, К.П. Сидоренко. СПб.: Фолио-Пресс, 1999. 752 с.
14. Набоков В.В. Пушкин, или правда и правдоподобие: Эссе // В.В. Набоков. Избранные сочинения в 3 томах. Том 2. М.: Мир книги, 2004. С. 505–518.

15. Новиков В. Пушкин. Жизнь и лира. М.: Молодая гвардия, 2022. 303 с.
16. Орлова Н.А., Петренко А.Ф. Семиотические и фольклорные модели смехового мира Сергея Довлатова. Монография / Н.А. Орлова, А.Ф. Петренко. Пятигорск: ПГЛУ, 2011. 168 с.
17. Сергей Довлатов – Игорь Ефимов. Эпистолярный роман. М.: Захаров, 2001. 462 с.
18. Сухих И.Н. Довлатов: время, место, судьба. СПб.: Пальмира, 2019. 286 с.
19. Dowlátov Sergéi. La Reserva Nacional Pushkin. Añosluz Editora: Buenos Aires, 2016. 156 p.
20. Dowlátov Serguei. Parque Cultural. Editora Kalinka: São Paulo, 2016. 168 p.
21. Young J. Sergei Dowlátov and His Narrative Masks. Evanston, Illinois: Northwestern University Press, 2009. 271 p.
22. Diccionario de la Real Academia Española [Электронный ресурс] – URL: <https://www.rae.es/> (Дата доступа: 20.09.2024).
23. Dicionário Larousse da língua portuguesa míni. – 1. ed. São Paulo: Larousse do Brasil, 2005. 838 p.

References

1. Bazhenova, E.A. Intertekstual'nost' [Intertextuality] // *Stilisticheskii entsiklopedicheskii slovar' russkogo iazyka* [Russian language stylistic encyclopedic dictionary] / Pod Red. M.N. Kozhinoi. [Ed. M. N. Kozhina] M.: Flinta, 2019. p. 105–109.
2. Barthes, R. *Izbrannye raboty: Semiotika. Poetika*. [Selected works. Semiotics. Poetics]. M.: Progress, 1989. 615 p.
3. Baimukhametova, K.I. Khudozhestvennyi perevod kak adekvatnaia interpretatsiia literaturnogo teksta [Artistic translation as an adequate interpretation of a literary text] // *Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki*. [MSLU Bulletin. Humanities]. 2018. Issue. 11 (804). S. 49–57.
4. Bogdanova, O.V., Vlasova, E.A. Pushkinskii i postpushkinskii intertekst v povesti Sergeia Dowlátova «Zapovednik» [Pushkin and post-Pushkin intertext in Sergei Dowlátov's novella "Pushkin Hills"] // *Universitetskii nauchnyi zhurnal. Seriya «Filologicheskie i istoricheskie nauki, iskusstvovedenie»*. [University Scientific Journal. Series "Philological and Historical Sciences, Art History"]. 2018. № 42. S. 15–28.
5. Boym, S. *Obshchie mesta: mifologiya povsednevnoi zhizni*. [Common places. Mythologies of everyday life]. M.: NLO, 2023. 320 s.
6. Gasparov, B.M. *Iazyk, pamyat', obraz. Lingvistika iazykovogo sushchestvovaniia*. [Language, memory, image. Linguistics of the language existence]. M.: NLO, 1996. 352 s.
7. Genis, A. Pushkin u Dowlátova [Pushkin at Dowlátov's] // S. Dowlátov. *Posledniaia kniga*. [The Last Book.] SPb.: Azbuka 2012. S. 322–339.
8. Dowlátov, S. Zapovednik [Pushkin Hills] // *Zapovednik* [Pushkin Hills]. SPb.: Azbuka, 2003. P. 173–280.
9. Zagidullina, M.V. *Pushkinskii mif v kontse XX veka*. [The Pushkin myth at the end of the XX century.] Chelyabinsk: Chelyab. gos. un-t, 2001. 245 s.
10. Lotman, Yu.M. *Semiosfera*. [Semiosphere]. SPb.: «Iskusstvo-SPB», 2010. 704 s.
11. Loshakov, A.G., Shusharin, I.A. Prolegomeny k kontseptsii Pushkinskogo teksta russkoi literatury [Prolegomena to the concept of Pushkin's text of Russian literature] // *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. [Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences]. 2016. № 5. S. 117–127.
12. Meletinskii, E.M. *Poetika mifa*. [Myth poetics]. M.: Azbuka-Attikus, 2017. 591 s.
13. Mokienko, V.M., Sidorenko, K.P. *Slovar' krylatykh vyrazhenii Pushkina*. [Pushkin's winged expressions dictionary] SPb.: Folio-Press, 1999. 752 s.
14. Nabokov, V.V. Pushkin, ili pravda i pravdopodobie: Esse [Pushkin, or truth and verisimilitude. An essay] // V.V. Nabokov. *Izbrannye sochineniia v 3 tomakh*. [Selected Works in 3 volumes]. Vol. 2. M.: Mir knigi, 2004. S. 505–518.
15. Novikov, V. *Pushkin. Zhizn' i lira*. [Pushkin. Life and lyre]. M.: Molodaia gvardiia, 2022. 303 s.
16. Orlova, N.A., Petrenko, A.F. *Semioticheskie i fol'klornye modeli smekhovogo mira Sergeia Dowlátova. Monografiia* [Semiotic and folklore models of Sergei Dowlátov's laughter world. Monograph]. Piatigorsk: PGLU, 2011. 168 s.
17. *Sergei Dowlátov – Igor' Efimov. Epistolarnyi roman*. [Sergei Dowlátov – Igor Efimov. Epistolary novel]. M.: Zakharov, 2001. 462 s.
18. Sukhikh, I.N. *Dowlátov: vremia, mesto, sud'ba* [Dowlátov: time, place, destiny]. SPb.: Palmira, 2019. 286 s.
19. Dowlátov, Sergéi. La Reserva Nacional Pushkin. Añosluz Editora: Buenos Aires, 2016. 156 p.
20. Dowlátov, Serguei. Parque Cultural. Editora Kalinka: São Paulo, 2016. 168 p.
21. Young, J. *Sergei Dowlátov and His Narrative Masks*. Evanston, Illinois: Northwestern University Press, 2009. 271 p.
22. Diccionario de la Real Academia Española, www.rae.es/ (Accessed 20.09.2024).
23. Dicionário Larousse da língua portuguesa míni. – 1. ed. São Paulo: Larousse do Brasil, 2005. 838 p.

Сведения об авторе:

Микаэлян Юлия Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры испанского языка МГИМО МИД РФ (Россия, г. Москва). Сфера научных интересов: лингвокультурология, семиотика культуры, художественный перевод, перевод юмора. E-mail: jmikaelyan@gmail.com.
ORCID 0009-0007-7147-8190

About the author

Yulia I. Mikaelyan, PhD, is Associate Professor of Spanish Department at MGIMO University (Moscow, Russia). Research interests: cultural linguistics, semiotics of culture, literary translation, humor translation. E-mail: jmikaelyan@gmail.com. ORCID 0009-0007-7147-8190

* * *

Microlearning as an Effective Way to Manage Students' Attention in a Foreign Language Lesson

Ksenia V. Lykova

Ural Federal University,
19, ulitsa Mira, Ekaterinburg, 620062, Russia

Abstract. This study investigates the application of microlearning as a teaching method that enhances the effectiveness of foreign language education. With the increasing demand for innovative approaches in language teaching, driven by the digitalisation and technologisation of education and society, it is important to understand how microlearning impacts the cognitive functions of students: attention, concentration, and memory. The purpose of the research is to analyse microlearning from the perspective of how its application affects these cognitive mechanisms and how it can be effectively incorporated into foreign language lessons to improve overall student performance and formulate a knowledgeable approach to the learning process. To achieve this, a systematic and traditional descriptive literature review followed by qualitative data analysis was used. The research materials encompass scientific and methodological articles from periodicals, accompanied by methodological manuals and manuscripts by Russian and foreign authors. Theoretical and empirical scientific research published in Scopus peer-reviewed publications was also utilised to supplement the research. The outcome of this exploration demonstrates that microlearning generates heightened attentiveness in students when engaging in predefined learning tasks. Consistent integration of the method into foreign language lessons strengthens students' aptitude to transition into a state of enhanced focus. The analysis verifies the effectiveness of microlearning as a supplemental strategy when integrated into existing curricula and employed in conjunction with conventional foreign language teaching methods, such as communicative methodology and lexical approach, among others. The findings carry particular methodical importance for teachers, augmenting the theoretical base of microlearning research within the context of foreign language education.

Keywords: microlearning, foreign language teaching, language education, ELT, attention management, digital technologies, attention, concentration, memory

For citation: Lykova K. V. (2024). Microlearning as an effective way to manage students' attention in a foreign language lesson. *Linguistics & Polyglot Studies*, 10(4), pp. 101–113. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-4-41-101-113>

Микрообучение как эффективный способ управления вниманием студентов на занятии по иностранному языку

К.В. Лыкова

Уральский федеральный университет им. Первого президента России Б. Н. Ельцина,
620062, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19

Аннотация. Представленное исследование рассматривает микрообучение как метод, позволяющий повысить эффективность обучающей деятельности на занятии по иностранному языку. Актуальность исследования обусловлена возрастающим социальным запросом на новые методики в области иноязычного обучения, что объясняется всеобщей цифровизацией и технологизацией образования и общественной жизни. Влияние этих процессов неизбежно сказывается на количестве потребляемой информации, а также характере обработки данных и взаимодействия с ними. В связи с этим цель исследования представляет рассмотрение микрообучения с позиции того, как его применение воздействует на когнитивную сферу обучающихся: внимание, концентрацию и память. Понимание того, как работают названные механизмы, позволяет грамотно использовать метод микрообучения на уроке по иностранному языку и, как следствие, повысить общую продуктивность обучающихся и сформировать осознанный подход к учебному процессу. Для проведения исследования применялись методы систематического и традиционного описательного литературного обзора с последующим качественным анализом данных. Материалы исследования представлены научно-методическими статьями из периодических изданий, а также методическими пособиями и рукописями российских и зарубежных авторов. Для проведения исследования также привлекались теоретические и эмпирические научные исследования, опубликованные в изданиях, рецензируемых Scopus. Исследование показало, что микрообучение формирует высокую концентрацию внимания у обучающихся при выполнении заранее определённых учебных задач. Регулярное применение метода на уроках по иностранному языку способствует развитию у студентов способности переключаться в режим повышенной концентрации. Анализ подтвердил, что микрообучение наиболее эффективно в качестве дополнительного метода, интегрированного в уже существующую учебную программу и применяемого совместно с традиционными методиками обучения иностранным языкам, такими как коммуникативная методика, лексический подход и др. Полученные результаты представляют особую важность для педагогов с методической точки зрения и дополняют уже имеющуюся теоретическую базу исследований, посвящённых микрообучению как самостоятельной методике в контексте иноязычного образования.

Ключевые слова: микрообучение, методика преподавания, иностранные языки, управление вниманием, цифровые технологии, внимание, концентрация, память

Для цитирования: Лыкова К.В. (2024). Микрообучение как эффективный способ управления вниманием студентов на занятии по иностранному языку. *Филологические науки в МГИМО*. 10(4), С. 101–113. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-4-41-101-113>

1. Introduction

In today's digital age, education, especially the teaching of foreign languages, faces some profound challenges due to the impact of technology and media consumption. In today's world of hyper-connectivity and information overload, individuals face the challenge of sorting through a vast array of educational resources. While this abundance of information can offer benefits, it also creates difficulties in identifying the most relevant and valuable content. As further detailed in M. Gusenbauer's research, the excessive availability of scholarly information is causing researchers to invest increased time and effort in the process of identifying pertinent data and information [20]. As K. Caldwell highlights, the complexities are compounded by the relentless influx of information, making it difficult to distinguish between what is important and what is not. This necessitates the development of strategies to limit the volume of incoming content and identify the most significant aspects, especially in the learning process [8].

Recent research from the King's College London has shown that a significant number of adults struggle with decreased focus and concentration, directly linked to our constant use of technology [16]. According to a report by UNESCO on language education amid diversity, incorporating digital elements in foreign language teaching is pivotal for enhancing language education's effectiveness [44]. This raises the need for innovative teaching methods.

Numerous research studies delve into novel teaching methodologies that not only encompass linguistic components but also incorporate neuroscientific advancements to address non-methodical challenges in language learning. These investigations encompass motivational issues [12], emotional facets [13], teacher well-being [19], coping mechanisms [31], age effects [7], and student engagement [42]. In the context of foreign language acquisition through neurodidactics, aspects such as the congruency effect [10], the Emotional Approach [30], and neuropsychological aspects [38] are examined.

Microlearning is one such method, which first emerged in corporate education and training in the 1990s and took off in the 2000s when researchers like T. Hug, N. Friesen, F. Scherer, and M. Scherer and others contributed to its development. Developed in the 21st century, microlearning has been gaining popularity and more studies on its implementation in various fields of education have emerged.

The method is based on breaking down educational content into small, manageable chunks, allowing for immediate review of each piece with micro-tasks [6, p. 71]. According to G.A. Monakhova et al., microlearning can metaphorically be likened to a 'one-pill' method of delivering information in a condensed and efficient manner [33, p. 300]. P. Prasittichok and P. Smithsarakarn describe the method as a type of educational practice that involves working with substantial educational content. The authors claim that microlearning enables the development of easily comprehensible lessons, aimed at minimising misunderstandings and constructing clear steps for practical application. Furthermore, microlearning provides convenient access to educational materials [36, p. 531].

According to T. Hug, the founder of the method, microlearning can be divided into three levels: micro, meso, and macro, each with distinct components [21, p. 17]. At the micro level, we see a focus on individual words, phrases, sentences, while at the meso level, situations and episodes are introduced, and at the macro level, cultural features and complex structures are assimilated.

Microlearning also differs from other methods in terms of time intervals, with microlearning working in seconds and minutes, while macrolearning involves hours, days, and weeks. Similar differences are seen in terms of learning materials and tools as well. Although microlearning can be considered a fragmentation or reduction of educational material, T. Hug emphasises that it goes beyond that, involving structured planning and the use of predefined tasks and materials that work effectively within the scope of the micro-method. The content of such micro-practices can vary, depending on the chosen learning theories, methods, and available resources [Ibid, p. 19]. To support T. Hug's viewpoint, T. B. Lalitha and P. S. Sreeja add that basic microlearning characteristics include brevity, focus on clear learning objectives, multi-modality in content delivery, just-in-time learning, reinforcement, mobile compatibility, and flexibility in terms of self-paced progress [27, p. 231].

With the rapid advancement of foreign language teaching methods, we have reached a point where teaching effectiveness is quite high, with numerous methodologies such as the Lexical Approach [29], the Communicative Approach [35], [9], Dogme ELT [43], the Audio-lingual Method (ALT) [26], problem-based learning [9] and flipped classroom model [12] becoming increasingly popular. However, the area that seems to have been less developed, from a methodological standpoint, is the challenge of accounting for the amount of information that students can effectively assimilate during a specific time-frame. Microlearning, as defined by L. Stracqualursi and P. Agati, appears to be a suitable solution as it consists of short, targeted learning modules specifically designed for students with limited time and attention spans [41]. This is where the concept of microlearning comes into play.

Two research questions have been identified within this study:

RQ 1: How does microlearning function from a cognitive point of view?

RQ 2: How can microlearning be applied in the practical teaching of foreign languages?

By analysing these questions and exploring the theory of microlearning in depth, we aim to better understand its mechanisms, potential benefits, and practical applications in the realm of foreign language education.

2. Material and Methodology

The present study involves a thorough search and analysis of scientific literature on the subject under examination in order to determine the key provisions of the concept under consideration, its theoretical foundations, and practical examples of implementation. The main objective of the researchers is to summarise the results of existing theoretical and empirical research, and to highlight the gaps in current scientific knowledge which will guide future research in this area.

The research uses a systematic and traditional descriptive literature review approach, as well as qualitative data analysis. Research materials include recommendations addressed to the United Nations Educational Scientific and Cultural Organisation (UNESCO), scientific and methodological articles from periodicals (Education Sciences, Education and Information Technologies, Journal of Computers in Education, International Journal of Learning, Teaching, and Education Research, Memory & Cognition, Theory and Practice in Language Studies, Language Teaching Research), methodological literature (Lewis, Thornbury, Meddings, Galskova, Gez, Mirolubov, and Lyakhovitsky), and manuscripts by Russian and foreign authors (Hug, Kerres, Lado, Passov, Avramenko, Zakharova, Monakhova).

3. Results

This analysis affirms that microlearning has emerged as a highly impactful and efficacious educational tool in the current educational landscape, including the context of foreign language instruction. T. Gorham and colleagues assert that microlearning can be seamlessly incorporated with various learning theories [18, p. 553]. To be more specific, drawing upon the research of K. Kapp and R. Defelice, micro-pedagogy is founded on the following theories: behaviourism, cognitivism, constructivism, and connectivism [23, p. 44].

A substantial fraction of research at present delves into microlearning as a distinctive process of acquiring knowledge, as expounded by scholars such as D. Conde-Caballero et al., who characterise it as the attainment of knowledge or skills in a concise format [11]. A comparable standpoint is maintained by A.M. Al-Zahrani, who denotes it as the acquisition of knowledge [1]. Additionally, some studies, such as those conducted by F. Scherer and M. Scherer take a neurophysiological approach in examining how the brain processes and retains information, regarding microlearning as an influential educational instrument [38]. These examples illustrate that the method of microlearning is intricately intertwined with the cognitive domain and encapsulates the mechanisms of effective knowledge acquisition.

It is necessary to delve further into the cognitive effects of microlearning on education. In particular, it is essential to investigate how micro-pedagogy influences factors such as attention, concentration, awareness, and focus during the learning process. A comprehensive understanding of these effects can

provide valuable insights into the potential benefits of microlearning for enhancing teaching and learning outcomes.

Attention. As human cognitive abilities are limited, it is essential to understand the role of attention and memory in learning. According to current research, humans can only recall a small amount of information in short-term memory [5, p. 38–39]. Cognitive psychology suggests that the brain can hold and process a maximum of four blocks of unique information at the same time [Ibid., p. 171]. This limited amount of data is referred to as working memory capacity. C. Bailey suggests using the term “attentional space” as well when discussing the ability to concentrate on a task.

A research team consisting of Russian and German scientists have corroborated this relationship through a study [25]. The research concluded that an individual’s ability to control attention has a direct influence on their working memory. That is, the better a person’s focus and concentration, the more information they can store in their memory. Since student attention space is limited, considering this factor is an essential aspect when planning and developing teaching courses.

Meta-awareness, intention, concentration. In the realm of learning, a triad of elements converges – meta-awareness, intention, and concentration. Concentration, being both a constituent and a property of attention, harnesses the faculty to focus effectively. Research by C. Bailey suggests that fostering meta-awareness in a learning context can heighten concentration, which in turn elongates the range of one’s attention span. C. Bailey’s perspective posits that meta-awareness involves consciously observing the flow of one’s thoughts and taking note of the immediate surroundings, thus underscoring its vital role in learning. This aspect is also known as explicit learning, meaning it is a type of learning that occurs intentionally and with one’s awareness. As a result, explicit memory entails consciously employing memory to retrieve information [38, p. 119].

Furthermore, establishing a clear intention is critical in eliminating distractions and facilitating a focused approach, ultimately fostering productivity and enabling a deliberate management of attention during the learning process [5, p. 71]. F. Scherer et al. highlight that the learning environment must be devoid of distracting tasks to effectively practice microlearning [38, p. 123]. As they assert, attempting to juggle multiple tasks simultaneously may result in diminished processing speed.

In the context of modern living, people tend to be distracted approximately 47% of the time [40]. Developing the capacity to be consciously aware of one’s own thoughts has emerged as a highly effective attention management strategy. Studies suggest that the greater a student’s ability to recognise what occupies their working memory and where their attention is focused, the more swiftly they are able to return to their task, regain their focus, and boost their personal productivity when performing educational responsibilities.

From a foreign language learning standpoint, many Russian methodologists (N.I. Gez, N.D. Galskova etc.) emphasise the importance of each student cultivating their own learning style and working with strategies aimed at improving memory and attention. The scholars indicate that mastery of language skills necessitates optimised material assimilation and enhanced memory work. Specific approaches include highlighting keywords, underlining words and sentences in a text, identifying linguistic patterns, and using commonly used expressions. Although these authors do not provide a one-size-fits-all methodology or technology, these activities are considered a valuable tool for promoting focused, intentional language work.

Minimisation. Modern research in the fields of psychology and neuroscience reveals that, on average, a person can retain objects (information) in their working memory for just 10 seconds [4]. Optimising the use of this limited resource can enhance learning effectiveness. Despite the intuitive inclination to maintain as many objects of attention as possible when faced with a large workload, this approach can inadvertently hinder rather than help. Minimising distractions by reducing the number of objects in the attentional space, as advocated by C. Bailey, can actually facilitate task completion and enhance productivity [5, p. 62].

Nonetheless, in the contemporary environment, this level of overburden can adversely impact students’ ability to memorise, as noted by C. Bailey. Russian scholars, such as N.I. Gez, M.V. Lyakhovitsky, A.A. Mirolyubov, S.K. Folomkina, S.F. Shatilov further highlight the necessity to curtail unnecessary

aspects of the learning material, suggesting that augmenting vocabulary, grammar, and topic coverage beyond what is strictly needed to fulfil technical learning objectives can actually hinder skill development and impede the achievement of learning goals. The scholars also note that the issue of determining the minimum appropriate range of subject matter and context has yet to be thoroughly addressed.

Nonetheless, contemporary language methodologies are continually evolving and expanding, with an increasing number of sociological and pedagogical studies providing insights that can guide the selection of what should be included in the required minimum and how to reflect these in curricula and educational materials. This highlights the potential of microlearning in addressing this complex challenge, given the growing demand for the fragmentation and reduction of educational information.

Thus, methodological challenges surrounding the formulation of a minimum vocabulary (lexical minimum) have been thoroughly discussed by language methodologists. The process involves a careful selection of words based on criteria such as frequency, compatibility, stylistic neutrality, word-formation productivity, and the thematic principle.

Additionally, F. Scherer et al. note that when determining the minimum size of learning contents, the traditional terms of size and form may not be sufficient. Consolidation happens if information is meaningful to the learner. Thus, small units of learning material need to be meaningful enough for the content to be transferred into long-term memory. So, when fragmenting information, educators face the challenge of providing context that is meaningful to the individual or group of learners. This is where the student-oriented approach becomes crucial: the learning units that are possible depend on the learners' interests, values, goals, and past experiences [38, p. 121]. As A. P. Avramenko points out, microlearning fosters active participation by empowering students to contribute to shaping certain elements of the educational content. This strategy transforms students from passive listeners to active participants in the learning process, enhancing their engagement and comprehension [3, p. 29].

In educational theory, a core principle that underlies the process of memorisation and retention of learned material is revision: when attention is repeatedly directed towards specific information, the likelihood of its memorisation escalates dramatically. In foreign language courses, revision holds a crucial role. If you consistently repeat a new word in a foreign language, it will not only become easier to recall it during a test but it will also increase the chances of remembering it for years to come [38, p. 116]. As such, most contemporary textbooks include dedicated sections for reviewing previously learned topics.

Integrating revision tasks with the key principle of microlearning (limiting the number of educational objects) enables teachers to effectively manage student focus and heighten concentration, thereby facilitating the memorisation of course material. Time constraints, particularly strict ones, have an added benefit of narrowing focus, preventing more creative approaches to tasks but fostering concentrated activity [28]. Media didactics expert, M. Kerres, suggests regulating micro-practice durations to between 5 and 15 minutes for optimal results [24, p. 99].

Focus. At the heart of microlearning is the concept of focus, defined as a state of profound immersion in work characterised by single-minded concentration on a vital task that comprehensively fills the attentional space. Factors influencing the ability to focus encompass: identifying a single primary object; neutralising emergent distractions; and concentrating solely on the essential educational task [5, p. 77]. The more tasks confronted, the more crucial it becomes to determine the requisite number of micro-activities and their contents: what should constitute the central focus of students' attention; how many objects should compete for attention, etc.

As stated previously, within the realm of microlearning theory, the length of micro-practices can extend from five to fifteen minutes, with the number of objects for learning subject to variation. Nevertheless, during the planning of a micro-formatted lesson, it is crucial to bear in mind that the capacity of working memory is restricted to four discrete blocks of information.

According to C. Bailey, achieving optimal focus involves a multi-step process, as outlined below: selecting a productive or significant object of attention; minimising external and internal distractions; focusing intently on the chosen object (for a set duration); repeatedly directing attention back to the selected

object to maintain concentration [Ibid., p. 83]. Notably, to attain the pinnacle of focus, the designated task should maximally occupy the student's working memory (attentional space), while novel learning objects should be correspondingly minimised.

Scatterfocus. The antithesis of the focused state is the scatterfocus mode, which also plays a pivotal role in attention and memory function. Unlike focus, where the chosen task takes up the entire working memory, scatterfocus is characterised by inattention and wandering mind [Ibid., p. 194]. From a neurobiological standpoint, these two states exhibit a state of anticorrelation. Activation of the neural network responsible for scatterfocus leads to a decrease in the activity of the network responsible for focus, and vice versa. These two modes complement each other.

Microlearning is closely tied to the focus mode, where attention management is optimised in a concentrated state to efficiently address tasks involving a set of objects. The scatterfocus mode (diffuse mode) is utilised to generate new ideas, process information, and execute creative tasks, along with reflecting on knowledge gains and planning for the future [32]. Consequently, effective attention management in the focused state enables the processing of a greater volume of information in the defocused (scatterfocus) state [5, p. 220].

Proficiency in any discipline is fostered by amassing and connecting information points (dots), leading to the development of experience, comprehension, and abilities. According to M. Seidl et al., modern learners not only have to distil information down into smaller units, but they must also identify and weave connections between these units to form a "bigger picture" [39, p. 69]. As such, microlearning centres on individual components of the whole, thereby facilitating the gradual comprehension of the larger picture and the integration of knowledge via the brain's innate aptitude for amalgamating related fragments of information. The scatterfocus mode is pivotal in facilitating this process. The more dots we can link into a unified cluster, the more efficiently working memory is applied, as a greater volume of data can be processed when it is linked and grouped together [17].

Protecting our attentional space is crucial. Focusing on valuable information that is timeless and practical in the future is essential. By grouping information, we can accumulate experience and nurture creative potential. In the field of teaching foreign languages, the method of creating mental maps (or mind maps) is widely employed and proven to be effective. This technique helps to structure information and visually group existing and new knowledge blocks. As pointed out by F. Scherer et al., during the integration process, incoming information and pre-existing memories are merged together [38, p. 116]. Additionally, acquiring new information that adds to existing knowledge triggers dopamine production, which generally boosts the effectiveness of the learning process.

Thus, when designing educational programs, it is vital to choose the most crucial and valuable information. Contemporary pedagogists engaged in foreign language instruction often incorporate a stage of needs analysis for students [34, p. 148]. This stage enables the educator to determine which educational materials:

1. Can be classified as the required minimum;
2. Are relevant for the current training stage;
3. Are relevant for individual students or a specific group;
4. Require additional revision, focus or monitoring, among other considerations.

Ultimately, maximising student academic output depends on a deliberate and balanced combination of microlearning and traditional methods of teaching (i.e., macrolearning). In the scatterfocus mode, the consumption of balanced information assumes great importance, encompassing the inclusion of engaging and entertaining content. Modern approaches to foreign language pedagogy provide ample opportunity for the utilisation of an array of information resources, including digital elements such as podcasts, movies, games, mobile applications, online tests, among others. Owing to their entertaining value, these materials garner heightened interest, thus bolstering students' motivation to study and assimilate the information contained within.

Due to its characteristic requirement of intense focus on limited academic tasks, microlearning is ideally paired with conventional methodologies, such as the Lexical Approach, the Communicative Approach, flipped classroom model, and others. Research by E.A. Zakharova further supports this view. In

the study, language teaching methodology teachers were tasked with thoroughly planning micro-learning lessons. The outcomes revealed the effectiveness of encompassing a variety of models, methods, and approaches for optimal language education effectiveness [45, pp. 116–118].

Moreover, technological platforms, such as mobile devices and computers, are frequently and effectively employed in the application of microlearning, further highlighting the adaptability and compatibility of this pedagogical method with contemporary educational tools and technologies. A noteworthy instance is the development by T. Dinger and colleagues of the Quick Learn mobile app, which facilitates efficient vocabulary education within a micro-format [15]. Notably, T. Gorham et al., in their research employing a bespoke application, have elucidated the utility of microlearning in honing students' listening skills and peer evaluation [18]. Nonetheless, J. Inker and colleagues emphasise that microlearning can also be effectively implemented in a live setting without the use of digital technologies [22].

Learning and teaching activities implemented in microlearning courses can exhibit considerable variation, contingent upon the objectives of the course. While specific courses may hone in on the refinement of reading or listening aptitudes, numerous encompass communicative exercises like interactive, mnemonic games, expositions, discussions, flipped classrooms, recreational activities serving dual purposes in both learning and assessment, feedback mechanisms, as well as challenges. A strong emphasis is typically placed on the assessment process for all courses; this process incorporates quizzes, peer evaluation, self-appraisal queries, and assorted forms of evaluation. The objective is to ensure clarity and measurable outcome attainment (Table 1).

The use of a vast array of educational activities and learning equipment within macrolearning practice, can be traced back to the emotional value of these resources. As they are the first to be encoded in the perceptual process, they are prioritised in the competition for selective attention and easily encoded in memory. Emotional arousal plays a significant role in this process, as it narrows attention and gives priority to emotionally significant stimuli. Emotion is also crucial for long-term retention, explaining why we readily remember information in areas of interest but struggle to recall facts from less engaging topics [38, p. 120].

Table 1. Examples of practical application of microlearning in the classroom

1. Authors: D. Conde-Caballero et al.	
Name of the research paper: Microlearning through TikTok in Higher Education. An Evaluation of Uses and Potentials [11]	
Objectives	the development of self-assessment skills through exercises within the instructional videos
Learning activities	explanations, memorization games, interactive games
Equipment	mobile phones
2. Authors: A. M. Al-Zahrani	
Name of the research paper: Enhancing Postgraduate Students' Learning Outcomes through Flipped Mobile-based Microlearning [1]	
Objectives	enhancing knowledge retention, contributing to the long-term retention of information
Learning activities	flipped classroom model, prior-lecture activities (short videos, quizzes, short notes)
Equipment	mobile devices (smartphones, tablets)
3. Authors: T. Gorham et al.	
Name of the research paper: Analyzing Learner Profiles in a Microlearning App for Training Language Learning Peer Feedback Skills [18]	
Objectives	improving students' peer feedback skills and internal feedback skills
Learning activities	Communicative Language Teaching-based activities, peer assessment activities, peer corrective feedback activities
Equipment	mobile devices, the Pebasco app

To recapitulate, it is crucial to underscore that the focus and scatterfocus modes hold equal significance, and their reciprocal interplay is paramount for optimally carrying out educational activities. Microlearning is intimately intertwined with the concept of focus, whereas the “meso” and “macro” levels are most effectively executed in the scatterfocus mode. This consideration is particularly vital when constructing educational curricula and programs, skilfully activating them, and teaching students to intelligently and deliberately transition between the two modes.

4. Discussion and Conclusion

Since the emergence of the initial scientific studies on the micro-pedagogical phenomenon, fascination with the subject has continually escalated, owing to a confluence of factors, the foremost of which is the digital essence of the current epoch. The advent of novel communication channels and the evolution of information technologies have precipitated substantial metamorphoses in the educational realm. This is owing to the fact that consuming exorbitant amounts of data exerts a profound effect on cognitive processes, thereby generating a demand for innovative pedagogical methodologies and approaches.

The inclination of pedagogists to diminish and fragment constituent parts of didactic content has been observable since the termination of the twentieth century. Nevertheless, microlearning is only now emerging as an independent pedagogical methodology, a development substantiated by the growing quantity of theoretical and empirical research. Indeed, the conceptual underpinnings of this approach are extensively addressed through meticulous examination by scholars including T. Hug, G. Siemens, M. Kerres, N. Friesen, M. Seidl, F. Scherer, M. Scherer and additional authors within the scope of their research on the didactic aspects of microlearning [21].

When looking at the growing popularity of microlearning, one can see how this phenomenon is becoming increasingly recognised. Our research aimed to understand what makes it an effective educational method. The analysis of published studies revealed that the micro-method is neurophysiologically grounded and effectively addresses memory, attention, and concentration issues. These factors contribute to the popularity of the micro-method. Its ability to be applied effectively in teaching foreign languages makes it relevant among educators, in general, and for foreign language education specifically.

In alignment with the perspective of T. Hug, we assert that microlearning encompasses more than mere fragmentation or abridgement of the didactic content. To optimally tap into the potential of this pedagogical strategy, it is crucial to diligently plan training sessions and courses. Thus, A.M. Al-Zahrani defines microlearning as an educational design strategy [1], while A. Rof and colleagues explore the capacity of micro-pedagogy to be arranged in a carefully planned sequence of lessons, which ultimately can culminate in a more effective learning pathway [37, p. 3].

Some Russian scholars suggest integrating microlearning into a modular educational format, which would begin with a theoretical aspect delivered through a visually engaging presentation, scheme, or other form of information delivery. Following this, the practical component would involve active use of language as part of the learning process [14, p. 642]. As F.L. Alshammari underlines in his research, the strategic nature of micro-pedagogy, particularly in its technological aspect and its role as a knowledge strategy, should be acknowledged and accounted for. He provides an example in one of his studies, where the strategic manner of micro-pedagogy is manifested in the hierarchical structure of the courses offered by the authors, proceeding in a step-wise fashion, with each part targeting specific learning objectives [2, p. 160]. This aspect underscores the deliberate and premeditated approach to implementing micro-pedagogy as an instructional technique.

At the present juncture, we can observe a conspicuous absence of a unified methodology or pedagogical mechanism that would encapsulate a singular action model pertaining to the integration of microlearning into the sphere of foreign language education. The researchers whose work has been explored elucidate diverging modalities through which microlearning can be seamlessly scaffolded into the educational fabric.

Although there is an increasing number of scholarly studies on microlearning, there is a need to expand the theoretical foundation of the method and develop methodological guidance for its application in foreign language classes. Firstly, our findings can assist scientists, methodologists, and teachers in better understanding the mechanisms of microlearning and implementing it in their own teaching practice. Secondly, these findings hold both theoretical and methodological value, providing a solid basis for further investigation in this field.

References

1. Al-Zahrani, A.M. "Enhancing postgraduate students' learning outcomes through Flipped Mobile-Based Microlearning". *Research in Learning Technology*, 2024, vol. 32, <https://doi.org/10.25304/rlt.v32.3110>.
2. ALshammari, F.L. "Video-based microlearning and the impact on programming skills and technology acceptance". *Journal of Education and e-Learning Research*, 2024, 11(1). P. 155–165. <https://doi.org/10.20448/jeelr.v11i1.5399>.
3. Avramenko, A.P. "Individualizatsiia protsessa formirovaniia inoiazychnoi leksicheskoi kompetentsii na osnove mikroobucheniia" [Individualization of the process of foreign language lexical competence formation based on microlearning]. *Vestnik TGU*, 2020, vol. 25, no. 184. P. 25–34.
4. Baddeley, A. *Essentials of Human Memory (1st ed.)*. Psychology Press, 2013, <https://doi.org/10.4324/9780203587027>.
5. Bailey, C. *Hyperfocus: how to be more productive in a world of distraction*. Alpina Publ., 2023.
6. Bugakova, T.Y. "E-LEARNING: sovremennye trendy obrazovaniia" [E-LEARNING: modern educational trends]. *Aktualnye voprosy obrazovaniia*, 2018, №1. P. 70–73.
7. Caldwell-Harris, C. L., MacWhinney B. "Age effects in second language acquisition: Expanding the emergentist account". *Brain and Language*, 2023, vol. 241, article number 105269, <https://doi.org/10.1016/j.bandl.2023.105269>.
8. Caldwell, K. "Learning out Loud: A Framework for Learning in an Era of Information Abundance". In S. Mistretta (Ed.), *Reimagining Education – The Role of E-learning, Creativity, and Technology in the Post-pandemic Era*, 2023, (p. 1–17) [eBook edition]. Intech Open, <https://doi.org/10.5772/intechopen.1002923>.
9. Chen, R. "Fostering Students' Workplace Communicative Competence and Collaborative Mindset through an Inquiry-Based Learning Design". *Education Sciences*, 2021, 11(1). P. 1–13. <https://doi.org/10.3390/educsci11010017>.
10. Chen, Y. "The congruency effect in L2 collocational processing: The underlying mechanism and moderating factors". *Studies in Second Language Acquisition*. Published online 2023, 1–21, <https://doi.org/10.1017/S0272263123000281>.
11. Conde-Caballero, D., et al. "Microlearning through TikTok in Higher Education. An evaluation of uses and potentials". *Education and Information Technologies*, 2024. 29. P. 2365–2385. <https://doi.org/10.1007/s10639-023-11904-4>.
12. Debbag, M., Yildiz, S. "Effect of the flipped classroom model on academic achievement and motivation in teacher education". *Education and Information Technologies*, 2021, vol. 26. P. 3057–3076. <https://doi.org/10.1007/s10639-020-10395-x>.
13. Dewaele, J.-M., et al. "How teacher behaviour shapes foreign language learners' enjoyment, anxiety and attitudes/motivation: A mixed modelling longitudinal investigation". *Language Teaching Research. Advance online publication*, 2022, <https://doi.org/10.1177/13621688221089601>.
14. Didenko, E.N. "Mikroobuchenie kak tehnologiia prepodavaniia inostrannogo iazyka v neiazykovom vuze" [Micro-Learning as a Technology for Teaching a Foreign Language in a Non-Linguistic University]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2023. №2. P. 640–644.
15. Dingler, T., et al. "Language learning on-the-go: opportune moments and design of mobile microlearning sessions". In: *Proceedings of the 19th international conference on human-computer interaction with mobile devices and services*, 2017, <https://doi.org/10.1145/3098279.3098565>.
16. *Do we have your attention? How people focus and live in the modern information environment*. King's College London. The Policy Institute. The Centre for Attention Studies, Feb. 2022, <https://www.kcl.ac.uk/policy-institute/assets/how-people-focus-and-live-in-the-modern-information-environment.pdf> (Accessed 20 October 2023).
17. Gläscher, J., et al. "Distributed neural system for general intelligence revealed by lesion mapping". *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 2010. 107(10). P. 4705–9, <https://doi.org/10.1073/pnas.0910397107>.
18. Gorham, T., et al. "Analyzing learner profiles in a microlearning app for training language learning peer feedback skills". *Journal of Computers in Education*, 2023. vol. 10. P. 549–574. <https://doi.org/10.1007/s40692-023-00264-0>.
19. Gregersen, T., et al. "Understanding language teacher wellbeing: An ESM study of daily stressors and uplifts". *Language Teaching Research*, 2023. 27(4). P. 862–883, <https://doi.org/10.1177/1362168820965897>.
20. Gusenbauer, M. "The age of abundant scholarly information and its synthesis – A time when 'just google it' is no longer enough". *Research synthesis methods*, 2021. 12(6). P. 684–691, <https://doi.org/10.1002/jrsm.1520>.
21. Hug, T. *Didactics of microlearning: concepts, discourses and examples*. Münster: Waxmann Publ., 2007.
22. Inker, J., et al. "Implementing microlearning in nursing homes: Implications for policy and practice in person-centered dementia care". *Journal of Applied Gerontology*, 2021. 40(9). P. 1062–1070.
23. Kapp, K., Defelice, R. A. *Microlearning: short and sweet*. Alexandria, US, ATD Press, 2019.
24. Kerres, M. "Microlearning as a Challenge for Instructional Design". In T. Hug (Ed.), *Didactics of microlearning: concepts, discourses and examples* Waxmann Publ., 2007. P. 98–109.
25. Kotyusov, A. I., et al. "Working Memory Capacity Depends on Attention Control, but Not Selective Attention". *Behavioral Sciences*, 2023, 13(2): 92, <https://doi.org/10.3390/bs13020092>.
26. Lado, R. *Language teaching: A scientific approach*. London: McGraw Hill Publ., 1964.
27. Lalitha, T. B., Sreeja, P. S. "Keyword Extraction and Pattern Model Identification on Online Learning Contents for Classification to Enhance Microlearning Concepts and Obtain Personalized eLearning Contents". *International Journal of Engineering Trends and Technology*, 2024. 72(3). P. 230–248, <https://doi.org/10.14445/22315381/IJETT-V72I3P121>.
28. Leroy, S. "Why is it so hard to do my work? The challenge of attention residue when switching between work tasks". *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 2009. vol. 109. no. 2. P. 168–181, <https://doi.org/10.1016/j.obhdp.2009.04.002>.
29. Lewis, M. *The lexical approach: The state of ELT and the way forward*. Boston, Massachusetts: Heinle ELT Publ., 2002.
30. Lucas-Oliva, I., et al. "From Neurodidactics to Language Teaching and Learning: The Emotional Approach". *Theory and Practice in Language Studies*, 2022. 12. P. 1457–1467, <https://doi.org/10.17507/tpls.1208.01>.

31. MacIntyre, P.D., et al. "Language teachers' coping strategies during the Covid-19 conversion to online teaching: Correlations with stress, wellbeing and negative emotions". *System*, 2020. vol. 94. article number 102352, <https://doi.org/10.1016/j.system.2020.102352>.
32. Marchetti, G. "Attention and working memory: two basic mechanisms for constructing temporal experiences". *Frontiers in Psychology*, 2014. vol. 5. article number 880, <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2014.00880>.
33. Monakhova, G.A., Monakhov D.N. et al. "Mikroobuchenie kak fenomen tsifrovoy transformatsii obrazovaniia" [Micro-education as a phenomenon of digital transformation of education]. *Obrazovanie i pravo*, 2020. № 6. P. 299–304.
34. Nunan, D. *Second Language Teaching and Learning*. Boston: Heinle&Heinle Publ., 1999.
35. Passov, E.I. *Kommunikativnyi metod obucheniia inoiazыchnomu govoreniu* [Communicative approach. Teaching a foreign language speaking]. Moscow, Prosveshchenie Publ. 1991. p. 223.
36. Prasittichok, P., Smithsarakarn, P. "The Effects of Microlearning on EFL Students' English Speaking: A Systematic Review and Meta-Analysis". *International Journal of Learning, Teaching and Educational Research*, 2024. 23(4). P. 525–546, <https://doi.org/10.26803/ijlter.23.4.27>.
37. Rof, A., et al. "Exploring learner satisfaction and the effectiveness of microlearning in higher education". *The Internet and Higher Education*, 2024. vol. 62. article number 100952, <https://doi.org/10.1016/j.iheduc.2024.100952>.
38. Scherer, F., Scherer, M. "How 'Micro' can learning be? A neuropsychological perspective on microlearning". In T. Hug (Ed.), *Didactics of microlearning: concepts, discourses and examples*, 2007. P. 110–124.
39. Seidl, M., Puhl, K. "Order from Intermediality. An Outline of a Model of Knowledge Production and Knowledge Reception". In T. Hug (Ed.), *Didactics of microlearning: concepts, discourses and examples*, 2007. P. 69–80.
40. Smallwood, J., et al. "When attention matters: The curious incident of the wandering mind". *Memory & Cognition*, 2008. vol. 36. P. 1144–1150, <https://doi.org/10.3758/MC.36.6.1144>.
41. Stracqualursi, L., Agati, P. "Twitter users perceptions of AI-based e-learning technologies". *Scientific Reports*, 2024. vol. 14. no. 1. Article number 5927, <https://doi.org/10.1038/s41598-024-56284-y>.
42. Sulis, G. "Engagement in the foreign language classroom: Micro and macro perspectives". *System*, 2022. vol. 110. Article number 102902, <https://doi.org/10.1016/j.system.2022.102902>.
43. Thornbury, S., Meddings, L. *Teaching unplugged: Dogme in English language teaching*. London: Delta Publishing, 2017.
44. United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. (2019, March 8). *Foreign-language teaching and linguistic diversity*. https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000366997_eng (Accessed 15 September 2023).
45. Zakharova, E.A. "Ispolzovanie tehnologii mikroobucheniia v praktike podgotovki budushhikh uchitelei" [The use of microlearning technology in the practice of future teachers' training]. *Nauka i shkola*, 2022. №3. P. 112–120.

Список литературы

1. Al-Zahrani, A. M. "Enhancing postgraduate students' learning outcomes through Flipped Mobile-Based Microlearning". *Research in Learning Technology*, 2024, vol. 32, <https://doi.org/10.25304/rlt.v32.3110>.
2. Alshammari, F. L. "Video-based microlearning and the impact on programming skills and technology acceptance". *Journal of Education and e-Learning Research*, 2024. 11(1). P. 155–165, <https://doi.org/10.20448/jeelr.v11i1.5399>.
3. Авраменко А.П. Индивидуализация процесса формирования иноязычной лексической компетенции на основе микрообучения // Вестник ТГУ. 2020. №184. С. 25–34.
4. Baddeley, A. *Essentials of Human Memory (1st ed.)*. Psychology Press, 2013, <https://doi.org/10.4324/9780203587027>.
5. Бэйли К. Гиперфокус: как управлять вниманием в мире, полном отвлечений / К. Бэйли ; Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2023. 336 с.
6. Бугакова Т.Ю. E-LEARNING: современные тренды образования // Актуальные вопросы образования. 2018. № 1. С. 70–73.
7. Caldwell-Harris, C. L., MacWhinney, B. "Age effects in second language acquisition: Expanding the emergentist account". *Brain and Language*, 2023. vol. 241. Article number 105269, <https://doi.org/10.1016/j.bandl.2023.105269>.
8. Caldwell, K. "Learning out Loud: A Framework for Learning in an Era of Information Abundance". In S. Mistretta (Ed.), *Reimagining Education – The Role of E-learning, Creativity, and Technology in the Post-pandemic Era*, 2023. P. 1–17 [eBook edition]. Intech Open, <https://doi.org/10.5772/intechopen.1002923>.
9. Chen, R. "Fostering Students' Workplace Communicative Competence and Collaborative Mindset through an Inquiry-Based Learning Design". *Education Sciences*, 2021. 11(1). P. 1–13, <https://doi.org/10.3390/educsci11010017>.
10. Chen, Y. "The congruency effect in L2 collocational processing: The underlying mechanism and moderating factors". *Studies in Second Language Acquisition*. Published online 2023. P.1–21, <https://doi.org/10.1017/S0272263123000281>.
11. Conde-Caballero, D., et al. "Microlearning through TikTok in Higher Education. An evaluation of uses and potentials". *Education and Information Technologies*, 2024. 29. P. 2365–2385, <https://doi.org/10.1007/s10639-023-11904-4>.
12. Debbag, M., Yıldız, S. "Effect of the flipped classroom model on academic achievement and motivation in teacher education". *Education and Information Technologies*, 2021. vol. 26. P. 3057–3076, <https://doi.org/10.1007/s10639-020-10395-x>.
13. Dewaele, J.-M., et al. (2022). "How teacher behaviour shapes foreign language learners' enjoyment, anxiety and attitudes/motivation: A mixed modelling longitudinal investigation". *Language Teaching Research. Advance online publication*, <https://doi.org/10.1177/13621688221089601>.
14. Диденко Э.Н. Микрообучение как технология преподавания иностранного языка в неязыковом вузе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. №2. С. 640–644.

15. Dingler, T., et al. "Language learning on-the-go: opportune moments and design of mobile microlearning sessions", 2017. In: *Proceedings of the 19th international conference on human-computer interaction with mobile devices and services*, <https://doi.org/10.1145/3098279.3098565>.
16. *Do we have your attention? How people focus and live in the modern information environment*. King's College London. The Policy Institute. The Centre for Attention Studies, Feb. 2022, <https://www.kcl.ac.uk/policy-institute/assets/how-people-focus-and-live-in-the-modern-information-environment.pdf> (Accessed 20 October 2023).
17. Gläscher, J., et al. "Distributed neural system for general intelligence revealed by lesion mapping". *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 2010. 107(10). P. 4705–9, <https://doi.org/10.1073/pnas.0910397107>.
18. Gorham, T., et al. "Analyzing learner profiles in a microlearning app for training language learning peer feedback skills". *Journal of Computers in Education*, 2023. vol. 10. P. 549–574, <https://doi.org/10.1007/s40692-023-00264-0>.
19. Gregersen, T., et al. "Understanding language teacher wellbeing: An ESM study of daily stressors and uplifts". *Language Teaching Research*, 2023. 27(4). P. 862–883, <https://doi.org/10.1177/1362168820965897>.
20. Gusenbauer, M. "The age of abundant scholarly information and its synthesis – A time when 'just google it' is no longer enough". *Research synthesis methods*, 2021. 12(6). P. 684–691, <https://doi.org/10.1002/jrsm.1520>.
21. Hug, T. *Didactics of microlearning: concepts, discourses and examples*. Münster: Waxmann Publ., 2007.
22. Inker, J., et al. "Implementing microlearning in nursing homes: Implications for policy and practice in person-centered dementia care". *Journal of Applied Gerontology*, 2021. 40(9). P. 1062–1070.
23. Kapp, K., Defelice, R. A. *Microlearning: short and sweet*. Alexandria, US, ATD Press, 2019.
24. Kerres, M. "Microlearning as a Challenge for Instructional Design". In T. Hug (Ed.), *Didactics of microlearning: concepts, discourses and examples* Waxmann Publ., 2007. P. 98–109.
25. Kotyusov, A. I., et al. "Working Memory Capacity Depends on Attention Control, but Not Selective Attention". *Behavioral Sciences*, 2023. 13(2). P. 92, <https://doi.org/10.3390/bs13020092>.
26. Lado, R. *Language teaching: A scientific approach*. London: McGraw Hill Publ., 1964.
27. Lalitha, T. B., Sreeja, P. S. "Keyword Extraction and Pattern Model Identification on Online Learning Contents for Classification to Enhance Microlearning Concepts and Obtain Personalized eLearning Contents". *International Journal of Engineering Trends and Technology*, 2024. 72(3), P. 230–248, <https://doi.org/10.14445/22315381/IJETT-V72I3P121>.
28. Leroy, S. "Why is it so hard to do my work? The challenge of attention residue when switching between work tasks". *Organizational Behavior and Human Decision Processes*, 2009. vol. 109. no. 2. P. 168–181, <https://doi.org/10.1016/j.obhdp.2009.04.002>.
29. Lewis, M. *The lexical approach: The state of ELT and the way forward*. Boston, Massachusetts: Heinle ELT Publ., 2002.
30. Lucas-Oliva, I., et al. "From Neurodidactics to Language Teaching and Learning: The Emotional Approach". *Theory and Practice in Language Studies*, 2022. 12. P. 1457–1467, <https://doi.org/10.17507/tpls.1208.01>.
31. MacIntyre, P. D., et al. "Language teachers' coping strategies during the Covid-19 conversion to online teaching: Correlations with stress, wellbeing and negative emotions". *System*, 2020. Vol. 94. Article number 102352, <https://doi.org/10.1016/j.system.2020.102352>.
32. Marchetti, G. "Attention and working memory: two basic mechanisms for constructing temporal experiences". *Frontiers in Psychology*, 2014. Vol. 5. Article 880, <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2014.00880>.
33. Монахова Г.А. Микрообучение как феномен цифровой трансформации образования / Г.А. Монахова, Д.Н. Монахов, Г.Б. Прончев // Образование и право. 2020. № 6. С. 299–304.
34. Пассов Е.И. Коммуникативный метод обучения иноязычному говорению: 2-е изд. / Е.И. Пассов. М.: Просвещение, 1991. 223 с.
35. Nunan, D. *Second Language Teaching and Learning*. Boston: Heinle&Heinle Publ., 1999.
36. Prasittichok, P., Smithsarakarn, P. "The Effects of Microlearning on EFL Students' English Speaking: A Systematic Review and Meta-Analysis". *International Journal of Learning, Teaching and Educational Research*, 2024. 23(4). P. 525–546, <https://doi.org/10.26803/ijlter.23.4.27>.
37. Rof, A., et al. "Exploring learner satisfaction and the effectiveness of microlearning in higher education". *The Internet and Higher Education*, 2024. Vol. 62. Article number 100952, <https://doi.org/10.1016/j.iheduc.2024.100952>.
38. Scherer, F., Scherer, M. "How 'Micro' can learning be? A neuropsychological perspective on microlearning". In T. Hug (Ed.), *Didactics of microlearning: concepts, discourses and examples*, 2007. P. 110–124.
39. Seidl, M., Puhl, K. "Order from Intermediality. An Outline of a Model of Knowledge Production and Knowledge Reception". In T. Hug (Ed.), *Didactics of microlearning: concepts, discourses and examples*, 2007. P. 69–80.
40. Smallwood, J., et al. "When attention matters: The curious incident of the wandering mind". *Memory & Cognition*, 2008. Vol. 36. P. 1144–1150, <https://doi.org/10.3758/MC.36.6.1144>.
41. Stracqualursi, L., Agati, P. "Twitter users perceptions of AI-based e-learning technologies". *Scientific Reports*, 2024. Vol. 14. No. 1. Article number 5927, <https://doi.org/10.1038/s41598-024-56284-y>.
42. Sulis, G. "Engagement in the foreign language classroom: Micro and macro perspectives". *System*, 2022. Vol. 110. Article number 102902, <https://doi.org/10.1016/j.system.2022.102902>.
43. Thornbury, S., Meddings, L. *Teaching unplugged: Dogme in English language teaching*. London: Delta Publishing, 2017.
44. United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization. (2019, March 8). *Foreign-language teaching and linguistic diversity*, https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000366997_eng (Accessed 15 September 2023).
45. Захарова Е. А. Использование технологии микрообучения в практике подготовки будущих учителей // Наука и школа. 2022. №3. С. 112–120.

About the author:

Ksenia V. Lykova, PhD in Pedagogic Sciences (pending), is Senior Lecturer at the Department of Linguistics and Professional Communication in Foreign Languages, Ural Federal University (Ekaterinburg, Russia). Spheres of research and professional interest: foreign language teaching methodology, microlearning. E-mail: ksenia.vl.lykova@gmail.com. ORCID: 0009-0003-5540-271X

Сведения об авторе:

Лыкова Ксения Владимировна – соискатель учёной степени кандидата педагогических наук, старший преподаватель кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации на иностранных языках УрФУ (Екатеринбург, Россия). Сфера научных и профессиональных интересов: методика преподавания иностранных языков, микрообучение. E-mail: ksenia.vl.lykova@gmail.com. ORCID: 0009-0003-5540-271X

* * *

Rishi Sunak vs Keir Starmer: Cartoon Representation in the Context of the 2024 General Election

Alyona V. Dymova¹, Victoria Yu. Kareva^{1,2}, Anastasia I. Zolotaiko³

¹ Ural Federal University,
19, ulitsa Mira, Yekaterinburg, 620002, Russia

² University of Jyväskylä,
15, Seminaarinkatu st., Jyväskylä, 40014, Finland

³ Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation,
66, ulitsa Korepina, Yekaterinburg, 620017, Russia

Abstract. This research is devoted to the images of personalities in the modern world political arena from the point of view of linguistic analysis. The purpose of the article is to identify the specific representation features of the dramatic results of the parliamentary elections in Great Britain in the news Internet discourse at the non-verbal level of the text. The study is conducted through cognitive discourse analysis of images and metaphors based on creolized texts. The selected cartoons are attributed to two stretches of time as regards their release dates: the anticipation of the 2024 UK General election and on the date of election (July 4, 2024) or within a month afterwards. The caricatures were classified according to who was featured: Rishi Sunak alone, Keir Starmer alone, or both of them contrasted. The results of the research were obtained by means of a complex 7-step analysis. It is concluded that it is the combination of images / motifs incorporated within one cartoon that might make it especially powerful at leaving its imprint on the target reader. Regardless of the tactics applied by the cartoon authors to formulate the connotative vectors in the sample, one may see that each image / motif is supported by two prominent means. That is metaphorical transference that alters the cartoon space, action or appearance of the politicians so as to converge two differing phenomena of reality and characterise one through another. Allusions to events or previously made utterances are another basis for the sampled cartoons. The essential point that stems from the conducted research is that the English-language cartoons of Rishi Sunak are harsher than the ones of his opponent and concurrently the winner of the election. Although many of them appeal to negative connotations, some still represent Keir Starmer neutrally (e.g. a cleaner) or even positively (e.g. a winner of a sports competition). The inclusion of allusive elements is particularly characteristic of the cartoons representing Keir Starmer.

Keywords: cartoon, caricature, UK Prime Minister, general election, metaphor, image, Rishi Sunak, Keir Starmer

For citation: Dymova A.V., Kareva V.Yu., Zolotaiko A.I. (2024). Rishi Sunak vs Keir Starmer: cartoon representation in the context of the 2024 general election. *Linguistics & Polyglot Studies*, 10(4), pp. 114–131. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-4-41-114-131>

Риши Сунак vs Кир Стармер: карикатурная репрезентация в контексте парламентских выборов

А.В. Дымова¹, В.Ю. Карева^{1,2}, А.И. Золотайко³

¹ Уральский федеральный университет,
620002, Россия, Екатеринбург, ул. Мира, 19

² Университет Йювяскюля,
40014, Финляндия, Йювяскюля, ул. Семинааринкату 15

³ Уральский юридический институт МВД России,
620017, Россия, Екатеринбург, ул. Корепина 66

Аннотация. Настоящее исследование посвящено образам деятелей на современной мировой политической арене с точки зрения лингвистического анализа. Целью статьи является выявление особенностей репрезентации ошеломительных результатов парламентских выборов в Великобритании в новостном аспекте интернет-дискурса на невербальном уровне текста. Исследование проводится посредством когнитивно-дискурсивного анализа образов и метафор на основе креолизованных текстов. Выбранные карикатуры отнесены к двум временным отрезкам по датам выхода: в преддверии парламентских выборов в Великобритании 2024 года и непосредственно в сам день выборов (4 июля 2024 года) или в течение месяца после них. Карикатуры классифицируются в зависимости от персоны, запечатлённой на изображении: Риши Сунак отдельно, Кир Стармер отдельно или оба политика в противопоставлении. Результаты исследования получены с помощью комплексного анализа, включающего в себя семь этапов. Отмечается, что именно сочетание образов в одном изображении позволяет достичь большего воздействия на реципиента. Вне зависимости от используемых авторами карикатур тактик формирования коннотативных векторов в предложенной выборке, можно увидеть, что образы задействуют два основных средства. Метафорический перенос направлен на преобразование пространства на карикатуре, действий или внешности политиков таким образом, чтобы соединить два разных явления действительности и тем самым опосредованно получить представление о каждом из них. Аллюзии на события или ранее сделанные заявления представляются ещё одной общей основополагающей чертой отобранных изображений. Существенным выводом, вытекающим из проведённого исследования, является то, что англоязычные карикатуры на Риши Сунака носят более резкий негативный характер, чем карикатуры на его оппонента-победителя выборов. Несмотря на то, что многие из них апеллируют к негативным коннотациям, некоторые всё же представляют Кира Стармера нейтрально (например, уборщиком) или даже положительно (например, победителем спортивного соревнования). Включение аллюзии особенно характерно для карикатур, представляющих Кира Стармера.

Ключевые слова: карикатура, премьер-министр Великобритании, парламентские выборы, метафора, образ, Риши Сунак, Кир Стармер

Для цитирования: Дымова А.В., Карева В.Ю., Золотайко А.И. (2024). Риши Сунак vs Кир Стармер: карикатурная репрезентация в контексте парламентских выборов. *Филологические науки в МГИМО*. 10(4), С. 114–131. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-4-41-114-131>

1. Introduction

One of the most prominent and widely publicised events in the political sphere is the regime change and the vector of state development through parliamentary elections. It seems possible to include Great Britain among such striking examples that changed the course of government implemented by the Conservative Party for the first time in 14 years. The party's hold on power became difficult 10 years ago when it decided to cut social spending after the global financial crisis and strengthen the influence of the ideological component in politics but all attempts were undermined by scandals related to the party's leaders.

In this regard of peculiar interest is the image of a politician in the context of such political turbulence: the electorate's expectations are compared with the achievements and actions taken and then transformed into a certain conclusion. Not only are the results of staying in power considered, but also the general behaviour prior to the elections. For example, Downing Street's Covid parties and corruption in public procurement during the pandemic brought popular Prime Minister Boris Johnson to resign. This was followed by the fleeting but disastrous premiership of Liz Truss which almost bankrupted the country's pension system. She was replaced by Rishi Sunak by an internal party decision, not by the results of the general election. The early announcement of a parliamentary election stunned the Prime Minister's allies since no situation of success for a sustainable campaign was created. In the first two of the six weeks of the short and unexpected election campaign, Rishi Sunak inspired an incredible number of memes. He managed to take a photo next to the "exit" sign and give a speech at the shipyard in Belfast where the Titanic was built. After the first meeting with voters, it turned out that the questions from the people were asked by costumed functionaries of his own party. After the first televised debate, Rishi Sunak had to fight off accusations of outright lying to the opposition that its coming to power would allegedly cost each British family £2,000 in new taxes. In addition to all that, the Tories promised to reduce immigration to tens of thousands a year but it has been breaking record after record. Keir Starmer had a simpler task – he proposed to give the opposition a chance since the Conservative Party had failed in 14 years.

One of the most common instruments for identifying the perception of a politician is a political cartoon, which is often referred to as a universal tool of communication between governments and the people. Political cartoons remain topical for as long as the news genres exist due to the fact that they reflect the moods of society in an easy-to-decode form that combines pragmatic meanings of textual and visual elements. In this regard, they attract scientific attention from researchers of the explicit metaphoric field in various discursive aspects [1], [2], [3], [5], [7], [10], [14], [16], [20], [24], etc. Researchers Dugalich N.M. and Gishkaeva L.N. claim that "at a structural level, political cartoon is a creolized text, i.e. the combination of semiotic codes of the iconic and verbal levels, the compatibility of the components of which determines the originality of the cartoon" [8, p. 428]. Political cartoons may be analysed within the scope of certain publishing agencies (editorial cartoons) and independently as random images attached to an event or a political figure in the search field of the Internet: "A political cartoon as an object of informal communication can be used independently, outside of publication, remaining a creolized text consisting of an image and a caption" [12, p. 77].

Taking into account the reflective nature of political cartoons, we see that they are often used as explicit graphic support for news in all kinds of media (online magazines, messengers, video previews and captures etc.) as "political cartoons and comics have some interlinked history, sharing newspapers as a location of early development, and they share many formal features in their use of text and image, methods of representation and drawing techniques" [6, p. 127]. Integration of political cartoons into digital news genres "makes them more accessible for the audience (hence more impactful)" [19, p. 131] and that is why the news aspect of the Internet discourse (understood as a special type of communication mediated by news media in the near-political environment) [9] provides limitless scope for linguistic research.

The purpose of this article is to identify the specific representation features of the dramatic results of the parliamentary elections which highlighted mass dissatisfaction with Rishi Sunak and the policies he pursued, as well as the emergence of a new figure, Keir Starmer, who presented his alternative to the

political settlement of a wide range of pressing issues along with ways to restore trust in the institution of power and meet the expectations imposed on it in the news aspect of the Internet discourse at the non-verbal level of the text. The relevance of the issue under consideration is due to the contradictions that arise when the personality and actions of a politician do not live up to the expectations of the electorate. The Prime Minister who leads the party represents not only himself but also a huge political force with a clearly defined vector of state development, and therefore, a cardinal reshuffle in the Parliament means a significant shift at the conceptual level of public demand.

2. Material & Methodology

The study is conducted through cognitive discourse analysis of metaphors within the news aspect of Internet discourse based on creolized texts. By means of continuous sampling, 244 English-language graphic files were selected illustrating the perception of the results of the parliamentary elections represented by the party leaders: Rishi Sunak and Keir Starmer.

This pool of cartoons can be attributed to two stretches of time as regards their release dates:

1. In anticipation of the 2024 UK General election, these cartoons started to appear in the Internet space most actively since March 2024.
2. The rest saw daylight either on the day of election (July 4, 2024) or within a month afterwards.

The results of the research were obtained by means of a complex analysis containing the following steps: a) material selection; b) identification of the major subjects and content depicted in the images; c) iconic component interpretation; d) verbal component interpretation (including target readers' reactions in the comment sections below the publications, containing the selected cartoons, to assess the approval rate of their content); e) synthesis of the collected information; f) decoding the final pragmatic meaning of the image; g) clustering the images according to the revealed common patterns. When working with practical material, the authors relied on the following methods: description, comparison, content analysis, cognitive discourse analysis.

3. Results

Having chosen the caricatures, we were able to classify them according to who was featured: Rishi Sunak alone, Keir Starmer alone, or both of them contrasted. In each group there emerged several prominent motifs with the solo ones containing most examples.

3.1. Cartoon Representation of Rishi Sunak without his opponent

Where Rishi Sunak appears alone, the largest number of images belongs to the group of him being consigned to *history* by being put into either a *museum* or a *dumpster*. Figure 1 represents the former, where we can see the previous Prime Minister alongside his predecessors not being recognised by his constituency (see '*And who were these guys, Daddy?*'), indicating the fleeting nature of his ruling and the lack of its long-lasting impact. The next picture (Figure 2) clearly communicates a similar message of the utter irrelevance of the slew of recent incumbents, with Rishi Sunak being the latest addition while in the background a sermon is being delivered burying the Conservative Party. It is noteworthy that yet again the members of the public are not mourning the proceedings, rather they are impatient to move on.

In both examples, there are iconic and verbal means of unlocking their pragmatic potential. Both a museum exhibit next to an extinct dinosaur and an item of rubbish buried under the epitaph '*RIP Conservative Party*' employ layered metaphorical transference, which could be unravelled as a **history (museum / dumpster) = death = obsolescence / irrelevance**. Here it is directed immediately at Rishi Sunak and his party (also see '*The Tory Party*' museum information stand).

Further proof of this can be found in the comment section¹ on X.com², where users say ‘The woman looking at her watch 🕒 🍌’ or ‘In an ideal world you’d want to see a long, long line of cement mixers stretching into the distance to seal them back down in hell for a good few centuries’ indicating the public’s attitude. The recurrent motif of death, found in such a commentary (e.g. emojis and lexemes pertaining to the domain), is worthy of attention and signals that the public does not wish the politician any good.

Fig. 1

Fig. 2

Death and **destruction** wherein Rishi Sunak is jumping off a cliff or is standing amid total chaos with the world being destroyed around him either foreshadowing his defeat in the upcoming election or demonstrating its aftermath is the second example in this group. Figure 3 features a clueless Rishi falling off a cliff with the election being his saviour, which turns out to be his downfall. Likewise, Figure 4 shows the current Prime minister saying ‘Well, that went well...’ surrounded by rubble and a torn national flag indicating the total failure for the Conservative Party, confirming the forecasts.

Compared to the aforementioned first group, here death and destruction are caused by Rishi Sunak (even in Figure 3 it is a self-directed action) and, hence, the pragmatic message, although employing a somewhat similar image, is slightly different. It is **death / destruction = failure**. The use of irony in both examples is of particular note as the ex-Prime Minister’s words clash with the visual context, which also suggests the politician is naïvely unaware of the real state of affairs.

Fig. 3

Fig. 4

¹ Hereinafter, the commentary authors’ spelling and punctuation are preserved in all contexts.

² Currently restricted in Russia

The following group depicts the *heatwave* and Rishi Sunak being *in the pouring rain* which in and of itself indicates mistrust due to some dark deeds and/or misfortune. Figure 5 shows the exhausted Sunak encouraging people to vote amid the sweltering heat of the desert with vultures soaring closer to the day of the elections indicating the unfavourable outcome of his endeavour. Figure 6, by contrast, shows him marching under a dark cloud with the words ‘*next*’ crossed out and changed for ‘*last*’ with reference to the six weeks remaining until the 4th of July.

As is seen, extreme weather conditions are widely utilised to formulate the metaphoric transference **heatwave / pouring rain = problems**. Although he is still portrayed to be taking action, Rishi Sunak looks devastated and succumbs to these weather conditions. The verbal level only heightens the effect both in the abovementioned corrected text and in the depiction of falling leaflets ‘*Vote Sunak*’ from his hands, which suggests the loss of the electorate ready to vote for him.

This prediction of his defeat is further supported by the comment section on X.com where one commenter wrote “‘*This country is a better place to live now than it was in 2010,*’ Sunak says. 🤔🤔🤔 When he loses his job on Thursday he should go into comedy!’, clearly showing the lack of confidence in Sunak’s victory.

Fig. 5

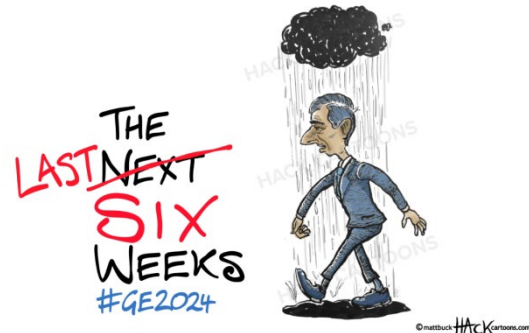

Fig. 6

The fourth image, which is quite widespread, has to do with **betting**. Here, Rishi Sunak is either under cover, as shown in Figure 7, surreptitiously placing a bet that he will resign on the 5th of July or encouraging other people to bet on his resignation in Figure 8 (also see the hand in the bottom right corner reaching with ‘*£100 on Rishi to resign July 5th*’). One of the comments to the former image on X.com reads ‘*Sorry sir, but we do not take bets on forgone conclusions.*’, indicating that the public is just as aware of how good the odds are that Sunak will lose. Remarkably, the latter is simultaneously a representative of the second motif as the cartoon carries a pun name containing the lexeme ‘*buried*’ and depicts the tombstone of the Tory Party. In either case, the implication is clear – his resignation is a fair bet.

Betting here is intertwined with buffoonery, which in fact adds to the metaphorical transference **betting** in this context = **absurdity**. It is achieved in these examples by portraying Rishi Sunak acting illogically (betting against himself or dancing on his party’s grave, even though a toilet roll is thrown at him) and simultaneously keeping a wide smile on his face. Moreover, these are also based on the allusion to the betting scandal³, which took place because some representatives of the politician’s inner circle allegedly placed bets that the election would occur on July 4th long before the date went public.

³ “Alleged bets on election date add to woes for ‘incredibly angry’ British PM Rishi Sunak”. NBC News, 22 Jun. 2024, <https://www.nbcnews.com/news/world/uk-gambling-bets-election-date-pm-sunak-conservatives-rcna158230> (Accessed 31.07.2024).

Fig. 7

Fig. 8

In the same vein of something underhanded going on, we can see some instances of ballot *fraud* or even expressed apprehension about *a prison sentence*. In Figure 9 one can see Rishi Sunak making his escape with some ballots falling out of the van, which implies the attempt to tamper with the votes. Whereas Figure 9 includes the same pattern as Figure 5, namely falling leaflets / ballot papers as a metaphor for losing voters, here this action raises questions as to the legitimacy of Rishi Sunak driving a van full of completed ballots. The same negative connotation is conveyed in Figure 10, where Rishi Sunak's team member suggests following in Assange's footsteps by pleading guilty so as to avoid heavier punishment for all the wrongdoings during his term as PM. Of note is the allusive analogy between Assange's 14 years (see 'Assange free after 14 years') towards the plea deal and the Conservative Party's 14 years in charge, which emphasises the metaphor of Rishi Sunak, aka the Conservative Party, being a criminal.

Fig. 9

Fig. 10

Escape is another route, albeit less represented, which commentators see as possible for the now-former Prime Minister. Figure 11 shows him fleeing, come the day of the election, with his bags in hand, showing the perceived cowardice and the lack of prospects for victory. Surprisingly, this example appears to be multi-layered since the cartoon alludes to the D-day commemoration in June 2024, more specifically to Rishi Sunak cutting his attendance short (something he was strongly criticised for). It is clearly hinted by the author that the ex-Prime Minister should act identically during the election in July. By the same token, Figure 12 shows Rishi Sunak who realising taxes are his Achilles heel, hails a taxi out of the residence making a swift escape. In either illustration, the ex-Prime Minister appears to be scared.

Both examples employ phonetic puns in a noteworthy way and contribute to the realisation of the metaphorical comparison of a real-life escape to the "escape" from duties and responsibility. Figure 11 has a wordplay based on the likeness of [di:dei] in the military term, the contraction of this cartoon's name "Decision Day" and the colloquial way of pronouncing "the day"; and Figure 12 focuses on the proximity of [tæksɪz] and [tæksi].

With regards to this image, *The Guardian* commenters write, ‘This cartoon gives the unfortunate impression that Ri\$hi is capable of hailing a taxi. I have my doubts on that one!’, communicating their belief in the sheer ineptitude of Rishi Sunak, which had been observed in another group of images, or showing conviction in his imminent escape from No 10 – ‘I imagine Sunak fleeing No 10 as if it was the fall of Saigon. He scrambles into a helicopter that has landed on the roof, kicking away desperate Tories who want to escape with him.’

Fig. 11

Fig. 12

The least prominent image is Rishi Sunak shouting into the *abyss* / *void*, indicating that his messages are bound to fall on deaf ears since the public no longer believes him. This is the case in Figure 13, which contains a satirical denial of what the Prime Minister is doing. We see consistently this ironic discrepancy between the politician's words and the context that is aimed at intensifying the pragmatic effect through the oppositional correlation of verbal and non-verbal elements. The front door of 10 Downing Street in Figure 14 became another basis for setting the pattern. Flushed down the sewage, Rishi Sunak is screaming, yet again, not to be heard.

Fig. 13

Fig. 14

3.2. Cartoon Representation of Keir Starmer without his opponent

Moving on to the group where Keir Starmer is seen solo, we have identified a distinct set of images with three dominant vectors.

The one image most cartoonists ascribe to the challenger is that of a *caretaker* in charge of *cleaning* out the *mess*. Thus, Figure 15 shows Keir Starmer opening the door of his new office only to find it in shambles, ruined, clearly communicating that the task ahead of him is to rebuild everything. One commenter on X.com referred to this state as ‘*scorched earth*’, further confirming our conclusion (‘*The Conservative Party has left behind a fully scorched earth that will be difficult, if not impossible, to restore for the Labour Party.*’).

A more explicit message is seen in Figure 16 where Keir Starmer is, alongside his new cabinet, actively scrubbing all the grime and dirt off the No 10 floor. The comment section on this image from *The Guardian* abounds in citizens expressing doubt at the state of the mess depicted, signalling the public's perception of the amount of clean-up ahead 'Only ankle-deep? Seems like a relatively optimistic assessment of the amount of detritus to be removed.'

This metaphor, regardless of whether the new Prime Minister is depicted simply gazing at the mess or already cleaning it, tends to be associated with facial expressions of astonishment, shock or even sadness. At times there is obviously some irony (see the sarcastic 'Welcome' on the doormat). However, the pragmatic effect of both the image and metaphor is rather positive as Keir Starmer here is **to clean up the mess = to solve the problems** left by the previous First Lord of the Treasury.

Fig. 15

Fig. 16

Interestingly, the next group offers a very different perception trajectory of the new Prime Minister – he is portrayed as *inept, weak, cowardly or two-faced* because he is clumsily attempting to please everyone around, showing the distrust of the public of the new leader. Moreover, it is one of the few groups in which the sampled cartoons share the motif but not the dominant metaphor, although each example contains one of its own.

Figure 17 features the new leader of the party and the government to be quite illiterate and unable to even spell the word 'agenda' which does nothing to reassure the viewer of his capabilities as far as complex issues are concerned, with one scathing comment on X.com saying 'At least the apostrophe is correctly placed.' which is nothing short of a miracle. On top of everything else, a play on words, which connects this example with the undermentioned group, could be detected here as well. Instead of 'agenda', Keir Starmer seems to be about to write 'a gender', a topic, on which his statements have scandalised the public several times. This phonetic pun is centred around the fact that both chunks are pronounced identically as [ədʒendə] and also refers to the politician wavering between the two options, doubting which one to use to satisfy the public.

In Figure 18, on the other hand, Keir Starmer is seen as a duplicitous politician promising one thing while keeping his real plans concealed behind his back, though, admittedly, the public can see through him, which could be interpreted as him being not brave enough to say what he wants and not smart enough to hide his true intentions. Figure 19 depicts Starmer as a clueless, weak buffoon as he is opening the door of his residence in an attire indicating he has been asleep, which could be subtle subtext indicating a lack of awareness of current affairs, only to find he is surrounded by hungry members of the public with neither a way of feeding them, nor a plan.

This lack of direction is perceived by the members of the public with comments on X.com ranging from 'Absolutely bang on the nose too!' to 'It's tough at the top' with some conclusion that this is the deplorable situation left by the Starmer's predecessor – 'It summarises the state Public Services have been left in by the Tories, and the challenge that faces Labour'.

Fig. 17

Fig. 18

Fig. 19

Colouring something **red** (the colour of the Labour Party) is a distinctive feature of the third dominant group, which signifies a change of government for the first time in 14 years, be that a new coat of paint on the No 10's door in Figure 20 or spraying 'Tories' red. The former was also accompanied by *The Economist's* comment 'A change of management is a good result for Britain.'

The caption 'Lasting damage' prominently displayed in Figure 21, which was released before the election and result announcement, suggests that the author was convinced of the Labour Party winning at that stage already and of the subsequent repercussions for the Conservative Party. Furthermore, the scene itself is an allusion to an event which had taken place just a couple of days before the publication of this cartoon. In its course, several environmental protesters covered Stonehenge in powder paint. Whereas this colour is likely to 'be removed without lasting damage'⁴, the same prospect for the Tories is called into question by the cartoonist.

In general, colour metaphors are a rather comprehensible and therefore well-established instrument in political caricature. Since they reexamine the colours that are widely associated with some political entity, the pragmatic message is much easier to decipher.

Fig. 20

Fig. 21

The other images, despite being less frequent, are no less scathing in their nature. They are grouped together based on the indispensable allusive inclusion. Almost always one needs to stay updated on the political agenda and latest news of this linguoculture to be able to effortlessly decipher the content. Each motif's example contains a metaphor but it appears less salient in light of the allusive element. Sometimes (see the *Ming vase* below) the metaphor is also hard to understand without being aware of the local politics.

Similarly to Figure 17, Keir Starmer is shown to (what has been called by the press) 'flip-flop'⁵ on **gender** issues, which clearly does not win him any favour with the female constituency, as can be seen in Figure 22. Moreover, Starmer's appeal to his 'father' being a member of the *working class* is a point he has

⁴ "Stonehenge covered in powder paint by Just Stop Oil". BBC, 19 Jun. 2024, <https://www.bbc.com/news/articles/cw44mdce0zzo> (Accessed 31.07.2024).

⁵ "A brief history of Sir Keir Starmer's trans flip-flopping". The Spectator, 3 Apr. 2023, <https://www.spectator.co.uk/article/a-brief-history-of-sir-keir-starmer-s-flip-flopping-on-trans-rights/> (Accessed 31.07.2024).

used a tat too often as is illustrated in Figure 23 with the slogan 'Do *CHANGE* your tune', which allows us to conclude that this is a mere overused trick which the public can see through. One more employed image is the *Ming vase*, which could signify fragility, hidden dangers if there is a crack, or great value since they are objects of high worth. In the case of Figure 24, this artefact could also be an appeal to past election commentary⁶ where the candidate was likened to someone carrying a Ming vase with the floor being highly polished, i.e., a futile endeavour likely to result in failure.

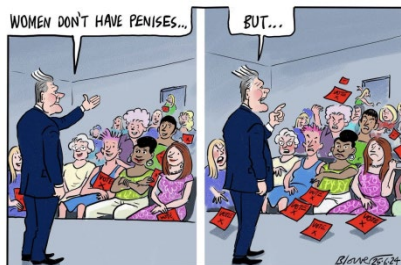

Fig. 22

Fig. 23

Fig. 24

3.3. Cartoon Representation of Rishi Sunak vs Keir Starmer

This group comprises Rishi Sunak and Keir Starmer side by side as opponents. Three recurrent patterns emerged in the course of our analysis.

By far the most frequently conveyed message was that *both* are *unfit* to do the job, as often as not putting them alongside the current at that moment *American candidates* neither of whom is, according to the cartoon authors, worthy of being elected. Figure 25 is an illustrative example with the caption 'Net zero' indicating that there is essentially no difference between the two politicians. The empty speech bubbles have been interpreted by some commenters as '*...the most sensible thing either of them have said in the whole campaign.*'

Similarly, Figure 26 shows Rishi Sunak joining the recent slew of former Prime Ministers that Britain has seen, with a clear message – the new incumbent is no better than his predecessors. The similarity with the 2024 US presidential election is prominently displayed in Figure 27 where the setting is analogous to the situation in America with both viewers saying 'Are you two *REALLY* the best we've got', communicating the discontentment of the public with the choice which is further substantiated by the comment section on X.com where the users remarked 'Perfect. I was thinking this while watching the Trump-Biden debate 😂' or 'There is a big difference in calibre between the UK and US. The US candidates are next level bad!'.

The common metaphorical transference for this group is **absence of words = empty talk**, which is carried out through blank speech bubbles, their complete absence or them with corny filler phrases. Not being alien to cartoons in general, this feature is highly significant here as the Prime Ministers are situated in the context of communication – either attempting to produce speech or addressed with a question.

Fig. 25

Fig. 26

Fig. 27

⁶ "Who came up with the analogy of carrying a Ming vase?". The Spectator, 22 Jun. 2024, <https://www.spectator.co.uk/article/who-came-up-with-the-analogy-of-carrying-a-ming-vase/> (Accessed 31.07.2024).

The second group predicts the **victory** of Keir Starmer and often employs sports as the leading metaphor, particularly **tennis** or **races**, which is not unexpected since elections are a competition with winners and losers and has been previously noted by other researchers as present across linguocultures [4], [13], [18]. Consequently, in Figure 28 we can see Starmer being in the lead in the last lap of a car race, indicating his forthcoming victory, with Sunak and his other opponents not that far behind. Curiously, Rishi seems to have gotten into a trap which hampers his chances of winning. The futility of his actions is prominently displayed in Figure 29 where we can see him being overwhelmed by Keir Starmer, who is already holding a trophy in the background, with multiple tennis balls in Sunak's corner. By contrast, Keir Starmer is foregrounded in Figure 30 giving a speech on his strategy '*I just stayed in the middle...*' with Sunak leaving the court not having scored any goals, defeated. Notably, the score is 666:0 which could be a subtle jab at the winner, implying he is no angel.

Fig. 28

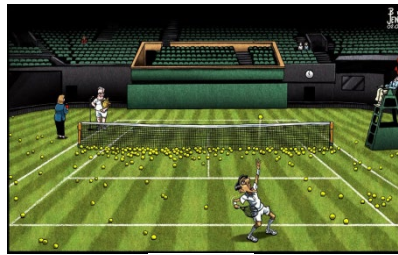

Fig. 29

Fig. 30

Remarkably, the last group includes the images from their solo appearances – a **dumpster** and the **Ming vase**. In spite of the fact that in Figure 31 Keir Starmer is seen as dusting the proposed policies coming into his Downing 10 residence with Rishi Sunak put into a rubbish bin, the caption '*Change?*' is obviously not optimistic since the issues in question are the likes of 'Two child policy cap' and 'NHS privatisation'. Figure 32 likewise has the word 'Change' inscribed on the Ming vase, the focal point, yet its prospect is bleak as Keir Starmer is bound to slip on the floor so kindly polished by the following Rishi Sunak. The one in pursuit is hoisted with his own petard as the chord of the implement is tangled around his leg indicating the imminent spectacular fall.

Here, *The Guardian* commenters confirmed our conclusion by stating '*The problem with the Ming Vase analogy⁷, is that sooner or later, voters are going to twig that it is being carried by an empty vessel*', implying that there is no change or expressing it even more explicitly by saying '*Change? What change ?*'.

Noteworthy, in publicly available sources Rishi Sunak is reported to be almost of the same height as Keir Starmer – 1.7 m and 1.74 m respectively. Nonetheless, in Figure 32 the former is half the new Prime Minister's size and even shorter than the floor polisher. This is an example of the metaphoric antithesis **big vs small**, which has been noted by us in our previous research [9] as common in the caricature of Rishi Sunak. The bigger object / personality is represented as more significant and powerful. In Figure 31 there is another antithesis **up vs down**, which carries the same pragmatic message. As a result, we can conclude that when both politicians are portrayed in the cartoon and there is an inclusion of a motif from their solo caricature, the dimensional metaphor tends to be applied. It is rarely in favour of Rishi Sunak.

⁷ See Footnote 1

Fig. 31

Fig. 32

4. Discussion

In the sense that appointments of new heads of the UK government who also happen to oust the previously ruling party have been few and far between for more than a decade, there has been a plethora of political caricature shedding light on both the 2024 General election context and constituency's views on it. The popularity of politicians is directly related to the breadth of the audience they work for. This is confirmed by the fact that before being elected to the post of Prime Minister both politicians were “out of the spotlight” and, therefore, did not attract that much attention from cartoonists and journalists who subject every spoken word to careful analysis. Previous works devoted to the figure of Rishi Sunak noted the dynamics of the increase in linguistic material in the form of visual metaphors (their explicitness, provocativeness and tendency to have a negative connotation) at the verbal and non-verbal level of the text [9, p. 186]. A similar pattern may be applied to Keir Starmer. At the same time, recipients get the opportunity to compare verbal signals (promises, explanations, justifications) with reality in the form of actions that become an object of cartoon satire. It should also be noted that despite the all-consuming capture of the media space by various kinds of digital tools for transmitting information, caricature remains the most representative in terms of public perception of political figures. It may be explained by the fact that the linguistic analysis of caricatures is based on the versatility of the methods of conveying the pragmatic meanings laid down by the authors, the synthesis of text levels and the establishment of correlation relationships to attract the attention of recipients and the intensity of the resulting images.

The analysis of the sampled cartoons, grouped according to the featuring politician and the central motifs, has shown the prevalence of those that employ repetitive situational images rather than metamorphosis ones. In the majority of cases, Rishi Sunak and Keir Starmer are depicted as their own selves, wearing a suit, with no additional attributes attached directly to their figure that would help to establish the satirical effect. Apparently, there is a standard set of media to exaggerate their looks (such as enormous ears and small stature for Rishi Sunak and a flushed face for Keir Starmer), but these changes bear little metaphorical potential and are drawn on their physical appearance.

In contrast, our previous paper [Ibid.], focusing exclusively on the cartoon representation of Rishi Sunak before and after taking up office on 25 October 2022, revealed that connotative assessment of his personality in the caricature of that time was primarily carried out exactly by assigning various paraphernalia to him (e.g. clothing of a rich man, equipment of a magician, cold weapons, abacus and other mathematical items, etc.), hence, transforming Rishi Sunak into a pompous nobleman, dishonest illusionist, coldblooded killer, inept mathematician.

The current pool concerning another milestone in his career, however, achieves the satirical effect via transforming the situational context around him instead of his own appearance. For instance, Rishi Sunak is placed in a dumpster or museum to show that he is now past his prime. There is also chaos and destruction in his background, which reflect the results of his governing. Placing him in the void implies the futility of his actions and loss of the connection with the constituency.

The same could be said about the caricature of Keir Starmer in the light of the recent election, although, unlike the case of Rishi Sunak, we are not yet able to contrast it with previously used tools utilised in cartoons featuring him during other political landmarks as this field remains understudied. Quite often it is about manipulating and adapting the background content or the actions of the new Prime Minister rather than his attire. For example, he is portrayed to be painting objects red as a symbol of the Labour Party rising to power or is depicted to be failing at his public speech as a reflection on his unsuitability for the post. Admittedly, some cartoons do employ alterations of the personal image, e.g. both Rishi Sunak and Keir Starmer as tennis players / racers or the latter as a caretaker, but such ones are nowhere near as widespread as the approach discussed above.

Regardless of the tactics applied by the cartoon authors to formulate the connotative vectors in the sample, we see that each image / motif is supported by two prominent means. That is metaphorical transference that alters the cartoon space, action or appearance of the politicians so as to converge two differing phenomena of reality and characterise one through another. Allusions to events (irrespective of whether these events are directly connected to the politicians in question) or previously made utterances are another basis for the sampled cartoons.

The inclusion of allusive elements is particularly characteristic of the cartoons representing Keir Starmer. In fact, this is what makes many of them less easily comprehensible and requires either strong background knowledge and awareness of the current events or additional research from target readers. Multiple references to his regular changes of opinion on the matters of gender, to his family's working-class background, the Ming vase, the Stonehedge incident, etc. exemplify the case.

The satirical effect in this sample is commonly produced by merging several constituents. On the one hand, it is the combination of iconic and verbal components (with inclusions of phonetic wordplays at times). The majority of the selected cartoons contain speech bubbles, captions, inscriptions on objects, and so on, that correlate with the picture in a variety of ways. Oppositional correlation, known for its comic function [15], [17], [23], is repeatedly observed in the group that illustrates Rishi Sunak without his opponent. For instance, death and destruction around is commented on by him with rather positive remarks or he denies staring into the abyss when it is exactly what he is shown to be doing. On the contrary, in the group that illustrates Keir Starmer solo, non-verbal and verbal elements are interconnected in ways that do not provide defeated expectancy or contradiction, consequently, contributing to the humorous message less effectively.

On the other hand, it is the combination of images / motifs incorporated within one cartoon that might make it especially powerful at leaving its imprint on the target reader. To illustrate, the images of a dumpster and betting are used alongside the images of death in the cartoons of Rishi Sunak. In a different example, we see a rubbish bin with him inside and Keir Starmer as a caretaker. As is seen, such a method of constructing caricatures could be found in cartoons with the politicians' single and joint appearances.

As a result, one last essential point that stems from the conducted research is that the English-language cartoons of Rishi Sunak are harsher than the ones of his opponent and concurrently the winner of the election. Although many of them do appeal to negative connotations, some still represent Keir Starmer neutrally (e.g. a cleaner) or even positively (e.g. a winner of a sports competition). Conversely, the caricature of Rishi Sunak in the context of the past election appears to be not only purely negative, but also distinctly offensive and snide at times, i.e. putting him into a pile of garbage or portraying him witless and greedy enough to be placing bets on his own loss. Interestingly enough, the connotative vector of Rishi Sunak's cartoon representation being predominantly negative has been indicated both in our previous study [9] and by other researchers of his caricature [21], [22] and even graffiti [11].

Besides, as has been noted above, a lot of images / motifs in the cartoons of Keir Starmer exploit allusion, hence aiming at ridiculing him for specific deeds rather than at merely mocking him. Additionally, oppositional correlation of iconic and verbal elements does not occur as often in these cartoons as it does in the ones of Rishi Sunak. It might imply that the extent of the satirical effect is intentionally underplayed by cartoonists.

Practically the same idea is deduced from the commentary left under the online publications of the researched cartoons. Not a single comment is there to be found that would defy the mockery of the cartoons' content and openly show support for Rishi Sunak. Instead, each and every one either expresses wholehearted approval of or aims at adding to derision. Although Keir Starmer is also gladly laughed at by netizens, who enjoy the caricature of him, many commentators appear to share their realisation of the fact that the new Prime Minister is literally left with a mess to clean up, hence, sympathising with him.

The yielded results could be interpreted in several ways. Firstly, having faced a range of crises such as Brexit or the pandemic over the last 14 years, the Conservative Party has been gradually losing the trust of the electorate. Being the fifth in a series of passing the role of the PM on to the representatives of his party, Rishi Sunak seems to have reached the boiling point and the deepest dissatisfaction of the nation. His favourability with the public was getting from bad to worse since taking up office⁸. Secondly, a variety of his political decisions and actions also leave little room for approval from the populace. As it is accounted for in the press, *'everything he does seems to backfire in some way'*⁹. Finally, both Keir Starmer and the Labour Party amid this built-up frustration at lingering hardships might emanate hope for positive change in the eyes of the constituency.

While it has been only a month since the new PM started to perform his duties, his favourability rating has already begun to decline compared to mid-July¹⁰. Thus, the question of whether his cartoon representation will still include positive and negative connotative vectors or will shift entirely to the latter one has untapped potential for further research.

© А.В. Дымова, В.Ю. Карева, А.И. Золотайко, 2024

References

1. Abdel-Raheem, A. Conceptual blending and (im)politeness in political cartooning // *Multimodal Communication*, No 10(3). 2021. P. 1–20.
2. Abdel-Raheem, A. Metaphorical creativity contributing to multimodal impoliteness in political cartoons // *Intercultural Pragmatics*, No 19(1), 2023. P. 35–70.
3. Balakina, Yu.V. Obraz "vruga" i neutralitet v kitaiskikh karikaturakh [The "Enemy" and neutrality in Chinese caricatures] / Yu.V. Balakina // *Polis. Political Studies*, No 4, 2023. P. 89–104.
4. Bogoiavlenskaia, Yu.V. Metaforicheskoe modelirovanie obraza Emmanuela Makrona vo frantsuzskom predvybornom mass-mediynom diskurse [Metaphorical modeling of the image of Emmanuel Macron in the French pre-election mass media discourse] / Yu.V. Bogoiavlenskaia, M.S. Stremiakova // *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*, No 4, 2022. P. 161–172.
5. Chakraborty, P., Chowdhury, A. Study of Acceptance of Indian Political Cartoons in Facebook Landscape // *International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering*, V.10, I.10, 2021. P. 137–142.
6. Chen, K., Phiddian, R., Stewart, R. Towards a Discipline of Political Cartoon Studies: Mapping the Field // *Satire and Politics*, 2017. P. 125–162.
7. Dekhnich, O.V. Metaforizatsiia vizual'nogo komponenta v sovremennoi amerikanskoi politicheskoi karikature [Metaphorization of visual component in modern American political cartoon] / O.V. Dekhnich, E.V. Seredina // *Vestnik YUUrGU. Seriya «Lingvistika»*, V.16, No 1, 2019. P. 5–10.
8. Dugalich, N.M., Gishkaeva, L.N. Precedence as a category of a policode text of political cartoons in the Arabic and French languages // *Vestnik RUDN. Seriya: Teoriia iazyka. Semiotika. Semantika*, No 2, 2019. P. 418–434.
9. Dymova, A.V. Konnotativny vektor reprezentatsii prem'er-ministra Velikobritanii Rishi Sunaka v angloiazychnykh karikaturakh novostnykh izdaniy [Connotative vector of representation of the British Prime Minister Rishi Sunak in English-language news cartoons] / A.V. Dymova, A.I. Zolotaiko, V.Yu. Kareva // *Magija INNO: Perspektivy razvitiia lingvistiki i lingvodidaktiki v sovremennykh usloviyakh*, V. 6, No 1, 2024. P. 175–187.
10. El-kalla, D. Humour During Trump's Presidency: The Power of Cartoons // *المجلة العلمية بكلية الآداب*, No 51, 2023. P. 343–375.

⁸ "How well is Rishi Sunak doing as Prime Minister?". YouGov, 17 Jun. 2024, <https://yougov.co.uk/topics/politics/trackers/rishi-sunak-prime-minister-approval> (Accessed 31.07.2024).

⁹ "Everything seems to be going wrong for Rishi Sunak". CNN, 20 Apr. 2024, <https://edition.cnn.com/2024/04/20/uk/rishi-sunak-conservatives-gbr-intl/index.html> (Accessed 31.07.2024).

¹⁰ "Keir Starmer's net favourability drops nine points from mid-July". YouGov, 2 Aug. 2024, <https://yougov.co.uk/politics/articles/50245-keir-starmer-net-favourability-drops-nine-points-from-mid-july-2024> (Accessed 31.07.2024).

11. Fame and recognition in historic and contemporary graffiti: examples from New York City (US), Richmond Castle and Bristol (UK) / E. Bryning, C. Kendall, M. Leyland et al. // *World Archaeology*, No 53(3), 2021. P. 435–450.
12. Ivanova, E.A. Obraz sovremennoi Evropy v politicheskoi karikature [The image of modern Europe in a political cartoon] / E.A. Ivanova // *Politicheskaya lingvistika*, No 4(70), 2018. P. 77–86.
13. Kondrateva, O.N. Metaforicheskaia interpretatsiia vyborov Prezidenta Rossiyskoi Federatsii 2018 g. v iumoristicheskoi politicheskoi kommunikatsii (na materiale anekdotov) [Metaphorical interpretation of the 2018 Presidential election in the Russian Federation in humorous political communication (on the material of anecdotes)] / O.N. Kondrat'eva, A.L. Kalashnikova // *Politicheskaya lingvistika*, No 2 (86), 2021. P. 89–97.
14. Koptiaeva, N.N. Zoomorfnaia metafora v reprezentatsii Dzheremi Korbina (na materiale britanskikh politicheskikh karikatur) [Representation of Jeremy Corbyn in British political cartoons: zoomorphic metaphor] / N.N. Koptiaeva, E. V. Shustrova // *Politicheskaya lingvistika*, No 5(89), 2021. P. 45–54.
15. Mayer, I.A. Polikodovyy tekst kak sredstvo realizatsii mul'timodal'nogo podkhoda k obucheniiu budushchego uchitelia inostrannogo iazyka [Polycode text as a means of implementing a multimodal approach to training a future foreign language teacher] / I.A. Mayer, I.P. Selezneva // *Vestnik KGPU im. V.P. Astaf'eva*, No 68 (2), 2024. P. 16–26.
16. Novikova, V.P. Otrazhenie migratsionnogo krizisa v kreolizovannom tekste [Reflection of the migration crisis in a creolized text] / V.P. Novikova // *Kognitivnye issledovaniia iazyka*, No 30, 2017. P. 835–839.
17. Opolovnikova, M.V. Funktsii logicheskikh chastits v kreolizovannom tekste (na materiale sovremennoi karikatury) [Functions of focus particles in creolized texts (illustrated by modern caricatures)] / M.V. Opolovnikova, I.V. Kokurina // *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*, No 43 (5), 2021. P. 48–57.
18. Pourebrahim, S. Election Metaphor and SELF/THE OTHER Conceptualization in Iran Newspapers' Headlines: A Critical Metaphor Analysis // *Journal of Sociolinguistics*, No 3(3), 2020. P. 25–40.
19. Radina, N.K. Mul'timodal'nye mediinye instrumenty populiarnoi geopolitiki: rossiiskaia politika v karikaturakh zarubezhnykh SMI [Multimodal media tools of popular geopolitics: Russian politics in foreign media cartoons] / N.K. Radina // *Vestnik MGIMO-Universiteta*, No 15(4), 2022. P. 130–150.
20. Rogozinnikova, Yu.V. Obrazy prezidentov Rossii i SSHA v politicheskoi karikature [The images of the presidents of Russia and the United States in a political cartoon] / Yu.V. Rogozinnikova // *Politicheskaya lingvistika*, No 2(68), 2018. P. 87–100.
21. Ryzhkova, E.V. «Skazochnye» karikatury kak instrument diskreditatsii v britanskom politicheskom diskurse (na primere The Guardian) [“Fairytale” cartoons as a tool for discrediting in British political discourse (a case study of the Guardian)] / E.V. Ryzhkova, E.I. Kokkonen // *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, No 4 (49), 2023. P. 339–346.
22. Shustrova, E.V. Kognitivnyy konflikt v angloiazychnom politicheskom polikodovom tekste [Cognitive conflict in English political polycode text] / E.V. Shustrova // *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*, No 1, 2024. P. 53–60.
23. Voroshilova, M.B. Politichesky kreolizovannyi tekst: kluchi k prochleniiu [Political creolized text: Keys to reading] / M.B. Voroshilova. Yekaterinburg: *Ural. gos.ped. un-t.*, 2013. 194 p.
24. Zarifian, M. Literary studies of political caricature: A quantitative analysis of publications indexed in the Scopus // *RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, No 28(1), 2023. P. 146–156.

Список литературы

1. Abdel-Raheem A. Conceptual blending and (im)politeness in political cartooning / A. Abdel-Raheem // *Multimodal Communication*, №10(3), 2021. C. 1–20.
2. Abdel-Raheem A. Metaphorical creativity contributing to multimodal impoliteness in political cartoons / A. Abdel-Raheem // *Intercultural Pragmatics*, №19(1), 2023. C. 35–70.
3. Балакина Ю.В. Образ “врага” и нейтралитет в китайских карикатурах / Ю.В. Балакина // *Полис. Политические исследования*, №4, 2023. С. 89–104.
4. Богдавленская Ю.В. Метафорическое моделирование образа Эммануэля Макрона во французском предвыборном массмедийном дискурсе / Ю.В. Богдавленская, М.С. Стремякова // *Учёные записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки*, №4, 2022. С. 161–172.
5. Chakraborty P. Study of Acceptance of Indian Political Cartoons in Facebook Landscape / P. Chakraborty, A. Chowdhury // *International Journal of Innovative Technology and Exploring Engineering*, T.10, №10, 2021. C. 137–142.
6. Chen K. Towards a Discipline of Political Cartoon Studies: Mapping the Field / K. Chen, R. Phiddian, R. Stewart // *Satire and Politics*, 2017. C. 125–162.
7. Дехнич О.В. Метафоризация визуального компонента в современной американской политической карикатуре / О.В. Дехнич, Е.В. Середина // *Вестник ЮУрГУ. Серия «Лингвистика»*, Т.16, №1, 2019. С. 5–10.
8. Dugalich N.M. Precedence as a category of a policode text of political cartoons in the Arabic and French languages / N.M. Dugalich, L.N. Gishkaeva // *Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*, №2, 2019. С. 418–434.
9. Дымова А.В. Коннотативный вектор репрезентации премьер-министра Великобритании Риши Сунака в англоязычных карикатурах новостных изданий / А.В. Дымова, А.И. Золотайко, В.Ю. Карева // *Магия ИННО: Перспективы развития лингвистики и лингводидактики в современных условиях*, Т.6, №1, 2024. С. 175–187.
10. El-kalla D. Humour During Trump's Presidency: The Power of Cartoons / D. El-kalla // *المجلة العلمية بكلية الآداب*, C. 343–375. №51, 2023.
11. Fame and recognition in historic and contemporary graffiti: examples from New York City (US), Richmond Castle and Bristol (UK) / E. Bryning, C. Kendall, M. Leyland и др. // *World Archaeology*, № 53(3), 2021. C. 435–450.

12. Иванова Е.А. Образ современной Европы в политической карикатуре / Е.А. Иванова // Политическая лингвистика, №4(70), 2018. С. 77–86.
13. Кондратьева О.Н. Метафорическая интерпретация выборов Президента Российской Федерации 2018 г. в юмористической политической коммуникации (на материале анекдотов) / О.Н. Кондратьева, А.Л. Калашникова // Политическая лингвистика, №2(86), 2021. С. 89–97.
14. Коптяева Н.Н. Зооморфная метафора в репрезентации Джереми Корбина (на материале британских политических карикатур) / Н.Н. Коптяева, Е.В. Шустрова // Политическая лингвистика, № 5(89), 2021. С. 45–54.
15. Майер И.А. Поликодовый текст как средство реализации мультимодального подхода к обучению будущего учителя иностранного языка / И.А. Майер, И.П. Селезнева // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева, №68(2), 2024. С. 16–26.
16. Новикова В.П. Отражение миграционного кризиса в креолизованном тексте / В.П. Новикова // Когнитивные исследования языка, №30, 2017. С. 835–839.
17. Ополовникова М.В. Функции логических частиц в креолизованном тексте (на материале современной карикатуры) / М.В. Ополовникова, И.В. Кокурина // Учёные записки Петрозаводского государственного университета, №43(5), 2021. С. 48–57.
18. Pourebrahim S. Election Metaphor and SELF/THE OTHER Conceptualization in Iran Newspapers' Headlines: A Critical Metaphor Analysis / S. Pourebrahim // Journal of Sociolinguistics, № 3(3), 2020. С. 25–40.
19. Радина Н.К. Мультимодальные медийные инструменты популярной геополитики: российская политика в карикатурах зарубежных СМИ / Н.К. Радина // Вестник МГИМО-Университета, №15(4), 2022. С. 130–150.
20. Рогозинникова Ю.В. Образы президентов России и США в политической карикатуре / Ю.В. Рогозинникова // Политическая лингвистика, №2(68), 2018. С. 87–100.
21. Рыжкова Е.В. «Сказочные» карикатуры как инструмент дискредитации в британском политическом дискурсе (на примере The Guardian) / Е.В. Рыжкова, Е.И. Кокконен // Учёные записки Новгородского государственного университета, №4(49), 2023. С. 339–346.
22. Шустрова Е.В. Когнитивный конфликт в англоязычном политическом поликодовом тексте / Е.В. Шустрова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация, №1, 2024. С. 53–60.
23. Ворошилова М.Б. Политический креолизованный текст: ключи к прочтению / М.Б. Ворошилова. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2013. 194 с.
24. Zarifian M. Literary studies of political caricature: A quantitative analysis of publications indexed in the Scopus / M. Zarifian // RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism, 28(1), 2023. С. 146–156.

About the authors:

Alyona V. Dymova, PhD (Philology), is Associate Professor of the Department of Foreign Languages and Translation, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia). Spheres of research and professional interest: cognitive linguistics, metaphorology, colour linguistics, practical phonetics of the English language. E-mail: dym.alryona@yandex.ru. ORCID ID: 0000-0003-2931-5199

Victoria Yu. Kareva is Assistant Professor of the Department of Foreign Languages and Educational Technologies, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia); PhD student, University of Jyväskylä, (Jyväskylä, Finland). Spheres of research and professional interest: responsive mediation, cognitive linguistics, discourse studies. E-mail: viktoriya-aksy@yandex.ru. ORCID ID: 0000-0002-4667-3775

Anastasia I. Zolotaiko, PhD (Philology), is Associate Professor of the Department of Foreign Languages, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Yekaterinburg, Russia). Spheres of research and professional interest: cognitive linguistics, metaphorology, politology, political linguistics, creolized text studies. E-mail: liani@list.ru. ORCID ID: 0000-0002-9513-7987

Сведения об авторах:

Дымова Алена Вячеславовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков и перевода, Уральский Федеральный Университет (Россия, Екатеринбург). Сфера научных и профессиональных интересов: когнитивная лингвистика, метафорология, лингвистика цвета, практическая фонетика английского языка. E-mail: dym.alryona@yandex.ru. ORCID ID: 0000-0003-2931-5199

Карева Виктория Юрьевна – старший преподаватель кафедры иностранных языков и образовательных технологий, Уральский Федеральный Университет (Россия, Екатеринбург); аспирант, Университет Ювяскюля, (Финляндия, Ювяскюля). Сфера научных и профессиональных интересов: опосредование, когнитивная лингвистика, исследования дискурса. E-mail: viktoriya-aksy@yandex.ru. ORCID ID: 0000-0002-4667-3775

Золотайко Анастасия Игоревна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков, Уральский юридический институт МВД России (Россия, Екатеринбург). Сфера научных и профессиональных интересов: когнитивная лингвистика, метафорология, политология, политическая лингвистика, изучение поликодовых текстов. E-mail: liani@list.ru. ORCID ID: 0000-0002-9513-7987

Conflict of interest statement

The authors declare the absence of conflict of interest.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

* * *

«Spanish Noir»: towards a Literary Understanding of Genre (on the Example of the Novel «Todo esto te daré» by D. Redondo)

Elena S. Korzhukova, Irina V. Smirnova

MGIMO UNIVERSITY,
76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russia

Abstract. The theoretical orientation of the article pursues a practical purpose: to embed a sample of contemporary Spanish crime literature in the genre framework and to be able to apply the results obtained in this type of works. The issue of genre attribution in crime literature has not yet been resolved due to the different starting points of numerous approaches: genre genesis, national specifics, gender perspective, stylistics, etc. Our hypothesis consists in the possibility of attributing any sample of modern criminal literature to a certain genre on the basis of unified literary parameters regardless of the national origin of the work. The artistic analysis of Dolores Redondo's novel «Todo esto te daré» (2016) on the basis of the genre-typological method – is preceded by theoretical sections. In the introduction, the expediency of this study in the light of the influence of publishing practices on the literary component itself is substantiated. The issue of genre determination is often distorted for the sake of commercial success, depriving researchers of the possibility of scientific analysis using unified terms. Turning directly to the subject of the study, we offer a short excursion into the history of Spanish crime literature and into the environment of scholarly reflection on the so-called «noir» – frequent, but lacking terminological nomination. The methodology proposed by N.N. Kirilenko and O.V. Fedunina becomes the main tool for analyzing the text. The consistent «filtering» of the novel through the constant structural features (type of hero, subject structure, chronotope, and compositional forms of speech) allows it to be attributed to the genre of “victim investigation” with some features of a police novel. The search for the genre of a work in a synchronic context is convenient and universal, therefore, firstly, it is applicable to almost all samples of modern criminal literature, and secondly, it can be complementarily combined with other research purposes. So, you can focus on the genesis of the genre or various factors influencing it in the past and present. In any case, for all the mobility and hybrid nature of contemporary crime literature, its samples can be classified according to uniform criteria, which significantly enriches the toolkit for further research.

Keywords: genre, *noir*, Spanish modern literature, mass literature, crime fiction, postmodernism, Dolores Redondo, «Todo esto te dare», victim investigation, police novel

For citation: Korzhukova E.S., Smirnova I.V. (2024). «Spanish Noir»: towards a Literary Understanding of Genre (on the Example of the Novel «Todo esto te dare» by D. Redondo). *Linguistics & Polyglot Studies*, 10(4), pp. 132–150. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-4-41-132-150>

«Испанский нуар»: к литературоведческому пониманию жанра (на примере романа Долорес Редондо «Всё это дам тебе»).

Е.С. Коржукова, И.В. Смирнова

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

Аннотация. Теоретическая направленность статьи преследует практическую цель: встроить образец современной испанской криминальной литературы в жанровые рамки с возможностью дальнейшего применения полученных результатов в отношении других произведений. Вопрос жанровой атрибуции в криминальной литературе до сих пор не решён по причине разных отправных точек многочисленных подходов: генезис жанров, национальная обусловленность, гендерный фактор, стилистика и т.д. Наша гипотеза заключается в возможности отнесения к определённому жанру любого образца современной криминальной литературы на основе единых литературоведческих параметров вне зависимости от национальной принадлежности произведения. Художественный анализ романа Долорес Редондо (Dolores Redondo Meira, p.1969) «Всё это дам тебе» («Todo esto te dare», 2016) на основе жанрово-типологического метода предваряется теоретическими разделами. Во введении мы обосновываем целесообразность настоящего исследования в свете влияния издательской практики на собственно литературную составляющую. В угоду коммерческому успеху вопрос жанровой детерминации часто искажается, лишая исследователей возможности научного анализа с использованием унифицированных терминов. Переходя непосредственно к предмету исследования, мы предлагаем небольшой экскурс в историю испанской криминальной литературы и в среду научной рефлексии по поводу так называемого «нуара» – частотной, но лишённой терминологичности номинации. Основным инструментом анализа текста становится методология, предложенная Н.Н. Кириленко и О.В. Федониной. Последовательная «фильтрация» романа через постоянные структурные признаки (тип героя, субъектная структура, хронотоп и композиционные формы речи) позволяет отнести его к жанру «расследование жертвы» с некоторыми признаками полицейского романа. Поиск жанровой принадлежности произведения в синхроническом разрезе удобен и универсален, поэтому, во-первых, применим практически ко всем образцам современной криминальной литературы, а во-вторых, комплементарно может сочетаться с другими исследовательскими целями. Так, можно сфокусироваться на генезисе жанра или различных факторах влияния на него в прошлом и настоящем. В любом случае, если при всей подвижности и гибридном характере современной криминальной литературы её образцы могут быть классифицированы согласно единообразным критериям, это значительно обогащает инструментарий дальнейших исследований.

Ключевые слова: жанр, нуар, испанская современная литература, массовая литература, криминальная литература, постмодернизм, Долорес Редондо, «Всё это дам тебе», расследование жертвы, полицейский роман

Для цитирования: Коржукова Е.С., Смирнова И.В. (2024). «Испанский нуар»: к литературоведческому пониманию жанра (на примере романа Долорес Редондо «Всё это дам тебе»). *Филологические науки в МГИМО*. 10(4), С. 132–150. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2024-4-41-132-150>

1. Введение

Об актуальности выбранной темы говорит неослабевающий интерес российских и зарубежных читателей и исследователей к криминальной литературе¹ в разных её национальных проявлениях. При сужении предмета исследования до современных произведений испанской писательницы Долорес Редондо (Dolores Redondo Meira, p.1969) становится очевидным, что данный вид литературы гораздо более многогранен, чем кажется на первый взгляд: вопросы исторического формирования жанра, идейно-тематические и художественные особенности произведений взаимосвязаны, но не образуют схожих литературоведческих признаков, что препятствует анализу текстов с использованием единых критериев. Общая система координат для ориентирования в жанрах криминальной литературы, если и существует, то пока не применяется, что очевидно требует рассмотрения и решения.

Заранее позволим себе снять прогнозируемые вопросы о разграничении «высокой» и «массовой» литературы и о том, стоит ли придавать такое значение последней, исследуя её образцы. Массовая литература – продукт своего времени, многогранно отражающий и осмысляющий его реалии. Кроме того, как подчёркивал Ю.М. Лотман, массовая и высокая литература «легко и постоянно обмениваются признаками» [14, с. 209], имеют подвижный, взаимопроникаемый характер.

Краткий исторический экскурс в современную криминальную испанскую литературу указывает на причины её гибридного характера – способности вмещать в себя элементы совершенно разных типов нарратива – психологического, философского, бытописательного и т.д., когда, казалось бы, произведения должны последовательно выстраиваться вокруг расследования преступления. Из ближайших к современности исторических факторов нельзя обойти стороной влияние постмодернизма, представляющего мир как «хаос, лишённый причинно-следственных связей и ценностных ориентиров» [6, с. 205], а литературе приписывающего такие признаки, как неканоничность и «расшатывание» «норм и критериев» «классической эстетики» [16, с. 8]. Специфика постмодернистского письма формирует один из основных художественных признаков современной криминальной литературы (не только испанской): «высокая» литература всё больше осваивает элементы игры, иронии, развлекательности массовой литературы, которая, в свою очередь, находит выходы в область философских и социально-психологических вопросов, традиционно поднимаемых большой романной литературой.

Погружение в генезис испанской криминальной литературы открывает огромное поле для будущих исследований и в данной статье подробно освещаться не будет. Однако для более глубокого понимания идейно-тематических пластов произведений Д. Редондо, в частности, рассматриваемого романа «Всё это дам тебе» («Todo esto te daré», 2016)², отметим возможные исторические факторы влияния. По нашему убеждению, современная испанская литература освоила и переработала сложившуюся примерно с конца XIX века романную традицию, в разных пропорциях вобрав в себя элементы костюмбризма, романтизма (отдельного изучения заслуживает традиция готического романа в современных образцах криминальной литературы – см. [13]), реализма и натурализма (вспомним «Родовую усадьбу Ульоа» («Los pazos de Ulloa») Э. Пардо Басан). Последний обрёл второе дыхание в тремандизме 40-х годов (в разгар франкистской диктатуры), впитав в себя такие черты, как физиологизм, внимание к маргинальным элементам общества, стремление вскрыть его «нарывы». Дозированно проникавшие в позднефранкистский период образцы западной литературы, включая американский «hard-boiled detective» и французский детективный роман, повлияли на формирование стиля испанской криминальной литературы. В ту же эпоху и позже, в период перехода к демократии (la Transición Española) конца 70-х гг.,

¹ Обоснование употребления именно этого термина будет дано ниже.

² В вышедшем переводе на русский язык – «Откровение в Галисии». Однако, несмотря на то, что перевод в целом весьма удачен, мы считаем, что заглавие романа стоит здесь дать в переводе близком к оригиналу и отражающем библейскую аллюзию.

сформировался отчётливый социальный запрос на критическое осмысление прошлого и перекосов настоящего, одновременно с необходимостью охвата широкой читательской аудитории. Такое наследие получили основатели современной испанской криминальной литературы в XX веке: Мануэль Васкес Монтальбан, Хуан Мадрид, Эдуардо Мендоса, Гонсалес Ледесма, Алисия Хименес Бартлетт и др. Детективное расследование как сюжетообразующий инструмент препарировало в романах окружающую действительность, вскрывая неудобные и болезненные места. В широком смысле испанские образцы криминальной литературы конца XX века – не что иное, как хроника конкретного периода в истории страны. Подобное видение во многом передалось писателям XXI века, окрасив их романы в мрачные оттенки проблем современности, но одновременно сохранив историческую память, в том числе в литературном понимании.

В начале XXI столетия в Испании особую популярность приобрёл так называемый скандинавский детектив. Д. Редондо с воодушевлением отзывалась о скандинавских авторах (Стиг Ларссон, Ю Несбё и др.) и их произведениях, признавая, что в чём-то повторяла их стилистику, например, вынося действия в отдалённые от городских центров районы³. Мрачная эстетика негостеприимных локусов Норвегии, Швеции или Финляндии экстраполировалась на Испанию, передавая схожее видение севера, только испанского: Страны Басков, Наварры, Галисии. В произведениях испанской писательницы растворён мрачноватый северный «флёр» – один из её узнаваемых стилистических элементов.

До этого момента мы старались не использовать слова «детектив», «нуар» и т.д., избегая любых жанровых обозначений и подводя, таким образом, к цели настоящего исследования – попытке встроить конкретный образец испанской криминальной литературы в жанровые рамки. По нашей гипотезе, выделять жанр на основании преобладания в произведении того или иного вида нарратива или отталкиваясь от исторических этапов формирования такого рода литературы не вполне корректно. В первом случае уместнее говорить о художественно-стилистическом анализе текста, во втором – о поиске жанровых признаков в диахроническом разрезе, то есть привязываясь к тому или иному этапу развития данного вида литературы. К сожалению, такие подходы не ведут к созданию системы постоянных признаков, которая могла бы служить отправной точкой определения жанра.

2. Исследование

Краткое освещение проблемы жанровой детерминации в криминальной литературе призвано обосновать применение иной системы жанров в контексте испанской криминальной литературы и встроить в эту систему один из современных образцов – роман Д. Редондо.

Научная рефлексия вокруг «детектива»⁴ началась ещё в начале XX века с работ английских (Р. Остин Фримен, Р. Нокс и др.), американских (У.Х. Райт) и французских исследователей (П. Буало, Т. Нарсежак) и продолжилась в XXI веке. Однако предлагаемые подходы к криминальной литературе с трудом находят точки пересечения (гипотеза о миметической и формульной литературе Дж.Г. Кавелти; выделение Цв. Тодоровым только двух жанров «детективной литературы» на основании противопоставления «высокого и массового искусства»; предположение Т. Кестхейи о «кровном родстве» «детектива» и сказки, основанное на изысканиях В.Я. Проппа; гендерный подход и т.д.). Во многих работах исследователи отталкиваются от сложившегося канона классического детектива, который «ушёл «из живого литературного процесса», оставаясь образцом и «основным объектом полемики, пародирования и т.п. для других жанров криминальной литературы» [8, с. 29]. За основу в них берётся слово «детектив»,

³ Santarén E. (2018) Dolores Redondo: Discurso pronunciado en la XXX Gala Sabino Arana sariak, *Hermes: pentsamendu eta historia aldizkaria = revista de pensamiento e historia*, №. 67, 2020. p. 26–35, dialnet.unirioja.es/servlet/autor?codigo=4807193 (Accessed: 21.01.24)

⁴ Мы намеренно используем слово «детектив» в кавычках, соглашаясь с Н.Н. Кириленко и О.В. Федунинной относительно давно существующей путаницы при использовании его «как для обозначения конкретного криминального жанра и субъекта расследования, так и в качестве обобщающего названия» [9].

не имеющее точной жанровой формулировки, и добавляются конкретизирующие атрибуты для произведений, авторов или национальных литератур, типа «психологический детектив» [12], «юридический триллер» [18], «социально-криминальный роман» [17], «конспирологический детектив» [1] и т.д.

В начале XXI века интерес к криминальной литературе со стороны отечественных и зарубежных исследователей стремительно вырос. Произведения рассматривались с точки зрения развития жанра [4], сравнительного анализа романов конкретного региона или страны [20], [30]; делались попытки классификации [31].

XXI век внёс существенные коррективы и в испанскую криминальную литературу (новый спектр тем и художественных приёмов), но проблему жанровой классификации оставил нерешённой. На родине произведения Долорес Редондо и её коллег по цеху – Марии Оруньи, Хавьера Серкаса, Инес Плана, Сусаны Родригес Лесаун и других современных испанских писателей – издательства, критики и исследователи именуют то триллером, то полицейским романом, то «чёрным романом», или *нуаром*, всё более склоняясь к последней номинации. Ряд статей испанских учёных действительно посвящён отдельным особенностям так называемого испанского *нуара*: влиянию личности автора на идейно-тематическое и стилистическое наполнение произведений; отражению в сюжете сложного характера героя-детектива; созданию психологического портрета героев в конкретных географических и временных рамках [23], [24], [28]. *Нуар* получал самые разные «определения»: от формального ярлыка (восходя к обложке «чёрной серии» («La serie noire») коллекции издательства Галлимар, охватывая произведения схожего тематического круга других издательств и являясь, по Лиссоргесу, издательской приманкой, превратившейся в общее обозначение жанра [25, с. 175]), до индивидуального видения. Например, аргентинский писатель Пабло де Сантис указывает на присутствие зла как отличительную особенность *нуара*, подчёркивая эту «жанровую» доминанту с самых его истоков [30, с. 68] (по версиям различных исследователей – от готического романа до американского кинематографа 30-х гг.). Современный перуанский писатель Сантьяго Ронкальоло говорит о том, что *нуар* отличается от других жанров фигурой убийцы, через которую неизбежно раскрывается картина эпохи. Разница между собственно «детективом» и «чёрным детективом», *нуаром*, по мнению автора, – в двойственности героев: один персонаж может вмещать в себя добро и зло одновременно [30, с. 223]. И снова детерминация жанра упирается в идейные-тематические рамки, а указанную характеристику так называемого жанра *нуара* можно смело отнести к огромному многообразию образцов современной литературы, привитой постмодернистским релятивизмом и надломленностью характеров. Это проявляется и у Д. Редондо в Трилогии о Бастане [26]. Детектив Амайя Салазар далека от эталона благочестия: если в первом и втором романах она, пройдя круги ада, побеждает в битве со своим прошлым, то в третьем не в силах противостоять настоящему. Судья Маркина, оказавшийся воплощением зла, лишает её, благоразумного следователя, нежную мать и любящую супругу, рассудка. Измена мужу приобретает символический смысл: борясь со злом, она, пусть временно, становится его частью.

Широчайший разброс мнений о *нуаре* создаёт интересный, но *околожанровый* пазл, никак не облегчающий задачу жанровой атрибуции образцов криминальной литературы. Броское слово привлекает массового читателя, до сих пор не обретя однозначного определения и не став литературоведческим термином. По этой причине опрометчиво рассуждать об особенностях *нуара* как жанра: он охватывает слишком много самых разных образцов криминальной литературы⁵.

Новизна настоящего исследования заключается в попытке обоснованно отнести роман «Всё это дам тебе» к определённом жанру криминальной литературы в литературоведческом понимании. Поскольку зарубежное, в частности, испаноязычное литературоведение, не даёт достаточных инструментов для решения задачи жанровой атрибуции, методология основывается на анализе

⁵ К сожалению, один из авторов статьи уже попадал в эту ловушку и использовал слово «нуар» в значении жанра, увлекшись анализом текста произведения – см. [10], [11].

научных работ отечественных учёных. Они посвящены выделению жанров криминальной литературы в рамках синхронического подхода, строящегося, по Н.Д. Тамарченко, на изучении художественной системы, «рассматривается ли она в рамках отдельного произведения, целого жанра или художественного мира писателя» [22, с. 11].

Мы рассмотрим роман Д. Редондо, используя жанрообразующие структурные компоненты и разделяя в этой связи мнение Н.Н. Кириленко и О.В. Федуниной относительно важности литературоведческого подхода в вопросе выделения жанров даже в образцах массовой литературы [8], [9]. Анализируемый материал, относясь к современной массовой литературе, не только не теряет в исследовательской ценности, но и представляет очевидный интерес с художественной точки зрения: элементы психологического и философского нарратива передаются в нём через разнообразные речевые структуры (диалогическая, монологическая, внутренняя речь) и мастерские пейзажные зарисовки. На наш взгляд, изыскания Н.Н. Кириленко и О.В. Федуниной являют собой наиболее успешную из предшествующих попыток жанровой атрибуции в криминальной литературе.

Опираясь на работы Буало-Нарсежака [5], А.В. Мазина [15], Т.А. Скоковой [19], С.В. Лескова [12] и известного теоретика криминальной литературы Цв. Тодорова [29], О.В. Федунина приходит к выводу о «разбросе подходов к классификации криминальной литературы» [9, с. 164], а также о том, что предлагавшиеся ранее понятия «роман-следствие», «роман-ожидание», «психологический детектив» и особенно «триллер» и «нуар» в понимании разных учёных содержат в себе признаки абсолютно различных криминальных жанров. Н.Н. Кириленко и О.В. Федунина приняли за ориентир концепцию, разработанную М.М. Бахтиным [2], [3, с. 9–193], дополнив её элементами, важными для криминальной литературы, и отказавшись от кажущегося родовым понятия «детектив» в пользу термина «криминальная литература» [8, с. 9–36]. Авторы пришли к выводу о том, что «наличие какого-либо одного структурного элемента, не рассмотренного в контексте, не может считаться определяющим жанр, тем более, жанрообразующим в криминальной литературе» [9, с. 117]. Так, несмотря на мнение жюри Премии «Planeta»⁶ о том, что в романе Д. Редондо мастерски воссоздана криминальная интрига в духе А. Кристи: убийство в небольшом городке (вокруг родового гнезда знатной галисийской семьи – дворца Ас Грилейрас и его окрестностей), среди подозреваемых – представители знати и близкие родственники, – эти элементы ни в коем случае не превращают «Всё это дам тебе» в образец классического детектива⁷. Он и ещё три жанровых разновидности: полицейский роман, авантюрное расследование и «расследование жертвы», – были выделены Н.Н. Кириленко и О.В. Федуниной в рамках созданной ими системы жанров, где жанрообразующими структурными компонентами стали тип героя-следователя, хронотоп, комплекс сюжетных мотивов, субъектная структура и композиционные формы речи [9, с. 117]. Последний компонент рассматривается учёными на основании классификации, предложенной Н.Д. Тамарченко в одноимённой статье, где исследователь опирается на понятие «субъект высказывания». Н.Н. Кириленко и О.В. Федунина выделяют такие композиционные формы речи, как внешняя/внутренняя речь, диалог/монолог, вставные тексты, изображающие формы речи (пейзаж, интерьер).

«Рабочий вариант» одного из жанров, описанного О.В. Федуниной, «расследование жертвы», максимально непротиворечиво встраивает роман Д. Редондо в указанную жанровую систему криминальной литературы, упрощая дальнейшие исследования в этом поле. Существование так называемых инвариантных структур [7] – по сути, эталона жанра – едва ли возможно: инвариантен лишь классический детектив, являясь точкой отсчёта всего последующего развития криминальной литературы. С другой стороны, авантюрное расследование, полицейский роман и «расследование жертвы» в силу особенностей современной массовой литературы,

⁶ Этой премии писательница была удостоена в 2016 году за роман «Todo esto te daré».

⁷ Один из жанров криминальной литературы, доказательно выведенный Н.Н. Кириленко с учётом постоянных структурных признаков и являющийся эталоном для других жанров.

включая испанскую (исторические факторы формирования и бесспорное влияние эстетики постмодернизма), представляют собой результат гибридизации, но с заметным креном в сторону того или иного жанра применительно к конкретному произведению.

В статье «Расследование жертвы» в литературе и кино: «Фламандская доска» А. Переса-Реверте и «Uncovered» Д. Макбрайда» О.В. Федунина осуществила апробацию предложенного ею жанра с акцентом на жанровую детерминацию. Роману Д. Редондо «повезло» так же, как и произведению А. Переса-Реверте: «в издательской практике и/или исследовательской традиции» его называли «триллером, нуаром, психологическим детективом» [21, с. 104]. В рамках жанрово-типологического метода мы отталкиваемся от предположения о преимущественной принадлежности «Всё это дам тебе» жанру «расследование жертвы» и одновременно наличию в нём некоторых признаков полицейского романа.

Представим первый важнейший критерий жанровой атрибуции рассматриваемого романа – тип героя-следователя [9, с. 117]. В «расследовании жертвы» герой-следователь обладает биографией и личной жизнью: Мануэль Ортигоса, писатель, рано потерявший родителей, потом и любимую сестру, снова теряет близкого человека: погибает его друг Альваро Мунис де Давила. В жертву потери близкого человека он превращается практически с момента новости о гибели Альваро: то упорно отрицая случившееся, то приходя в бешенство от бессилия, когда он говорит с отражением в зеркале и яростно его разбивает:

«Esta vez el hombre le miró con infinito desprecio. Alzó el vaso y se lo arrojó, rompiendo su mueca en afiladas astillas» [27, p. 48].	«На этот раз мужчина смотрел на него с безграничным презрением. Он замахнулся и швырнул в него стакан, разбив гримасу на острые осколки». (здесь и далее перевод наш – Е.К., И.С.)
--	--

Мануэль глубоко травмирован физически и психически, и вначале его образ никак не вяжется с ролью следователя:

«Una fuerte náusea le sacudió el estómago, entró en el baño (...) y resbaló (...) sobre su propia sangre, se torció el tobillo y se precipitó al suelo. Vomitó» [27, p. 49].	«Сильная тошнота подступила к горлу, он поспешил в ванную (...) и поскользнулся (...) на собственной крови, подвернул лодыжку и упал. Его вырвало».
--	---

Постигшая его потеря усиливает боль и от давней незатянувшейся раны: размышления главного героя превращаются в психологические пассажи-интроспекции. Гуляя по живописным окрестностям дворца Ас Грилейрас, родового гнезда семейства Мунис до Давила, через воспоминания и жгучую ностальгию Мануэль практически погружается в транс:

«Sonreía arrobado, admirando a cada paso (...) la serena y caótica belleza (...). Pensó en lo feliz que habría sido su infancia en un lugar así... casi pudo oír, mezclada con el rumor de la fuente la risa de su hermana. (...). Cerró los ojos para retener la imagen y el sonido de su risa (...) concluyó entonces que al fin y al cabo era la fe, y deseó con todo su corazón que hubiera un cielo para ella, para los dos, y que fuera aquel jardín, un paraíso en el que un día pudieran reunirse para jugar sin preocupaciones en un trozo salvaje del edén» [27, p. 113].	«Он восторженно улыбался, восхищаясь на каждом шагу (...) безмятежной и хаотичной красотой (...). Как был бы он счастлив в таком месте ребёнком... он как будто различал смех своей сестры, смешанный с журчанием источника (...). Закрыв глаза, чтобы сохранить образ и звук её смеха (...), он вдруг решил, что это всё-таки вера, и всем сердцем пожелал, чтобы для неё, для них обоих, существовал рай, и был вот этим садом, Эдемом, где однажды они встретятся и будут беззаботно, как прежде, играть в каком-нибудь диком уголке».
---	---

Мануэль не потенциальная жертва (как предполагается в инвариантной структуре жанра), и Альваро ему не спасти, но неожиданно, вместе с появлением героя-полицейского, раскрываются настораживающие детали гибели друга, на которые писатель не может закрыть глаза: чувство долга и внутренняя жажда справедливости превращают его в «следователя-жертву» трагических

обстоятельств. Символичен обморок Мануэля в оранжерее дворца Ас Грилейрас в начале «расследования»: гардении, лепестки которых постоянно оказываются у него в кармане (тайна их появления, как и нескольких смертей, неожиданно раскрывается в финале), в итоге приводят к настоящему убийце. Такая трактовка героя-следователя несколько выбивается из инвариантной модели «расследования жертвы», ведь реальной опасности жизни «следователя-жертвы» нет. Однако не покидает ощущение постоянного и близкого присутствия враждебной силы (не зря пожилая кухарка, растившая Альваро и двух его братьев, шепчет Мануэлю: «Ten cuidado, por favor» («Пожалуйста, будь осторожен»)) [27, p. 309]. Создаётся самобытная жанровая разновидность, очевидно, уходящая корнями в сентиментальную готику, о которой упоминает в своём исследовании О.В. Федунина, ссылаясь на Н.Д. Тамарченко [9, с. 166]. Акцент на жертвенность в образе главного героя неоднократно подкрепляется его беспомощностью перед злым гением преступника – старой маркизы, которую за спиной именуют не иначе как Cuervo, «ворон», явно ассоциируя это прозвище с чем-то зловещим. Мануэль физически чувствует исходящую от неё тёмную власть:

«Se sentía debilitado como si aquel corvido, aquella especie de vampiro, hubiese aplicado sus finos labios sobre su cuello para beber la sangre y la vida de sus venas. Cada mezquina palabra, cada gesto de burla, eran saetas no tanto destinadas a herirle como al divertimento de aquella hidra» [27, p. 301].	«Он чувствовал, как силы покидают его, словно этот хищник, вампир, принял своими тонкими губами к его шее и вместе с кровью высасывает из него жизнь. Каждое злое слово, каждый насмешливый жест были стрелами, запущенными не столько чтобы ранить его, сколько чтобы позабавить эту гидру».
--	---

Подчеркнём в этой связи важное отличие жанра «расследования жертвы» от классического детектива (на небольшое сходство с которым мы указывали ранее): первый абсолютно исключает игровые элементы в поведении следователя – он действует вынужденно, руководствуясь личными мотивами, чего нельзя сказать о преступнике, который меняет маски, испытывает «жертву» и, безусловно, получает удовольствие кукловода, как это делает Cuervo.

Портрет «следователя-жертвы» в романе Д. Редондо сложный и многомерный, потому что фактически представлен тремя персонажами. Иницирует расследование, подталкивая к нему Мануэля Ортигосу, лейтенант Ногейра, персонаж противоречивый как с точки зрения характера, так и своего вклада в жанровую картину произведения. Если не учитывать, что Ногейра – полицейский в отставке, официальная версия полиции – автокатастрофа, дело закрыто, а семья Альваро как будто поскорее хочет перевернуть эту страницу, то он идеально вписывается в модель героя полицейского романа. Это один из признаков жанровой гибридизации, поэтому остановимся на нём подробнее.

Герой современного полицейского романа, утверждает в коллективной монографии Н.Н. Кириленко, отличается своей неспособностью совмещать профессиональную деятельность с личной жизнью [9, с. 149]. Лейтенант живёт с женой и двумя дочерьми, но словно отдельно: оступившись когда-то, он отчаянно надеется на прощение супруги, нося в себе боль и стыд. В классическом детективе и авантюрном расследовании, согласно Н.Н. Кириленко и О.В. Федуниной, у сыщика нет мешающих факторов [9, с. 155]. Расследование же героя полицейского романа осложняется сразу на нескольких уровнях: Ногейра, полицейский в отставке, фактически идёт против системы, иницируя собственное расследование совместно с Мануэлем и падре Лукасом, при этом постоянным шлейфом за ним тянутся неблагоприятные сопутствующие обстоятельства – семейный разлад, опасно нездоровый образ жизни и плачевное психоэмоциональное состояние.

Если отталкиваться от теоретического постулата Н.Н. Кириленко и О.В. Федуниной о том, что полицейский роман изображает героя и окружающий его мир в момент кризиса [там же, с. 157], становится логичным тщательно прописанное противопоставление социальных полюсов как отражение внутренней конфликтности мира. Люди, живущие и работающие в Рибейра Сакра, любят и гордятся ею, своим трудом и человеком, который полюбил её так же, как они, Альваро:

«(...) la gente de aquí ha hecho esto (...) por amor a la tierra desde hace dos mil años. Si de pronto llega alguien que pone en valor lo que haces, que logra que te sientas orgulloso por ser como eres, por hacer lo que haces (...), esa persona pasa a ser muy importante» [27, p. 263].	«(...) местные делают это из любви к своей земле на протяжении двух тысяч лет. Если вдруг появляется кто-то, кто ценит то, что ты делаешь и заставляет гордиться тем, что ты такой, какой есть и занимаешься тем, чем занимаешься (...), он обретает для тебя особую важность».
---	---

Представители знатной галисийской семьи разительно отличаются от местных жителей. Во время церемонии прощания с Альваро подчёркнутая холодность его собственной семьи контрастирует с торжественной скорбью людей, которым погибший маркиз де Давила стал родным:

«Oyó un lamento profundo a su paso... Un grupo de mujeres enlutadas se sostenían unas a otras mientras lloraban, su quejido se elevaba por la nave abovedada amplificándose en sus oídos. (...) vio a varios hombres, algunos muy mayores, con los ojos húmedos...» [27, pp.77–78].	«Он услышал всхлипывания, проходя мимо... Обнявшись, женщины в чёрном плакали, их стечения поднимались по сводам нефа и усиливались в его голове. (...) у нескольких мужчин, уже довольно пожилых, глаза были влажными от слёз...».
---	---

Ногейра – представитель системы, но одновременно принадлежит к большинству, живущему, как умеет, по совести. Именно здесь проходит рубеж, отделяющий героя полицейского романа от «следователя-жертвы» в пользу последнего. Лейтенанту с детства известна тёмная сторона местной аристократии: маркиз де Давила, отец погибшего Альваро, человек далёкий от моральных принципов, когда-то изнасиловал мать Ногейры, оставшись безнаказанным. Так расследование череды преступлений, связанных со знатной неприступной галисийской семьёй, превращается для отставного полицейского в своеобразный манифест справедливости и желание сбросить с себя невидимое, но тяжкое бремя жертвы.

Третий герой коллективного образа «следователя-жертвы» – падре Лукас, друг детства погибшего Альваро и духовный отец его братьев. Ему передаётся смятение Мануэля и желание понять, что происходит вокруг семьи де Давила. Лукас оказывается жертвой собственной наивности, постепенно прозревая в отношении казавшихся безгрешными религиозных служителей: глубина лицемерия и развращённости некоторых из них едва не подрывает его веру в людей. Трое героев вопиюще непохожи между собой, но внутри этого психологического треугольника, комплексного образа «следователя-жертвы», они находят общий язык, раскрывая циничные преступления, воскрешая ради восстановления истины отвратительное прошлое и помогая друг другу преодолеть боль пережитого и страх перед масштабами зла внутри человека. Все трое противостоят не преступнику-одиночке (несмотря на то, что технически это один исполнитель), а сложившейся веками порочной системе. Предпосылки настоящего коренятся глубоко в прошлом знатной галисийской семьи, связанной с некогда могущественными церковными кругами. В разгар франкизма в 40-60 гг. XX века Мунис де Давила смогли преумножить свои богатства, не в пример тем, кто хранил верность короне в изгнании. Так называемая фамильная честь мало вяжется с образом жизни отца Альваро:

«Derroche (...), juego... Corría el rumor de que tenía al menos un par de amantes a las que les mantenía pisos de lujo en A Coruña» [27, p. 65].	«Расточительство (...), азартные игры... Ходили слухи, что у него было как минимум две любовницы, для которых он держал роскошные квартиры в А-Корунье».
--	--

Она никак не уберегла от диких подробностей детства погибшего героя и его брата. В трагический момент глава семейства покупает молчание свидетелей, не задумываясь о том, в какую бездну отчаяния бросает родных сыновей. Отработанный механизм сохранения чести семьи – её привычного благополучия и внешнего благоденствия – запускает очередной виток

вседозволенности и безнаказанности «избранных». Нарратив об обычных людях и los «de otra pasta» («голубых кровей») есть и в классическом детективе: Агата Кристи смело критиковала общество, к которому принадлежала сама. Цитату о сильных мира из её произведения «Тайна дымоходов» Д. Редондо вынесла в первый эпиграф к «Всё это дам тебе»:

«La mayoría de la gente se preocupa de qué dirá el vecino; pero los svagabundos y los aristócratas no. Hacen lo que se les antoja sin molestarse en pensar qué consecuencias tendrá. No me refiero a la alta burguesía, a los que derrochan su fortuna en fiestas, sino a los que durante generaciones se educaron despreciando la opinión ajena» [27, p. 9].	«Большинство людей беспокоятся о том, что скажут соседи, а вот бродяги и аристократы – нет. Они делают все, что хотят, не задумываясь о последствиях. Я имею в виду не дворян, растрачивающих свои состояния на вечеринки, а тех, кого поколениями воспитывали в презрении к мнению других».
---	--

В рассматриваемом романе сильные мира сего – отдельные представители семьи маркизов де Давила – часто отличаются низостью, алчностью и беспринципностью, стирающей границы добра и зла. Д. Редондо, вторя великой предшественнице, в романе «Всё это дам тебе» попыталась «разоблачить безнаказанность и “вопреки обстоятельствам” воспеть дружбу между главным героем, отставным полицейским и священником»⁸.

Только такому комплексному «следователю-жертве» оказалось под силу раскрыть преступления и одновременно выявить психологическую «плотность» произведения – черту, особенно характерную для «расследования жертвы». Один из пронзительных моментов – реакция героев на чудовищные события прошлого:

«La única cosa capaz de sustraer del mayor sufrimiento a hombre bueno es el dolor ajeno. (...) Hombres desolados, por piedad culpables, y Manuel sintió una profunda gratitud hacia ellos, hacia la clase de personas que se sienten responsables por el horror de otros, por la injusticia de otros. No podía dejar de llorar, era como si su alma le hubiese estallado (...) desbordándole, arrastrándole y manteniéndole en el límite del ahogo; pero no estaba solo, ellos estaban allí» [27, pp. 437–438].	«Единственное, что способно уберечь нормального человека от ещё больших страданий, – чужая боль. (...) Опустошенные, виноватые лишь своей способностью к состраданию люди – Мануэль чувствовал глубокую благодарность к ним, тем, кто взваливает на себя ответственность за чудовищные поступки других, за чужую несправедливость. Он не мог остановить слёзы, душа словно рвалась наружу (...), переполняла его и не давала дышать; но он не был одинок, рядом были они».
---	--

Как отмечают Н.Н. Кириленко и О.В. Федунина, преступник «обычно не входит в круг изначально подозреваемых “следователем-жертвой”» [9, с. 186]. Из шестисот четырнадцати страниц романа только на пятьсот семьдесят восьмой Мануэль, наконец, обнаруживает волка в овечьей шкуре – жену брата Альваро, Катарину. Вместе с матерью семейства, Суерво, они мастерски плетут смертельную паутину, действуя исключительно в интересах так называемой чести семьи. Таким образом, личные мотивы преступника и «следователя-жертвы» (все три героя «треугольника»), полностью укладываются в жанровую модель «расследования жертвы».

Другой важный структурный элемент, выделяемый Н.Н. Кириленко и О.В. Федуниной и формирующий самостоятельный жанр криминальной литературы, – субъектная структура [9, с. 115]. Описанный выше коллективный «следователь-жертва» противостоит системе, где три героя вместе и каждый из них по отдельности представляют собой субъект расследования, носящего частный характер, не связанный с профессиональной деятельностью «сыщиков». В случае с Ногейрой это также личная история, выходящая за пределы полицейского долга и – формально – официальной системы правопорядка. Важно, что, следуя инвариантной структуре

⁸ Morán D. (2016) Dolores Redondo, un Planeta contra la impunidad y la codicia, www.abc.es/cultura/libros/abci-dolores-redondo-planeta-contra-impunidad-y-codicia-201610161050_noticia.html (Accessed: 15.01.24)

«расследования-жертвы», события показываются с точки зрения «следователя-жертвы»: воспоминания и соображения каждого из героев коллективного образа становятся драйвером и залогом успешного расследования.

Субъектная структура непосредственно пересекается с композиционными формами речи как неотъемлемым жанрообразующим элементом в криминальной литературе. В таком преломлении «Всё это дам тебе» снова приобретает некоторое сходство с полицейским романом. Во-первых, в произведении присутствует диалогическая профессиональная речь – обсуждение с коллегами хода расследования (вспомним, однако, что оно неофициальное). Коллега отставного полицейского – его давний друг, патологоанатом Офелия. Их неоднократные диалоги вокруг предположительных обстоятельств преступлений похожи на обмен своеобразными отчётами, или, как их называют Н.Н. Кириленко и О.В. Федунина, «лекциями эксперта» [9, с. 180] – логическими рассуждениями, ведущими к той или иной версии. Однако такой формат одновременно заметно нивелирует диалогичность, что, в свою очередь, возвращает роман к жанру «расследование жертвы». В полицейском романе обычно активно обсуждается криминогенная обстановка и порождающие её социальные проблемы. Через подобные диалоги «Всё это дам тебе» вновь открывает мотив социального разлома, диссонирующего с современностью, который, по мнению коллеги Ногейры, для большинства уже давно укоренившаяся данность:

«(...) somos víctimas de una actitud de pliegue ante el caciquismo... igual que a los hijos de los alcaldes nunca les llegan las multas de tráfico, y que conductas de desobediencia civil (...) les son toleradas a políticos o dirigentes sociales, alguien reconoció el apellido y actuó para eliminar cualquier sospecha que pudiera ensombrecer el buen nombre de la familia» [27, p. 103].	«(...) мы жертвы собственной покорности перед властью имущими... потому что привыкли мириться с тем, что дети мэров никогда не платят штрафов за нарушения ПДД, а поступки, непозволительные для простых смертных, (...) прощаются политикам или общественным лидерам: всплывает известная фамилия – и тут же принимаются меры для устранения любых подозрений, которые могли бы запятнать чьё-то “доброе имя”».
--	--

Указанные выше композиционные формы речи – незначительное отклонение в сторону полицейского романа, если учитывать обязательное для него наличие профессиональной полицейской (и криминологической) лексики. Её в произведении довольно мало. Тем полнее и доказательнее в пользу «расследования жертвы» выглядят другие формы речи. Монологи героев несут в себе большую смысловую нагрузку как в целях собственно расследования, так и для комплексного раскрытия характеров. Как правило, они представляют собой детальное восстановление эпизодов прошлого. Например, падре Лукас примерно полторы страницы рассказывает Мануэлю о событиях, предшествовавших загадочной смерти Франа, брата Альваро [27, p. 202–203]. Особое внимание привлекают внутренние монологи – пожалуй, самая характерная форма речи для жанра «расследование жертвы». В основном это несобственно-прямая речь Мануэля, поскольку в треугольнике «следователя-жертвы» он играет ведущую роль⁹:

«Callarse aquello le estaba perforando el alma. Miró a los hombres sentados a la mesa sintiéndose a la vez traidor y cómplice, pero a pesar de la fuerza con que el pensamiento bullía en su cabeza, se veía incapaz de expresarlo con palabras, de encontrar el modo de exponer aquello, agravado en ese instante por la sospecha del horror de lo que pudo suceder aquella noche en el seminario» [27, p. 414].	«Собственное молчание сверлило его изнутри. Он смотрел на сидящих за столом мужчин, чувствуя себя одновременно предателем и соучастником, но, несмотря на яростно кипевшие мысли, никак не мог выразить словами нечто невыразимо ужасное, что могло произойти той ночью в семинарии».
---	---

⁹ Очередной довод в пользу «расследования жертвы»: формально «у руля» не полицейский.

Заметную роль в выбранном жанре играют описания интерьера, отражающего внутреннее состояние героя. Он может выступать даже в качестве условного собеседника: выше был рассмотрен разговор Мануэля с самим собой в зеркале. Явные постмодернистские отголоски – упоминания книг Э.А. По в номере отеля и мини-диалог с героем Клинта Иствуда как подтверждение состояния Мануэля Ортигосы:

«A las cinco de la madrugada abrió los ojos y vio a Clint Eastwood que desde la pantalla del televisor le apuntaba con el dedo que simulaba una pistola. El efecto era igual de amenazante. (...) Suspiró y en el silencio de la noche supo que estaba solo. Completamente solo. Miro alrededor. “¿Qué estás haciendo aquí?” – susurró. Nadie contestó, aunque Clint Eastwood le lanzó una acertada mirada que contenía un mensaje claro: “Lárgate, no te conviene biscarte problemas”. “Eso haré,” – contestó al televisor» [27, p. 67–68].	«В пять часов утра он открыл глаза и увидел на экране Клинта Иствуда, который целился пальцем, как пистолетом. Выглядело и правда страшно. (...) Он вздохнул и в тишине ночи ощутил своё одиночество. Полное. Он даже огляделся по сторонам. “Что ты здесь делаешь?” – прошептал он. Никто не ответил, хотя Клинт Иствуд пронзил его взглядом, в котором ясно читалось: “Уходи, тебе же не нужны проблемы”. “Так и сделаю”, – ответил он телевизору».
---	--

Важная черта, отмеченная Н.Н. Кириленко и О.В. Федудиной в связи с композиционными формами речи в «расследовании жертвы», – вставные тексты [9, с. 182]. В анализируемом образце они раскрывают постмодернистскую схему создания романа о романе или, точнее, романа в романе. Спустя почти двести страниц автор словно вытягивает героя из пучины скорби и уныния, подталкивая к возрождению через творчество: на сто восемьдесят седьмой странице первый раз дублируется самое начало «Всё это дам тебе». Вставок, с некоторым отставанием дословно повторяющих фрагменты произведения и принадлежащих перу Мануэля Ортигосы, всего пять. Они появляются в моменты глубокого переосмысления героем реальности. Д. Редондо доверяет писательский труд непосредственному участнику происходящего, которому нести эту ношу несравнимо тяжелее. Возрождение Мануэля как писателя происходит на фоне тяжёлой физической работы: метафорически проводится параллель между сбором винограда и муками творчества. Ради цели – получения прекрасного напитка или создания достойного, «прожитого», произведения – приходится пройти через лишения. Проработав лишь день на виноградниках, герой с трудом может ходить, но параллельно создаёт роман, пропитанный внутренней болью, превратившейся в саму жизнь, жестокую и прекрасную одновременно. Писательский труд словно обескровливает его («ha sido...como desangrarme...») («это было как...смерть от потери крови») [27, p. 612]. Таким образом, через специфическую композиционную форму речи – вставной текст – метафоризируется рождение в муках живого организма текста и раскрывается мотив творчества.

Наконец, важнейшая структурная составляющая жанровой принадлежности произведений криминальной литературы – хронотоп – особая система взаимоотношений времени и пространства. Как указывает в своей статье О.В. Федудина, хронотопу «расследования жертвы» свойственно «чрезвычайно плотное и насыщенное событиями время при пространстве, постепенно сужающемся к точке финального противостояния преступника и жертвы» [21, с. 105]. Плотное время «Всё это дам тебе» создаётся не только благодаря динамике событий (новости о смерти Альваро, поездки в Галисию, прощании с Альваро, объявлении наследника и т.д.), но и за счёт постоянного введения в повествование новых персонажей, критически значимых для расследования: лейтенанта Ногейры и его коллеги Офелии, семейства погибшего Альваро (матери, брата, его жены Катарини, вдовы погибшего Франа и их маленького сына Самюэля), падре Лукаса, работников поместья Ас Грилейрас (особенно пожилой Эрминии и помощника Катарини, Висенте), бывшего монаха из монастыря, где когда-то учились в семинарии Альваро и его брат Сантьяго. Само их появление ускоряет темп повествования, как будто сжимая спираль расследования:

«Lo único que pienso es que cada vez se complica más, y por algún lado hay que empezar a desembrollarlo» [27, p. 377].	(«Единственное, о чём я думаю, так это о том, что всё становится только сложнее, и надо бы уже начать с этим разбираться»).
--	---

К финалу она резко раскручивается, сея смерть и разрушения, подобно разыгравшемуся в природе ненастью. Создаётся ощущение «вязкого», текущего, как закипающая смола, времени. Такому восприятию способствуют и частые «флешбэки» героев, когда они в мыслях или разговорах возвращаются в прошлое. В «расследовании жертвы», как указывают Н.Н. Кириленко и О.В. Федунина, важен мотив сна и по-разному решаемая проблема реальности событий [9, с. 188]. Так, в гиперреалистичном сне-кошмаре Мануэля происходящее видится ему глазами Альваро [27, pp. 484–486]. В этом жанровом приёме слышится отголосок сентиментального готического романа, с его фокусом на «реальность» изображаемых страшных событий, как описывает в разделе, посвящённом «расследованию жертвы», О.В. Федунина [9, с.177].

Пространство романа к финалу «стягивается» в одну точку, но сначала оно обширное и многообразное. Это особый мир живописных локусов, непосредственно не связанных с расследованием. «Фирменной» чертой произведений Д. Редондо стали образы места, играющие не только роль фона событий. У подножия склонов, под водами реки Силь таинственно виднеются старинные затопленные деревни – волшебное зазеркалье, окно в мир прошлого, сотни лет назад видевшего виноградники Рибейра Сакра и их верных хранителей:

«En la orilla eran visibles los tejados de algunas de las casas sumergidas (...). Hay siete aldeas tan grandes como Belesar bajo el agua (...). Cuando navego río abajo no puedo dejar de pensar que la embarcación pasa sobre los tejados de las casas, las ermitas y las iglesias, los antiguos cementerios y las escuelas, los bancales de viñas y olivos antiguos (...)» [27, p. 232].	«С берега были видны крыши некоторых затопленных домов (...). Под водой оказались семь деревень размером с Белесар (...). Когда я плыву вниз по течению, не могу не думать о том, что лодка проплывает над крышами домов, часовнями и церквями, старинными кладбищами и школами, террасами старых виноградников и оливковых деревьев (...)».
--	--

Природа и климат Галисии часто перекликаются с внутренним состоянием героев. Мрачная погода усиливает ощущение неизбежности трагической развязки в финале:

«(...) la escalera de incendios, que con la lluvia y la escasa luz del exterior actuó como fondo de desesperanza por el que caminó su reflejo mientras avanzaba» [27, p. 543].	«(...) пожарная лестница, в шуме дождя и залитая тусклым светом, создавала декорации безысходности, на фоне которых шагало его отражение».
--	--

В момент раскрытия преступления природа, как зеркало, показывает неприглядность человеческой натуры:

«(...) la tormenta manifiesta se abría paso en el cielo con su luz de inframundo» [27, p. 579].	«(...) самая настоящая буря разрывала небо светом Преисподней».
---	---

Антропологический мотив, непосредственно связанный с образом места через быт, традиции и нравы местного населения, выводит рассматриваемый образец криминальной литературы в плоскость бытописательного романа. Для русского читателя особенно необычно выглядит жизнь обитателей местечка Рибейра Сакра. По утверждению самой писательницы, «выбор места действия никогда не бывает случайным (...), это не картинки с открыток, ведь красота рождается и из труда, грубого и тяжёлого»¹⁰. Мануэль, до мозга костей городской житель, неспроста полюбил поначалу неприветливую галисийскую землю, хотя местные знали, что это навсегда:

¹⁰ Morán D. (2016) Dolores Redondo, un Planeta contra la impunidad y la codicia, https://www.abc.es/cultura/libros/abci-dolores-redondo-planeta-contra-impunidad-y-codicia-201610161050_noticia.html (Accessed: 15.01.2024)

«Se te meterá en la sangre; es lo que tiene este lugar, lo hará y ya no podrás irte» [27, p. 407].	«Оно проникнет в твою кровь; таково уж это место – так прирастёшь к нему, что не сможешь уйти».
--	---

Возделывание виноградников на наклонных сланцево-гранитных террасах требует силы и безусловной любви к своему делу. Винодельня, созданная Альваро, названа «Heroica» («героическая») в знак преклонения перед трудом и преданностью родной земле:

«Álvaro quería homenajear el esfuerzo, la pasión, en un tributo directo al trabajo de aquellos viticultores heroicos. (...) Los trabajos del héroe, los encargos imposibles que recibió Hércules» [27, p. 233].	«Альваро хотел отдать дань уважения стараниям и страсти, так и назвав труд этих виноградарей. (...) Героический, как невыполнимые задания, с которыми справлялся Геракл».
---	---

В очередной раз Д. Редондо воссоздаёт место, способное кардинально изменить человека в его отношении к миру, к себе и окружающим: таким местом стали окрестности Бастана и городок Элизондо в Трилогии о Бастане – живительной силой обладает и Рибейра Сакра. Здесь, в продолжение библейских аллюзий, заданных названием романа¹¹, отделяются зёрна от плевел – добро от зла – и исцеляются отчаявшиеся души:

«Heroica congregaba en una palabra actos, virtudes y procederes a menudo olvidados en la vida común que convergían (...) en aquel sitio otorgándole propiedades de lugar sacro, donde las debilidades, el miedo y la ruindad del resto del mundo podían lavarse, aliviarse y revestirse con la túnica nueva de un héroe» [27, p. 233].	«Heroica объединяла в одном слове поступки, добродетели и действия, часто забываемые в обыденной жизни, все они сходились в этом месте (...), наделяя его священными свойствами, здесь слабости, страх и тленность мира можно было смыть, облегчить и вновь облачить в сияющую тунику героя».
--	---

На протяжении всего произведения аккумулируются чрезвычайно трудно преодолеваемые замкнутые пространства, что Н.Н. Кириленко и О.В. Федунина относят к одному из признаков «расследования жертвы» [9, с. 187]: обморок Мануэля в цветочной оранжерее Катарины, его попытки «продраться» к истине в библиотеке монастыря, где важная архивная информация густо скрыта под слоем чернил как в документах судебных процессов времён Гражданской войны [27, p. 399]. Преодоление каждого из них – роковая ступенька к трагической развязке. Например, в параллельном расследовании сюжете о взаимоотношениях Катарины и её помощника Висенте переключение с одного замкнутого пространства на другое оборачивается трагедией. Сначала Висенте, сидя в своей машине, буквально изливает душу Мануэлю, который замечает на заднем сиденье револьвер [27, p. 542–543]. Следующая сцена разворачивается в комнате маркизы и заканчивается тремя смертями: маркизы, её помощницы и самого Висенте. Его надежда на то, что всё происходящее – неправда и какая-то ошибка, рушится, когда стальной, с издёвкой, голос Cuervo ясно даёт понять, что таким, как он, следует знать своё место, им просто воспользовались. Висенте и рад бы был бежать, но зло расплзается ядом по комнате, приговаривая к неизбежности:

«Cayó de rodillas mientras se convulsionaba en violentas sacudidas como un animal envenenado. Vomitó una criatura viva, una gruesa serpiente de lava que le había ocupado las entrañas, ahogándole, impidiéndole respirar (...). A gatas sobre la hermosa alfombra roja y dorada de la marquesa, vomitó el infierno que se había estado tragando sorbo a sorbo en las últimas horas» [27, p. 587].	«Он упал на колени, содрогаясь в конвульсиях, как отравленное животное. Его вырвало живым существом, огромным дьявольским змеем, заполнившим всё его нутро, душившим и не дававшим дышать (...). На четвереньках на прекрасном красно-золотом ковре маркизы, он извергал из себя ад, который глотал по капле в течение последних нескольких часов».
--	---

¹¹ Прямая цитата из Евангелия от Матфея: «Всё это дам тебе» – имеет продолжение: «если пав, поклонись мне» (сама Д. Редондо назвала произведение романом об алчности).

По словам О.В. Федуниной, пространство приобретает «статус своего рода “проклятого места”, отсылающего к подобным топосам в готическом романе: это пространство смерти» [9, с. 173–174]: именно здесь рождались хладнокровные планы Cuervo, воплощавшиеся её преданной продолжательницей Катариной.

Последний локус – замкнутое пространство больницы, куда попал Сантьяго. Оно символично размыкается в финале: все «следователи-жертвы» (Мануэль, Ногейра и падре Лукас), Сантьяго и Катарина оказываются на крыше, без стен и потолка, но уйти с неё можно только ... в небытие. Так и делает Сантьяго, узнав жестокую правду о своей супруге и освободив падре Лукаса от тайны исповеди. Пространство оказывается изолированной точкой противостояния «следователя-жертвы» и преступника. Катарина чувствует себя безнаказанной, довольна доведённым до конца планом (в который входила и гибель Сантьяго) и даже весела. Успешная игра, по выражению Н.Н. Кириленко и О.В. Федуниной, «доставляет удовольствие преступнику, а жертва от неё страдает» [9, с. 188]. После самоубийства Сантьяго Катарина, в наручниках, непринуждённо рассказывает Мануэлю о преступлениях, на её взгляд, совершенно, обоснованных. Таким образом, финальное признание, как указывает О.В. Федунина, «рассматривается самим преступником как доказательство его победы над всеми законами, его “сверхчеловеческой” природы, ибо он не был пойман» [9, с. 176–177]. Тайна разгадана, но норма не может быть восстановлена полностью: в холодающей кровь улыбке убийцы считывается вечно рождающееся заново зло, бой с которым можно выиграть лишь на время. Н.Н. Кириленко и О.В. Федунина отмечают, что, по Бахтину, мир романа отличается незавершённостью и отсутствием нормы [9, с. 158]. Такая установка характерна одновременно для «расследования-жертвы» и для полицейского романа, в чём проступает неизбежная гибридность рассмотренного образца криминальной литературы.

3. Выводы

В данном исследовании мы попытались познакомить читателя с существующей проблемой, а именно: научной нерелевантностью таких псевдожанровых – в контексте криминальной литературы – номинаций, как *нуар* и ему подобных. Их широкое использование связано в основном с превалированием в массовой литературе коммерческого подхода и игнорированием научной необходимости классификации образцов такой литературы, как и любой другой.

Для полноты картины были кратко перечислены основные подходы к жанровой систематизации криминальной литературы, принадлежащие как зарубежным (Р. Остин Фримен, Р. Нокс, У.Х. Райт, П. Буало, Т. Нарсежак, Дж. Г. Кавелли, Цв. Тодоров, Т. Кестхейи), так и отечественным исследователям (С.В. Лесков, Е.А. Савочкина, И.А. Матвеев, Т.Н. Амирян). Обнаружено довольно хаотичное видение вопроса, в том числе в испаноязычных источниках (И. Лиссоргес, Х.С. Сапатеро, С. Ронкальоло, П. Де Сантис). За неимением достаточных универсальных признаков, позволивших бы непротиворечиво относить любой образец криминальной литературы преимущественно к какому-либо жанру, мы обратились к последним исследованиям российских учёных-литературоведов, предложивших глубокий и комплексный подход к задаче классификации вне зависимости от национальной атрибуции произведений. Именно поэтому выражение «испанский нуар» в названии дано в кавычках: в литературоведческом преломлении вопрос национального варианта вторичен по отношению к жанру.

Жанрово-типологический метод позволил раскрыть выбранный образец современной испанской криминальной литературы в литературоведческой системе координат. Широкий читатель отнёс бы его к «триллеру», «нуару» или просто «детективу», потому как именно такие номинации приняты в издательской практике. Однако научный дискурс на почве этой обширной и неоднородной части массовой литературы приобрёл, на наш взгляд, полезный инструмент для дальнейших исследований в виде постоянных структурных признаков, выделенных Н.Н. Кириленко и О.В. Федуниной. С их помощью удалось создать комплексный жанровый

портрет романа Д. Редондо «Всё это дам тебе» в синхроническом разрезе, то есть отталкиваясь от имеющегося на данный момент литературного продукта с присущими ему специфическими характеристиками.

Произведения Д. Редондо и ряда её соотечественников, работающих в рамках криминальной литературы, безусловно можно и нужно рассматривать под другими углами, непосредственно не связанными с жанровой атрибуцией, на которой мы сосредоточились в данном исследовании. Однако в нём проявляются новые пути для будущих научных изысканий: различные факторы влияния в контексте генезиса испанской криминальной литературы; связь данного типа литературы с разными видами нарратива и литературными направлениями; взаимозависимость и взаимодополняемость «высокой» и «массовой» литературы, равно как и поиск грани, их разделяющей (что представляет собой непростую задачу); художественный анализ текста на основе конкретных тем, мотивов, стилистических приёмов и т.д. Список можно продолжить, и он внушительен, но в каждой новой статье исследователи могут отталкиваться от успешных находок коллег (как попытались сделать и мы, обратясь к научно и методологически обоснованной, на наш взгляд, системе жанров) и одновременно привносить новое видение, освещая перспективы дальнейших исследований.

© Е.С. Коржукова, И.В. Смирнова, 2024

Список литературы

1. Амирян Т.Н. Конспирологический детектив как жанр постмодернистской литературы (Д. Браун, А. Ревазов, Ю. Кристева). Автореферат диссертации на соискание учёной степени канд. филол. наук. М., 2012. 25 с.
2. Бахтин М.М. Роман, как литературный жанр // Бахтин М.М. Собр. соч. Т. 3: Теория романа (1930-1961 гг.). М.: Языки славянских культур, 2012. 880 с.
3. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе: очерки по исторической поэтике // Бахтин М.М. Эпос и роман. СПб.: Алетейя, 2000. С. 9-193.
4. Бондарев А.П. Границы литературного жанра: от детективного расследования к психоаналитической интроспекции. Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. Вып.13 (885). 2021. С. 289–314.
5. Буало П. Детективный роман/ П. Буало, Т. Нарсежак // Как сделать детектив. М.: Радуга, 1990. С. 198–202.
6. Ильин И.П. Постструктурализм, деконструктивизм, постмодернизм. М.: Интрада, 1996. 225 с.
7. Кириленко Н.Н. Жанровый инвариант и генезис классического детектива. Диссертация на соискание учёной степени кандидата филологических наук. М., 2016. 252 с.
8. Кириленко Н.Н. Классический детектив как жанр криминальной литературы (инвариант и генезис). [монография] Москва – Екатеринбург: Кабинетный учёный, 2020. 246 с.
9. Кириленко Н.Н. Жанры криминальной литературы как теоретическая проблема / Н.Н. Кириленко, О.В. Федунина // Поэтика литературных жанров: проблемы типологии и генезиса. Коллективная монография. Под ред. Д.М. Магомедовой, В.В. Савелова. Российский государственный гуманитарный университет. 2019. С.110–202.
10. Коржукова Е.С. Недетективное пространство испанского нуара: «Невидимый страж» Долорес Редондо. Филологические науки в МГИМО. №9 (2). 2023. С. 134–145.
11. Коржукова Е.С. Мотив любви в трансформации и раскрытии образа главного героя в произведениях Артуро Переса-Реверте (на примере романа «Танго старой гвардии»). Филологические науки в МГИМО. №3 (19). 2019. С. 83–91.
12. Лесков С.В. Лексические и структурно-композиционные особенности психологического детектива. Автореферат диссертации на соискание учёной степени канд. филол. наук. СПб., 2005. 28 с.
13. Локшина Ю.В. Традиции готического романа в творчестве Айрис Мердок и Джона Фаулза. Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук. Диссертация на соискание учёной степени канд. филол. наук. 2015. 161 с.
14. Лотман Ю.М. О содержании и структуре понятия «художественная литература» // Лотман Ю.М. Избранные статьи. В 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и топологии культуры. Таллин: Александра, 1992. С. 191–199.
15. Мазин А.В. «Блеск и нищета» детективного жанра [Электронный ресурс]. – URL:<https://www.litres.ru/book/aleksandr-mazin/blesek-i-nischeta-detektivnogo-zhanra-239232/chitat-onlayn/> (дата обращения 23.07.24).
16. Маньковская Н.Б. Эстетика постмодернизма. СПб.: Алетейя, 2000. 346 с.
17. Матвеев И.А. Восприятие английского социально-криминального романа в русской литературе 1830-1900-х гг. Автореферат диссертации на учёной соискание степени канд. филол. наук. Томск, 2011. 34 с.
18. Савочкина Е.А. Лингвоэвokedное исследование литературно-художественного жанра юридического триллера: на материале романа J. Grisham “The Runaway Jury” и его перевода на русский язык. Диссертация на соискание учёной степени канд. филол. наук. Барнаул, 2007. 165 с.

19. Скокова Т.А. Специфика массовой литературы в эпоху постмодернизма. Вестник ВГУ. Филология. Журналистика. № 2. 2009. С. 95–100.
20. Спиридонов Д.В. Национальные варианты детектива в современном зарубежном литературоведении: проблема внутрижанровой типологии детективного нарратива. / Д.В. Спиридонов, Е.В. Хорошев // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. № 6 (33). 2014. С. 69–73.
21. Федунина О.В. «Расследование жертвы» в литературе и кино: «Фламандская доска» А. Переса-Реверте и «Uncovered» Д. Макбрайда // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7. Литературоведение. М.: ИНИОН РАН, 2024. С. 101–114.
22. Теория литературы. В 2 т. Т. 1 / под ред. Н. Д. Тамарченко. М.: Academia, 2004. 513 с.
23. Culver M.M. El «yo» de la detective: Dolores Redondo y Carolina Solé. Lectora № 21, 2015. pp. 57–71.
24. Higuero F.J. Exploración cognitiva y desencuadramiento diégetico en «El guardián invisible», de Dolores Redondo. Narrativas, Revista de narrativa contemporánea en castellano. núm. 37. 2015. pp. 13–23.
25. Lissorgues Y. La novela detectivesca española actual: un posibilismo realista. AIH, Actas XI. Centro Virtual Cervantes. 1992. pp. 173–182.
26. Redondo D.M. Ofrenda a la tormenta. Trilogía del Baztán 3. Editorial Planeta. 2016. 547 p.
27. Redondo D.M. Todo esto te dará. Barcelona. Editorial Planeta. 2016. 616 p.
28. Rino Ponce M.M. La novela negra española. Un ejemplo contemporáneo: Dolores Redondo. Siglo XXI. Literatura y cultura españolas. № 14. Ediciones Universidad de Valladolid. 2016. pp. 69–81.
29. Todorov Tz. Poétique de la prose (choix) suivi de Nouvelles recherches sur le récit. P., 1980. 153 p.
30. Wieser D. Crímenes y sus autores intelectuales. Entrevistas a escritores del género policial en América Latina y África lusófona. Forum Literaturwissenschaften 8. Martin Meidenbauer Verlagsbuchhandlung. München, 2010. 238 p.
31. Zapatero J.S. La novela negra europea contemporánea: una aproximación panorámica. Extravío. Revista electrónica de literatura comparada, núm. 7. 2014. p. 10–24.

References

1. Amiryán, T.N. *Konspirologicheskii detektiv kak zhanr postmodernistkoy literatury* (D.Braun, A.Revazov, Yu.Kristeva). [The conspiracy detective as a genre of postmodern literature (D. Brown, A. Revazov, Y. Kristeva)]. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie stepeni kand. filol. nauk. M., 2012. 25 p.
2. Bakhtin, M.M. Roman, kak literaturniy zhanr. [The novel as a literary genre] // *Bakhtin M.M. Sobr. soch. T. 3: Teoriya romana* (1930-1961 gg.). M.: Yazyki slavianskikh kul'tur, 2012. 880 p.
3. Bakhtin, M.M. Formy vremeni i khronotopa v romane: ocherki po istoricheskoi poetike [Forms of time and chronotope in the novel: essays on historical poetics] // *Bakhtin M.M. Epos i roman*. SPb.: Aleteiia, 2000. P. 9–93.
4. Bondarev, A.P. Granitsy literaturnogo zhanra: ot detektivnogo rassledovaniya k psikhhoanaliticheskoi introspektzii [Frontiers of literary genre: from detective investigation to psychoanalytic introspection]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki. Vyp.13 (885)*. 2021. P. 289–314.
5. Bualo, P., Narsezhak, T. Detektivnyi roman. [A detective novel] // *Kak sdelat' detektiv*. M.: Raduga, 1990. P. 198–202.
6. Ilyin, I.P. *Poststrukturalizm, dekonstruktivizm, postmodernizm* [Poststructuralism, deconstructivism, postmodernism]. M.: Intrada, 1996. 225 p.
7. Kirilenko, N.N. *Zhanrovyy invariant i genezis klassicheskogo detektiva* [Genre invariant and genesis of the classic detective story]. Dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni kandidata filologicheskikh nauk. M., 2016. 252 p.
8. Kirilenko, N.N. *Klassicheskii detektiv kak zhanr kriminal'noi literatury (invariant i genezis)*. [The classic detective as a genre of crime literature (invariant and genesis)]. [monografiia] Moskva – Ekaterinburg: Kabinetnyi uchenyi, 2020. 246 p.
9. Kirilenko, N.N., Fedunina, O.V. Zhanry kriminal'noi literatury kak teoreticheskaya problema. [Genres of criminal literature as a theoretical problem]. // *Poetika literaturnykh zhanrov: problemy tipologii i genezisa. Kollektivnaya monografiia*. Pod red. D.M. Magomedovoi, V.V. Savelova. Rossiiskii gosudarstvennyi humanitarnyi universitet. 2019. P. 110–202.
10. Korzhukova, E.S. Nedetektivnoe prostranstvo ispanskogo nuara: «Nevidimy strazh» Dolores Redondo. [The non-detective space of Spanish noir: «The Invisible Guardian» by Dolores Redondo]. *Filologicheskie nauki v MGIMO*. № 9 (2). 2023. P. 134–145.
11. Korzhukova, E.S. Motiv lyubvi v transformatsii i raskrytii obraza glavnogo geroia v proizvedeniakh Arturo Peresa-Reverte (na primere romana «Tango staroi gvardii») [The motif of love in the transformation and disclosure of the image of the protagonist in the works of Arturo Perez-Reverte (on the example of the novel «Tango of the Old Guard»)]. *Filologicheskie nauki v MGIMO*. №3 (19). 2019. P. 83–91.
12. Leskov, S.V. *Leksicheskie i strukturno-kompozitsionnye osobennosti psikhologicheskogo detektiva* [Lexical and structural-compositional peculiarities of the psychological detective story]. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie stepeni kand. filol. nauk. SPb., 2005. 28 p.
13. Lokshina, Yu. V. *Traditsii goticheskogo romana v tvorchestve Airis Merdok i Dzhona Faulza* [Traditions of the Gothic novel in the works of Iris Murdoch and John Fowles]. Federal'noe gosudarstvennoe budzhetnoe uchrezhdenie nauki Institut mirovoi literatury im. A.M. Gor'kogo Rossiiskoi akademii nauk. Dissertatsiia na soiskanie uchenoi stepeni kand. filol. nauk. 2015. 161 p.

14. Lotman, Yu.M. O sodержanii i strukture poniatii «khudozhestvennaia literatura» [On the content and structure of the concept of “fiction”] // *Lotman Yu.M. Izbrannye statii. V 3 t. T. 1. Statii po semiotike i topologii kul'tury*. Tallin: Aleksandra, 1992. P. 191–199.
15. Mazin, A.V. «Blesk i nischeta» detektivnogo zhanra [«The glitter and glamour» of the detective genre], www.litres.ru/book/aleksandr-mazin/bleisk-i-nischeta-detektivnogo-zhanra-239232/chitat-onlayn/ (Accessed: 23.07.24).
16. Man'kovskaia, N.B. *Estetika postmodernizma*. [The aesthetics of postmodernism]. SPb.: Aletea, 2000. 346 p.
17. Matveenko, I.A. *Vospriiatie angliiskogo sotsial'no-kriminal'nogo romana v russkoi literature 1830-1900-kh gg.* [Perception of the English social-criminal novel in Russian literature of the 1830s-1900s.]. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie stepeni kand. filol. nauk. Tomsk, 2011. 34 p.
18. Savochkina, E.A. *Lingvovokatsionnoe issledovanie literaturno-khudozhestvennogo zhanra iuridicheskogo trillera: na materiale romana J. Grisham "The Runaway Jury" i ego perevoda na russkii iazyk* [Linguo-evocative study of the literary and artistic genre of the legal thriller: on the material of J. Grisham's novel "The Runaway Jury" and its translation into Russian. Grisham's novel "The Runaway Jury" and its Russian translation]. Dissertatsiya na soiskanie stepeni kand. filol. nauk. Barnaul, 2007. 165 p.
19. Skokova, T.A. Spetsifika massovoi literatury v epokhu postmodernizma [Specifics of mass literature in the era of postmodernism]. *Vestnik VGU. Filologiya. Zhurnalistika*. № 2. 2009. P. 95–100.
20. Spiridonov, D.V., Khoroshev, E.V. Natsional'nye varianty detektiva v sovremennom zarubezhnom literaturovedenii: problema vnutrizhanrovoy tipologii detektivnogo narrativa [National variants of the detective in modern foreign literary studies: the problem of intra-genre typology of detective narrative]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. № 6 (33). 2014. P. 69–73.
21. Fedunina, O.V. «Rassledovanie zhertvy» v literature i kino: «Flamandskaia doska» A. Peresa-Reverte i «Uncovered» D. Makbraida» [“Victim Investigation” in Literature and Film: A. Perez-Reverte's “The Flemish Board and D. McBride's “Uncovered”]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaia i zarubezhnaia literatura. Seriya 7. Literaturovedenie*. M.: INION RAN, 2024. P. 101–114.
22. Teoriia literature. V 2 t. T. 1 [Theory of Literature. In 2 vol. V. 1] / pod red. N. D. Tamarchenko. M.: Academia, 2004. 513 p.
23. Culver, M.M. El “yo” de la detective: Dolores Redondo y Carolina Solé. *Lectora* № 21, 2015. P. 57–71.
24. Higuero, F.J. Exploración cognitiva y desencuadramiento diegético en “El guardián invisible”, de Dolores Redondo. *Narrativas, Revista de narrativa contemporánea en castellano*. núm. 37. 2015. P. 13–23.
25. Lissorgues, Y. La novela detectivesca española actual: un posibilismo realista. *AIH, Actas XI. Centro Virtual Cervantes*. 1992. P. 173–182.
26. Redondo, D.M. Ofrenda a la tormenta. *Trilogía del Baztán 3*. Editorial Planeta. 2016. 547 p.
27. Redondo, D.M. Todo esto te daré. Barcelona. Editorial Planeta. 2016. 616 p.
28. Rino Ponce M.M. La novela negra española. Un ejemplo contemporáneo: Dolores Redondo. *Siglo XXI. Literatura y cultura españolas*. № 14. Ediciones Universidad de Valladolid. 2016. P. 69–81.
29. Todorov, Tz. Poétique de la prose (choix) suivi de Nouvelles recherches sur le récit. P. 1980. 153 p.
30. Wieser, D. Crímenes y sus autores intelectuales. Entrevistas a escritores del género policial en América Latina y África lusófona. *Forum Literaturwissenschaften 8*. Martin Meidenbauer Verlagsbuchhandlung. München, 2010. 238 p.
31. Zapatero, J.S. La novela negra europea contemporánea: una aproximación panorámica. *Extravío. Revista electrónica de literatura comparada*, núm. 7. 2014. P.10–24.

Сведения об авторах:

Коржукова Елена Станиславовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры испанского языка МГИМО МИД РФ. Сфера научных интересов: лингвокультурология, современная испаноязычная литература, массовая литература Испании и Латинской Америки, художественный анализ текста, стилистика. E-mail: baleares@yandex.ru ORCID: 0000-0003-0402-5718

Смирнова Ирина Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры испанского языка МГИМО МИД РФ. Сфера научных интересов: лингвопрагматика, лингвистическая семантика, лексикология и фразеология в художественном анализе текста, лингво-прагматический аспект испанского электорального дискурса, массовая испаноязычная литература как отражение актуальных тенденций общества. E-mail: irina-smirnova1402@yandex.ru ORCID: 0009-0001-1288-4638

About the authors:

Elena S. Korzhukova, PhD (Philology), is Associate Professor of the Department of the Spanish Language, MGIMO University. Research interests: linguoculturology, modern Spanish-language literature, mass literature of Spain and Latin America, artistic text analysis, stylistics. E-mail: baleares@yandex.ru ORCID: 0000-0003-0402-5718

Irina V. Smirnova, PhD (Philology), is Associate Professor of the Department of the Spanish Language, MGIMO University. Research interests: linguopragmatics, linguistic semantics, lexicology and phraseology in artistic text analysis, linguo-pragmatic aspect of Spanish electoral discourse, mass Spanish-language literature as a reflection of current trends in society. E-mail: irina-smirnova1402@yandex.ru
ORCID: 0009-0001-1288-4638

* * *

ЖУРНАЛ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ В МГИМО» ЗА 2024 ГОД

ЛИНГВИСТИКА И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Аверина А.В.

Немецкие модальные глаголы во вторичном значении и их аналоги в русском языке. Том 10, №1

Банков А.С.

Дистрибуция ритмических групп в парадигме гендера и вида речевой деятельности. Том 10, №2

Галочкин А.Е.

Синтаксическая позиция «народа» в политическом дискурсе левого и правого популизма (опыт синтаксического анализа на основе NLP). Том 10, №2

Иванов Н.В.

Модальные категории португальской грамматики в зеркале логического анализа -1. Том 10, №4

Иванова Т.К., Муталлапова А.А., Чигашева М.А.

Структурно-семантический анализ понятия союз в политическом медиадискурсе (сопоставительное исследование английского, немецкого и русского языков). Том 10, №1

Катермина В.В.

Английский урбанистический неологический дискурс: прагма-семантический аспект. Том 10, №1

Ларионова М.В., Романова Г.С.

Морфология и семантика словообразовательной метафоры в испанском медийном дискурсе. Том 10, №1

Макаров Н.С.

Церковная лексика как лексическая категория. Том 10, №2

Мамедова Ф.А.

Английские заимствования в экономическом дискурсе (на материале современной российской рекламы). Том 10, №4

Мехтиханлы С., Амири М.

О глаголах речевого воздействия русского и персидского языков в ситуациях делового общения. Том 10, №1

Михеева Н.А.

Стилистическая принадлежность устойчивых словосочетаний с компонентом *MAYOR*, *MENOR* в испанском языке. Том 10, №4

Мурашова Л.П.

Гендерные асимметрии категории «внешность» в английском языке (на примере анализа атрибутивно-именных словосочетаний с ядерными лексемами «man» и «woman»). Том 10, №1

Николаенко Е.М., Шевелева И.А.

О развитии языка в эпоху экранной зависимости (на материале английских неологизмов). Том 10, №2

Путачева Т.А.

Коммуникативно-прагматический потенциал немецких традиционных и модифицированных фразеологизмов. Том 10, №2

Райкова Ю.А.

Узуальные и окказиональные эвфемизмы в немецкой экономической публицистике. Том 10, №1

Синельникова Т.А., Лаврова Н.А.

Тенденции развития терминологии в области зелёной экономики и устойчивого финансирования (на материале английского и русского языков). Том 10, №2

Тарасова М.В.

О влиянии экстралингвистических и интралингвистических факторов на неологизацию французского языка в период пандемии. Том 10, №1

Терещук А.А., Григорченкова Н.И.

Идеологема «REVOLUCIÓN» в политическом дискурсе испанского карлизма. Том 10, №2

Филичкина Т.П.

Прецедентные феномены как средство репрезентации событий в англоязычном медийном дискурсе. Том 10, №4

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Анисимов В.Е., Анисимова Е.Д., Огородов М.К.

Применение малоформатных текстов в практике обучения переводу для профессиональных целей. Том 10, №4

Микаэлян Ю.И.

«Советский Пушкин» в Латинской Америке: как перевести миф? О переводах повести С. Довлатова «Заповедник» в Бразилии и Аргентине. Том 10, №4

Уланова Е.Э.

Лингвокогнитивный подход к анализу языковой личности переводчика в ситуации устного перевода. Том 10, №1

Iovenko Valery A.

Bases ontológicas y filosóficas del estatus causal de la idiosincrasia étnica y psicológica en la traducción/ interpretación. Том 10, №2

ИННОВАЦИОННЫЕ МЕТОДИКИ И КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ

Гагарин С.Н.

Базовые методики анализа языковых картин политики с помощью языка программирования Python и библиотеки NLTK (на материалах корпусов британского парламентского дискурса). Том 10, №2

Гринина Е.А., Ионова А.М., Конколь М.М.

Оптимизация подхода к обучению второму иностранному языку. Том 10, №1

Лыкова К.В.

Микрообучение как эффективный способ управления вниманием студентов на занятии по иностранному языку. Том 10, №4

Ракова К.В.

Инновационная методика преподавания английского языка с использованием онлайн-платформы Youglish и формата игры «Скажи иначе» (на примере междисциплинарных неологизмов в сфере цифрового здравоохранения). Том 10, №2

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Гриценко Е.С., Лалетина А.О.

Английский язык как элемент локальных речевых практик внутригруппового общения в России. Том 10, №2

Дымова А.В., Карева В.Ю., Золотайко А.И.

Риши Сунак vs Кир Стармер: карикатурная репрезентация в контексте парламентских выборов. Том 10, №4

Коржукова Е.С., Смирнова И.В.

«Испанский нуар»: к литературоведческому пониманию жанра (на примере романа Долорес Редондо «Всё это дам тебе». Том 10, №4

Лесик К.А., Стрелкова Г.В.

Реминисценция философии экзистенциализма в литературе хинди конца XX – начала XXI вв. Том 10, №1

Раздорская Н.В.

Эмоционально-психологический аспект кросс-культурной коммуникации с японцами. Том 10, №2

ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИГЛОТИИ

К. Пеллегрини

Поддержание языка у полиглотов с точки зрения динамической модели многоязычия: результаты исследования. Том 10, №3

Никуличева Д.Б.

Выявление стратегий мультилингвов в изучении древних языков. Том 10, №3

ИЗУЧЕНИЕ РЕДКИХ ЯЗЫКОВ И ПИСЬМЕННОСТЕЙ

Петров П.В.

Сконструированные языки: опыт хронологического описания. Том 10, №3

Talavera Ibarra P. L., Talavera Ibarra O. U., Chesnokova O.

El topónimo Uruapan y la identidad de los fundadores de la ciudad. Том 10, №3

Zúñiga Elizalde O. A.

Estandarización escrita del náhuatl enfocada a la generación de recursos de lectura y aprendizaje. Том 10, №3

СОЦИОЛИНГВИСТИКА И ГЕОЛИНГВИСТИКА

Китабаяси Х.

Геоллингвистика государственной политики в сфере иноязычного образования в отношении редко изучаемых языков глобального Юга. Том 10, №3

Ивушкина Т.А.

Языковое разнообразие на Филиппинах. Том 10, №3

Лингвистические новости в мире 2024 г. Том 10, №3